

Андрей Белый

Переписка
1902 – 1915

Эмилий Метнер

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Переписка

**Андрей Белый и Эмилий
Метнер. Переписка. 1902–1915**

«НЛО»

2017

Андрей Белый и Эмилий Метнер. Переписка. 1902–1915 /
«НЛО», 2017 — (Переписка)

ISBN 978-5-4448-0870-2

Переписка Андрея Белого (1880–1934) с философом, музыковедом и культурологом Эмилием Карловичем Метнером (1872–1936) принадлежит к числу наиболее значимых эпистолярных памятников, характеризующих историю русского символизма в период его расцвета. В письмах обоих корреспондентов со всей полнотой и яркостью раскрывается своеобразие их творческих индивидуальностей, прослеживаются магистральные философско-эстетические идеи, определяющие сущность этого культурного явления. В переписке затрагиваются многие значимые факты, дающие представление о повседневной жизни русских литераторов начала XX века. Важнейшая тема переписки – история создания и функционирования крупнейшего московского символистского издательства «Мусагет», позволяющая в подробностях восстановить хронику его внутренней жизни. Лишь отдельные письма корреспондентов ранее публиковались. В полном объеме переписка, сопровождаемая подробным комментарием, предлагается читателю впервые.

ISBN 978-5-4448-0870-2

, 2017

© НЛО, 2017

Содержание

Том 1	6
Моцарт и Сальери	6
Археографическая справка	50
Условные сокращения	51
1902	53
1. Метнер – Белому	53
2. Белый – Метнеру	55
3. Метнер – Белому	63
4. Метнер – Белому	63
5. Метнер – Белому	63
6. Метнер – Белому	64
7. Метнер – Белому	64
8. Белый – Метнеру	66
9. Белый – Метнеру	71
10. Белый – Метнеру	72
11. Метнер – Белому	74
12. Белый – Метнеру	76
13. Метнер – Белому	81
14. Белый – Метнеру	85
15. Метнер – Белому	87
1903	92
16. Белый – Метнеру	92
17. Белый – Метнеру	95
18. Белый – Метнеру	97
19. Метнер – Белому	98
20. Белый – Метнеру	104
21. Метнер – Белому	114
22. Белый – Метнеру	121
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Андрей Белый и Эмилий Метнер. Переписка. 1902–1915

© А.В. Лавров, вступительная статья, 2017

© А.В. Лавров, Дж. Малмстад, составление, комментарии, 2017

© ООО «Новое литературное обозрение», 2017

* * *

Том 1 1902–1909

Моцарт и Сальери *К истории взаимоотношений Андрея Белого и Эмилия Метнера*

Огромное эпистолярное наследие Андрея Белого (Бориса Николаевича Бугаева; 1880–1934) уже в значительной мере введено в читательский оборот. Отдельными томами опубликованы его переписка с А. А. Блоком, А. С. Петровским, Р. В. Ивановым-Разумником, а также письма Белого к А. Д. Бугаевой, М. К. Морозовой; в различных изданиях увидели свет переписка Белого с В. Я. Брюсовым, П. А. Флоренским, М. О. Гершензоном, его письма к А. М. Кожебаткину, С. М. Алянскому, П. Н. Зайцеву, В. Э. Мейерхольду, Г. А. Санникову, многим другим корреспондентам. Продолжавшаяся немногим менее пятнадцати лет интенсивная переписка Белого с Эмилием Карловичем Метнером (1872–1936), одним из его ближайших друзей и духовных спутников, многократно использовалась различными исследователями, щедро цитировалась, печаталась отдельными фрагментами¹, но оставалась неопубликованной в полном объеме. Между тем этот эпистолярный комплекс – один из важнейших, характеризующих личность и духовные искания Андрея Белого в период его литературного становления и в последующие годы, связанные с деятельностью символистского книгоиздательства «Мусагет». Столь же значима переписка с Белым и для осмысления образа Метнера – творческой индивидуальности, во многом недоовоплощенной и недооцененной, но сыгравшей существенную роль в культуросозидательных инициативах начала XX века.

История взаимоотношений Белого и Метнера, во всей своей полноте отразившаяся в их переписке, являет собою подробную картину становления тесной дружбы, основанной на глубоком родстве интеллектуальных и духовных устремлений, и ее поступательного развития, прерываемого рядом кризисных, конфликтных ситуаций, которые, все более нарастая и усиливаясь, в конечном счете возобладают и приведут к полному разрыву. В череде конфликтов, разрушивших казавшуюся незыблемой дружескую связь, всякий раз обнаруживались конкретные причины и поводы, иногда серьезные и принципиальные, иногда мелкие и надуманные, но наряду с этими основаниями давали о себе знать и общие различия, заложенные изначально в духовно-психологических типах, культурных ориентирах и поведенческих темпераментах двух корреспондентов, которые рано или поздно, но неизбежно должны были обостриться. М. К. Морозова, близко знавшая их обоих, проницательно отмечала: «...между Метнером и Бугаевым было глубокое внутреннее расхождение, которого они, увлекаясь друг другом, не замечали и не думали, что оно должно, при близком соприкосновении, скоро обнаружиться. Метнер – западник, по характеру – немец, любящий порядок и определенность во всем, очень прямолинейный, не умеющий приспособляться к людям, страдал от каждого, казавшегося ему нелогичным, поступка Бугаева. А Бугаев, насквозь русский, эмоциональный, мягкий, увлекающийся, живущий в своем мире фантазии, мало чувствовал реальность жизни и, если с ней сталкивался, то страдал и бунтовал»².

---

¹ Самая ранняя из этих публикаций: Nivat Georges. Histoire d'une «tératogénèse» biélyenne (Les rapports entre Emilij Medtner et Andrej Belyj) // Cahiers du Monde russe et soviétique. 1977. Vol. XVIII. No. 1/2. P. 93–132.

² Морозова М. К. Андрей Белый / Предисл. и примеч. В. П. Енишерлова; публ. Е. М. Буромской-Морозовой и В. П. Енишерлова // Андрей Белый. Проблемы творчества: Статьи. Воспоминания. Публикации. М., 1988. С. 537.

Приступая к изображению Метнера в мемуарах, Белый указал на его литературное подобие – Стирфорта из романа Диккенса «Жизнь Дэвида Копперфилда», с которым знакомится в Сэлем-Хаусе юный герой-повествователь и который становится для него объектом обожания и подражания: «К этому ученику, слывшему многоученым, к этому мальчику, бывшему лет на шесть старше меня и очень красивому, меня привели, словно к судьбе»³. Белый намечает параллель: «Тротвуд, юноша; и – Стирфорс, блеск талантов, старший товарищ Тротвуда; история друзей – себя повторяющий миф; у каждого бывает свой Стирфорс, свой блеск; жизнь отнимает Стирфорса; но сон о нем длится. Он – кипение юных сил в нас; он – нас отражающее зеркало»⁴. Параллель между Белым – юным Тротвудом-Копперфилдом и Метнером – Стирфортом («встреча юноши с сильно вооруженным мужем, поражающим воображение»⁵), наглядная для ранней поры их взаимоотношений, могла бы быть прослежена и в дальнейших сюжетных перипетиях диккенсовского романа – в постепенном разрушении образа сотворенного кумира и драматическом финале.

Наряду с указанной самим Белым кажется в данном случае допустимой и другая параллель из мира классических литературных персонажей, способная, как представляется, дополнительно проиллюстрировать и свести к определенным архетипам всю гамму различий, которые намечаются между творческими индивидуальностями и психологическими обликами двух корреспондентов, – с пушкинскими Моцартом и Сальери (параллель, разумеется, с внутренним содержанием этих образов, а не с сюжетной коллизией «маленькой трагедии»). Подобно Сальери, Метнер осознает исключительность дарования Белого, равно как и то, что «бессмертный гений озаряет голову безумца», что Белый во всех своих жизненных и творческих самореализациях поступает «как беззаконная комета в кругу расчисленных светил», что легкость, поспешность и стремительность его действий и высказываний сплошь и рядом оборачиваются безоглядностью и безответственностью. Подобно Сальери, Метнер глубоко не удовлетворен собою и своими литературно-аналитическими опытами, результаты которых несоразмерны с возлагавшимися на них надеждами и затраченными усилиями («...я один с моей глухой славой»; «Усильным, напряженным постоянством // Я наконец в искусстве безграничном // Достигнул степени высокой»). С моцартианскими по своей сути свободными творческими импровизациями и вдохновенными фантазиями Андрея Белого контрастируют сальеристически окрашенные постоянные гнетущие мысли Метнера о собственной несостоятельности, об ограниченности отпущенных ему способностей, о тщетности попыток реализовать таящиеся в глубине своего существа задатки. Наконец, в определенном ценностном соответствии с пушкинскими героями – Моцартом, воплощенном гении, и «ремесленником» Сальери («Ремесло поставил я подножием искусству») – сложилась посмертная репутация Андрея Белого, признанного корифея русского символизма, и Эмилия Метнера, отодвинутого на периферию этого направления и воспринимаемого скорее как одна из многих фигур, образующих его фон. Лишь в последнее время реальное соотношение сил и дарований стало восстанавливаться и к личности Метнера пробудился пристальный интерес, свидетельством чего являются в первую очередь монография о нем Магнуса Юнггрена⁶ и сборник работ, посвященных ему и его литературному окружению⁷.

³ Диккенс Чарлз. Собр. соч.: В 30 т. М., 1959. Т. 15. С. 104. Пер. А. В. Кривцовой и Евгения Ланна.

⁴ *ИВ*. С. 87.

⁵ Там же.

⁶ См.: *Ljunggren Magnus*. The Russian Mephisto: A Study of the Life and Work of Emilii Medtner. Stockholm, 1994 (Acta Universitatis Stockholmiensis. Stockholm Studies of Russian Literature. Vol. 27); русский перевод А. В. Скидана: *Юнггрен Магнус*. Русский Мефистофель: Жизнь и творчество Эмилия Метнера. СПб., 2001.

⁷ См.: Russian Literature. 2015. LXXVII–IV. Special Issue. Эмилий Метнер: Жизнь, творчество, роль в культуре. Guest Editor: Monika Spivak.

Восьмилетняя разница в возрасте, пролежавшая между 21-летним студентом 3-го курса естественного отделения физико-математического факультета Московского университета Борисом Бугаевым и его новым знакомым Эмилием Карловичем Метнером, поначалу, действительно, создавала определенную субординацию между ними, наподобие той, которая сказывалась в отношениях между юным Копперфилдом и «многоопытным» Стирфортом. Метнер к тому времени уже был ответственным чиновником, причисленным к Министерству внутренних дел. Родился Эмиль-Карл Метнер (Medtner) 7 декабря 1872 г. в Москве в обрусевшей немецкой семье евангелическо-лютеранского исповедания. Отец, Карл Петрович (Карл Август Веньямин) Метнер (1846–1921), был одним из директоров акционерной компании «Московская кружевная фабрика»; мать, Александра Карловна (Александрина Вильгельмина; 1843–1918), происходила из рода Гедике (Goedicke)⁸, ее племянник – композитор и пианист, впоследствии профессор Московской консерватории Александр Федорович Гедике (1877–1957). В семье Метнеров Эмилий был старшим сыном, за ним следовали братья Карл, Александр (скрипач, альтист, дирижер, композитор), сестра Софья (в замужестве Сабурова) и самый младший брат, Николай, ставший выдающимся композитором и пианистом. По окончании московской 5-й гимназии (куда он перешел из 1-й классической гимназии) Эмилий Метнер в июле 1893 г. поступил на юридический факультет Московского университета, который окончил в мае 1899 г. с дипломом 1-й степени⁹. После этого он некоторое время находился на военной службе, в артиллерийских войсках (что, согласно его позднему признанию, «благоприятно сказалось» на «физическом и духовном состоянии»¹⁰), затем занимался адвокатурой.

Параллельно с занятиями в университете началась и литературно-журналистская деятельность Метнера, отразившая его глубокий интерес к музыке – главному жизненному страстию. В 1894–1899 гг. Метнер помещает в газете «Московские Ведомости» – консервативном органе, где он был постоянным сотрудником, а в 1894–1896 гг. состоял помощником секретаря редакции, – корреспонденции, реферативные статьи, переводы, объединенные музыкальной тематикой (за подписями: Э. М., Эм.). В той же газете он опубликовал в 1896 г. (за подписью: М – р) цикл очерков о Турции и Болгарии, основанных на личных впечатлениях¹¹. Оставшиеся нереализованными мечты о собственном музыкальном призвании, о карьере дирижера трансформировались в энергию, которую Эмилий Метнер вкладывал в формирование личности и профессиональное воспитание брата Николая, уже в юношеские годы обнаружившего незаурядные задатки крупного музыканта.

Редактором «Московских Ведомостей» в 1887–1896 гг. был историк и публицист С. А. Петровский. Его сын Алексей Петровский, студент отделения естественных наук физико-математического факультета Московского университета, однокашник и друг Бориса Бугаева, сблизившийся с ним в первый год пребывания в университете, знал Метнера еще с гимназических лет и восхищался его дарованиями. В свою очередь и Алексей Петровский чрезвычайно заинтересовал Метнера своими мистическими и ортодоксально-религиозными устремлениями. Можно предположить, что мистические переживания и озарения юноши Андрея Белого, те порывы и настроения, которые он позднее обозначит формулой «эпоха зари», первоначально транслировались Метнеру через Петровского. В частности, в дневниковой записи Метнера от 17 января 1901 г. зафиксированы сформулированные Петровским суждения о сакральной символике цветовой гаммы, соотносимые с построениями относительно семантики

⁸ Э. К. Метнер подробно рассказал о семьях Метнеров и Гедике, переселившихся в Россию в конце XVIII – начале XIX в., в письме к П. Д. Эттингеру от 27 сентября 1921 г. (см.: Н. К. Метнер: Воспоминания. Статьи. Материалы. М., 1981. С. 290–300).

⁹ Университетское дело Э. К. Метнера // ЦГИАМ. Ф. 418. Оп. 307. Д. 507.

¹⁰ Цит. по: *Юнгрен Магнус*. Русский Мефистофель. С. 10.

¹¹ См. № 268, 272, 279, 282, 283, 296, 330, 345, 346. Подборка этих публикаций хранится в архиве Метнера (РГБ. Ф. 167. Карт. 21. Ед. хр. 5, 12); на внутренней стороне обложки записной книжки, в которую вклеены газетные вырезки, – пояснительная запись Метнера: «Мои первые газетные словоизвержения».

и метафизики «священных цветов», которые развивал Белый в ряде статей и писем юношеской поры – в том числе и в письмах к Метнеру: «Алексей Петровский думает, что Бог – красный, Христос – розоватый, а человек – белый; что помимо Христа и Антихриста должен и очень скоро явиться на земле Утешитель; Тот, Утешитель как чистейший человек будет вполне белый. Ницше – бывает подчас белым; Метерлинк тоже, даже чаще; Дьявол – тоже красный»¹². Образ Утешителя, появившийся в этой записи, также отражает сферу «тайнозрительных» интуиций, в которой находили взаимопонимание Петровский и Белый; в «Симфонии (2-й, драматической)» Белого, создававшейся в том же 1901 г., один, погружающийся «в теософскую глубину», говорит другому: «Если красный свет – синоним Бога Отца, красный и белый – синоним Христа, Бога Сына, то белый – синоним чего?..»; там же – одна из ключевых фраз: «Ждали *утешителя*, а надвигался мститель...»¹³

Петровский представил Метнеру Бориса Бугаева в конце 1901 г., при случайной встрече на улице. Годы спустя Белый в мемуарах красочно живописал эту мимолетную сценку, обогатив ее обертонами впоследствии развившихся отношений: «Раз шли с ним (Петровским. – *Ред.*) арбатским районом; вырос стройный, эластичный мужчина в карей широкополой шляпе, в зеленовато-сером пальто; бросились: узкая клинушкой каштановая борода и лайково-красная перчатка, подымавшая палку, когда он остановился как вкопанный, точно внюхиваясь расширенными ноздрями тонкого носа и поражая загаром худого, дышавшего задором и упорством лица. <...> Настороженно вперились друг в друга; запомнилась поза Метнера: подозревающий задор, дразнимое любопытство, могущее стать и угрюмым молчаньем, и жестом детской доверчивости. Впоследствии мне казалось, что в миг первого столкновения на улице всплыл лейтмотив отношений, и бурных и сложных, где и пиры идей, и ярость взаимных нападок пестро сплетались до первого разговора, единственного, длившегося года в поединке взаимопризнания, признания, отрицания»¹⁴.

Их следующая встреча после эпизода шапочного знакомства состоялась несколько месяцев спустя, в начале апреля 1902 г., на генеральной репетиции оркестра под управлением Артура Никиша в Колонном зале Благородного собрания: «...встреча и первый пристальный разговор с Э. К. Метнером на репетиции Никиша, определивший будущую дружбу»¹⁵. Белый поразился тогда глубиной и тонкостью, с какими Метнер интерпретировал исполняемую 6-ю симфонию Шуберта: «Я же разевал рот на комментатора Никишевых комментариев не к чудурной симфонии, а к европейской культуре, в лекции о которой он мне превратил репетицию Никиша простым подчерком музыкальных тем и их смысловым раскрытием в связи с философией»¹⁶.

В свою очередь, Метнер в ретроспективной дневниковой записи от 16 сентября 1902 г. указал на другую ситуацию, послужившую началом его последующего сближения с Белым: «В первый раз я виделся с ним на заседании Психологического общества в память Вл. Соловьева. Это было мимолетно. Нынешнею весною Алеша (А. С. Петровский. – *Ред.*) затащил его ко мне, после того как узнал, что мы быстро сошлись на репетиции концерта Никиша, затем вышла в свет книжка А. Белого „Симфония“, которую я начал читать, не зная, что она принадлежит перу Бугаева, но среди чтения догадался, кто автор. Я ответил на визит, и мы сблизились еще больше»¹⁷. Видимо, об упомянутом «визите» говорится в письме Петровского к Метнеру от 16

¹² РГБ. Ф. 167. Карт. 23. Ед. хр. 10. Л. 13.

¹³ *Симфонии*. С. 130, 133, 134.

¹⁴ *НВ*. С. 89–90.

¹⁵ ЛН. Т. 105. С. 342.

¹⁶ *НВ*. С. 92.

¹⁷ РГБ. Ф. 167. Карт. 23. Ед. хр. 9. Л. 50 об. – 51.

апреля 1902 г.: «Не зайдете ли ко мне в пятницу вечером? У меня будет Бугаев. <...> Конечно, если Вам интересно поближе с ним познакомиться»¹⁸.

«Симфония (2-я, драматическая)» – литературный дебют Андрея Белого – вышла в свет в апреле 1902 г. Обратил внимание Метнера на это произведение опять же Алексей Петровский, предлагавший ему в недатированном письме: «Не приобретете ли себе одну книжку: Андрея Белого: Симфония, цена 1 р. Она доставит Вам несколько с удовольствием проведенных часов. Если возникнут догадки относительно автора, пожалуйста, *держите их про себя*. Если встретите в 1 и 4 части два лица, напоминающих меня, то помните, что это *не я*, и у автора не было намерения изобразить меня. Вообще, эта вещь – шутка, не предназначавшаяся для печати, шутка, подчас доходящая до буффонады»¹⁹.

В читательской аудитории «Симфония» почти единодушно была воспринята как очередная нелепая и претенциозная «декадентская» выходка. С пониманием этот экспериментальный образец новооткрытого Белым жанра – литературного повествовательного текста, выстраиваемого с ориентацией на структурные каноны музыкального произведения, – встретили лишь в символистской среде. Метнер сразу стал энтузиастическим поклонником этой книги. В воспоминаниях Белый передает его восторженные слова, полные впечатлений от только что прочитанной «Симфонии»: «„Симфонией“ дышишь, как после грозы... В ней меня радуют: воздух и зори; из пыли выхватили кусок чистого воздуха, Москва – осветилась: по-новому... „Симфония“ – музыка зорь <...>»²⁰. Более того: Метнер убежден, что у автора «Симфонии» впереди большое литературное будущее. 16 сентября 1902 г. он записал в дневнике: «Бугаев – высокий тонкий 21-летний студент. Голова его построена очень хорошо; она свидетельствует о способности этого колоссального ума со временем уравновеситься, стать „белым“; голова эта, в которой затылок и лоб поражают взятые в отдельности, но гармонируют вместе, есть голова оптимиста, жизнерадостного олимпийца, поэта и философа в одно время. <...> Бугаев – это для меня пробный камень русского человека. Если из него не выйдет чего-нибудь очень значительного, чего-нибудь более крупных размеров, нежели Влад. Соловьев, то я ставлю крест способностям русского человека. Так сильно, как он, никто из русских, кроме Пушкина и Лермонтова, не начинал. Его „Симфония“ – гениальна»²¹.

Осенью того же 1902 г. Белый вошел в круг семьи Метнеров, стал регулярно бывать в их квартире, которая уже тогда обретала черты одного из мест притяжения московской интеллигенции²². С 1896 г. для его самообразования и духовного самосознания главную роль играли Соловьевы – брат философа Михаил Сергеевич и его жена Ольга Михайловна. Теперь в жизнь начинающего писателя вошли в аналогичной роли Метнеры – и прежде всего Эмилий Метнер. О сентябре – октябре 1902 г. Белый вспоминает: «Все почти вечера провожу я у Метнеров в непрерывных беседах с Эмилием Метнером; эти дни – новое откровение музыки для меня;

¹⁸ РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 24. Пятница – 19 апреля.

¹⁹ Там же. Упомянутые в письме персонажи «Симфонии» – Петковский и Поповский. Белый впоследствии пояснял: «... некто же „пассивный и знающий“, А. С. Петковский, просовывающийся в „Симфонию“, есть та сторона в А. С. Петровском, которая в то время влияла на меня в моем самоопределении в сторону ортодоксального православия; <...> а в Поповском отобразилась та сторона в А. С., с которой я в те дни боролся: своего рода „*esprit mal tourné*“ <„ум, направленный на дурное“ – фр.>, всюду видящий только соблазны дьявола» (ЛН. Т. 105. С. 63–64). Тех же персонажей Белый истолковывает в письме к Иванову-Разумнику от 7 (20) ноября 1915 г. (см.: Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. СПб., 1998. С. 59).

²⁰ *НВ*. С. 93.

²¹ РГБ. Ф. 167. Карт. 23. Ед. хр. 9. Л. 55 – 55 об.

²² Ср. описание этого дома в воспоминаниях К. Л. Зелинского: «В семикомнатной квартире главы этой семьи, квартире, уставленной добротной мебелью, украшенной бронзой, картинами, множеством книг, в Большом Гнезниковском переулке – у Карла Петровича Метнера <...> собиралась по субботам и в воскресенье разнообразнейшая компания. Тут были писатели, поэты, коммерсанты, живописцы, музыканты, аристократические дамы из религиозно-философского кружка <...> дамы из благотворительного общества и литературных салонов. В этом доме, за гостеприимным обеденным столом, обычно царил старший сын К. П. Метнера Эмилий Метнер <...>» (*Зелинский Корнелий*. На рубеже двух эпох: Литературные встречи 1917–1920 годов. М., 1960. С. 126).

Метнер углубляет мое отношение к музыке, иллюстрирует свои мысли при помощи брата своего, пьяниста (впоследствии известного композитора), исполняющего ряд сонат Бетховена и Шумана. <...> Метнер впервые колеблет во мне шопенгауэровский подход к Канту и сосредоточивает мое внимание на Канте; он впервые мне приоткрывает подлинного Гёте; так, своим подходом к Бетховену, к Гёте и к Канту я обязан Метнеру <...>²³. Не менее значимым было для Белого знакомство с Николаем Метнером и его ранними произведениями в авторском исполнении; особенно сильное впечатление на автора литературных «симфоний» произвела фортепианная соната f-moll Н. Метнера, в которой он почувствовал глубинное родство с собственными творческими интуициями, уловил музыкальный эквивалент своим «симфоническим» настроениям.

Эмилий Метнер, безусловно, осознавал определенное внутреннее сходство между Белым и своим младшим братом. Не решившись двигаться по, казалось бы, предначертанной ему музыкальной стезе, он направил свои силы к тому, чтобы способствовать духовному воспитанию и профессиональному самоопределению и возрастанию Николая. Сблизившись с Белым и распознав его исключительные творческие задатки, Эмилий Метнер невольно стал выступать и в отношениях с ним в аналогичной роли, стремясь придать более четкие и осознанные формы, более тщательную огранку его стихийному, бурно выплескивающемуся дарованию. В приведенной цитате Белый указал на несколько культурных миров, которые стали раскрываться перед ним посредством менторских усилий Метнера, – на классическую немецкую музыку, на немецкую классическую философию (Кант; в союзе и противоборстве с ним Белый позднее станет воздвигать здание собственной теории символизма), на грандиозную фигуру Гёте – для Метнера величайшего из людей, населявших землю. К этим трем сферам следовало бы добавить еще одну, для Белого и Метнера в равной мере великую, – личность и творчество Ницше; о том, что фигура этого мыслителя и прорицателя всегда оказывалась для них обоих в эпицентре интересов и размышлений, наглядно свидетельствует их переписка²⁴. Все эти культурные миры в совокупности образуют один глобальный мир, именуемый Германией. Убежденный германофил, Метнер активно способствовал формированию у Белого тех же культурных предпочтений; при этом германофильство сочеталось у Метнера, вполне в согласии с осознанием своего пограничного положения между двумя национальными общностями, с утверждением и почитанием русской самобытности, но в непременном содружестве с германским началом и с опорой на него. «Россия не может быть без Германии, и Германии тоже нужна Россия, – утверждал он. – Это – двоюродные братья»²⁵. В «Воспоминаниях о Блоке» Белый аттестовал Метнера как «славянофильствующего кантианца»²⁶. В русских писателях Метнер готов был находить подобию и аналогии писателям немецким, и Андрей Белый воспринимался им с привлечением таких параллелей: Новалис – «это немецкий Андрей Белый XVIII столетия... Конечно, не во всем»²⁷; «...не видеть огромности этого русского Жана Поля и русского Новалиса и русского Hamann'a – значит быть... напрасно образованным»²⁸.

23 октября 1902 г. Эмилий Метнер женился на Анне Братенши (одним из шаферов был Белый) и сразу после этого уехал из Москвы в Нижний Новгород, куда еще летом того же года был назначен цензором. В связи с получением этой ответственной должности он писал А. С. Петровскому (10 июля 1902 г.): «Я рад только потому, что избавился от не только неподходящей, но и ненавистной адвокатуры, хотя и ценою удаления из Москвы от своих, от музыки, от

²³ ЛН. Т. 105. С. 81.

²⁴ В архиве Метнера сохранилась рукопись выполненного им перевода с его предисловием исследования Пауля Юлиуса Мебиуса «О патологическом у Ницше» («Über das Pathologische bei Nietzsche», 1902) (РГБ. Ф. 167. Карт. 18. Ед. хр. 8).

²⁵ Письмо к Эллису от 11 (24) октября 1911 г. // РГБ. Ф. 167. Карт. 6. Ед. хр. 17.

²⁶ О Блоке. С. 77.

²⁷ Письмо к Эллису от 21 февраля (6 марта) 1907 г. // РГБ. Ф. 167. Карт. 6. Ед. хр. 2.

²⁸ Письмо к А. Блоку от 20 февраля 1913 г. // Александр Блок. Исследования и материалы. СПб., 1998. С. 217.

Вас с Бугаевым»²⁹. В Нижнем Новгороде Метнер постоянно находился с ноября 1902 г. по март 1906 г., когда вышел в отставку. Личное общение с Белым сменилось регулярной перепиской, в которой нашли продолжение и развитие обсуждавшиеся ранее темы, с наглядной полнотой воплотился круг интересов и проблем, занимавших обоих корреспондентов. Андрей Белый «эпохи зорь», мистик и визионер, теург и «жизнетворец», отобразился в этих письмах-исповеданиях, адресованных Метнеру, не менее полно и выразительно, чем в одновременно рождавшихся стихотворениях, «симфониях» и лирических статьях. Образы и символические построения, развернутые Белым в письмах к Метнеру, отражали становление его мифопоэтики и давали импульс собственно творческим опытам – как, например, письмо от 19 апреля 1903 г., в котором обрисовывались контуры «аргонавтического» мифа, положенного в основу неформального объединения молодых людей, по большей части сверстников Белого, разделявших его духовные устремления. Теоретизирования, затрагивающие сферу мистического богословия, рассуждения о различиях между теософией и теургией, выстраивания геометрических (или псевдогеометрических) схем, выводимых из открывшихся ему метафизических смыслов, аккумулированных в цветовом спектре, и т. д. – эти и многие другие темы, которые со всей щедростью и неумностью развивает Белый в письмах к Метнеру, пройдя в них апробацию, находят свое дальнейшее развитие в его писаниях, предназначавшихся для печати («О религиозных переживаниях», «О теургии», «Символизм как миропонимание», «Критицизм и символизм» и др.); многие темы и интерпретации в дальнейшем не востребуются, и тем значимее их зафиксированность в эпистолярной форме.

В лице Метнера Белый со своими прихотливыми медитациями и пафосными откровениями обретает благодарного собеседника, стремящегося отвечать в унисон заданным мыслительным ритмам и трактовкам, развивающего их в том или ином направлении или порой, сдержанно и осторожно, вносящего существенные коррективы. Наиболее показательным в этом отношении подробное письмо Метнера, стоящее особняком в общем корпусе переписки, – ответ Белому на его статью «О теургии», который в свое время предполагалось опубликовать как полемическую реплику на ряд положений, обосновываемых в статье³⁰. Даже на включаемые Белым в письма или прилагаемые к ним только что созданные стихотворения Метнер, не будучи сам стихотворцем, пытается на свой лад реагировать, отвечая текстами Гёте и других любимых немецких классиков. Новые произведения Белого получают в письмах Метнера неизменно высокую оценку; не менее высоко оценивает он их «глубокий и чистый мистицизм» в письмах к Петровскому, хотя и выражает опасения относительно дальнейшей литературной судьбы автора «симфоний»: «Что Бугаев – гениален, – я с Вами согласен; но я боюсь, что „мировое“ значение может ускользнуть от него; „нуменальное“ может заесть его, и он не проявится достаточно полно и отчетливо»³¹.

С января 1903 по октябрь 1904 г. Метнер постоянно печатался в екатеринославской газете «Приднепровский Край», которую в тот период редактировал его близкий знакомый Ф. А. Духовецкий; при содействии Метнера в ней была опубликована статья Белого «Интеллигенция и Церковь»³². Среди множества тем, затронутых в статьях Метнера, были отзывы о новейших изданиях русских символистов – о журнале «Новый Путь»³³, альманахе «Северные

²⁹ РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 6.

³⁰ Об этом намерении Метнер сообщает в письме к Эллису от 21 мая (3 июня) 1907 г., говоря о Белом: «Год тому назад он хотел (собираясь издавать *сборник* своих статей), взять у меня мое письмо, написанное в ответ на его „Теургию“ (*Новый Путь*. Сентябрь 1903), неотправленное и прочитанное им у меня в Нижнем, с тем чтобы напечатать его за своей статьей и присоединить свой ответ. Очень жаль, что печатание *сборника* отложено <...>» (РГБ. Ф. 167. Карт. 6. Ед. хр. 7).

³¹ Письмо к А. С. Петровскому от 26 апреля 1903 г. // РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 7.

³² Приднепровский Край. 1902. № 1680, 16 декабря; № 1682, 18 декабря. См.: Лавров А. В. Андрей Белый: Разыскания и этюды. М., 2007. С. 335–350.

³³ Приднепровский Край. 1903. № 1753, 10 марта; № 1756, 13 марта. Подпись: Э.

цветы»³⁴ и др. На фоне преобладавших тогда и в столичной, и тем более в провинциальной печати негативных и насмешливых оценок «декадентского» творчества высказывания Метнера по этому поводу представляли собой явление едва ли не уникальное. Он не только признает эстетическую значимость создаваемого символистской поэтической школой, но и решительно ниспровергает ее ниспровергателей – тех критиков и публицистов, коим имя – легион. В статье «Литература „новых“», содержащей обзор «Альманаха книгоиздательства „Гриф“» (1903) и апрельского номера «Нового Пути» за 1903 г., он заявляет: «Все нападки на „новое“ искусство (а не на отдельных бездарных или заблудших его представителей) неминуемо рикошетом бьют самих же нападающих, раскрывая их непонимание не только *нового* искусства, но и художественного зерна в *старом*, ими превозносимом, искусстве. Эти враги „нового“ искусства, сами того не подозревая, враждуют с искусством вообще; они говорят о нем или как школьники – с точки зрения краткого учебника теории словесности, или как моралисты, богословы, политики, с точки зрения излюбленной ими тенденции. А главное, они хотят, чтобы все было разжевано до тошнотворной ясности самим художником; тогда они глотают легко, с удовольствием; таков их испорченный вкус; они-то и суть настоящие „декаденты“ – упадочники; их эстетическая восприимчивость в упадке, а не искусстве, которое находится на пороге скорее ренессанса, нежели декаданса <...>»³⁵. В своих конкретных оценках «нового» искусства в России Метнер довольно сдержанно отзываясь о творчестве «старших» символистов, видя в нем уклон к «экстравагантному декадентизму», и приветствует искания «младших» символистов, руководствующихся философско-теургическими идеями, в которых он улавливает созвучие с философской эстетикой немецких романтиков. Высшим достижением отечественного «нового» искусства Метнер считает произведения Андрея Белого – «автора, несомненно, даровитейшего и оригинальнейшего из „новых“»³⁶.

Когда вышла в свет «Северная симфония (1-я, героическая)» Белого, Метнер отозвался на ее появление развернутой аналитической статьей «Симфонии Андрея Белого»³⁷. Собственно «Северной симфонии» он коснулся в ней лишь мимоходом, отметив, что «материал ее (как самый сюжет, так и детали) менее интересен, менее сложен, менее жизнен, менее, наконец, возбуждает изумление перед талантливостью „симфониста“, нежели материал второй симфонии»³⁸, основное же внимание уделил рассмотрению ранее изданной «Симфонии (2-й, драматической)». Дав общую характеристику «симфонической» поэтики и основных сюжетных линий и мотивов произведения (с явной установкой на «неподготовленного» к восприятию этой «причудливой книги» читателя), Метнер сосредоточил внимание на тех особенностях, в которых проявилось исключительное дарование автора: «Редкая наблюдательность, обнаруживающаяся в многочисленных подробностях, схваченных как бы невзначай, но выраженных метко и пластично, порою с неподражаемым и неподражательным самоцветным юмором, и в то же время взор, всегда устремленный в потустороннее, мимо и поверх всего наблюдаемого, – сочетание, которое придает воспроизведению окружающей действительности оригинальный символический оттенок»³⁹. Отмечая насыщенность всего образного строя «симфонии» «своеобразным и высоким мистическим лиризмом», критик нащупывает и осмысляет те ее черты, которые определяют уникальное своеобразие и художественную ценность этого произведения: «Мотивы спаивают в одно целое фантазмагорию и повседневность; пробуя разобратся во впечатлении, с удивлением замечаешь, что первая является не менее, а иногда

³⁴ Там же. 1903. № 1840, 9 июня; № 1841, 10 июня. Подпись: Э.

³⁵ Приднепровский Край. 1903. № 1864, 3 июля. Подпись: Э.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. 1903. № 2022, 15 декабря; № 2023, 16 декабря. Подпись: Э.

³⁸ Андрей Белый: про et contra: Личность и творчество Андрея Белого в оценках и толкованиях современников. Антология. СПб., 2004. С. 43.

³⁹ Там же. С. 49.

и более реальной, нежели вторая»; «...идея Вечности концептируется Андреем Белым не в форме холодной отвлеченности, аллегорически представленного абсолюта, способного иногда искусственно вызвать на время беспечальное, но безрадостное успокоение, <...> но в живых символах, голос которых, если уж кто раз услышал его, звучит неизменно, вечно – и не только в голове, но и в сердце...»⁴⁰

К оценке «Симфонии (2-й, драматической)», на этот раз еще более ретроспективной, Метнер вернулся в 1912 г. в заметке «Маленький юбилей одной „странной“ книги (1902–1912)», приуроченной к десятилетию литературного дебюта Андрея Белого⁴¹. Принципиально новое в ней по отношению к ранней статье Метнера о «симфониях» – историческая дистанция, десятилетний творческий путь Белого, включивший и новые «симфонические» опыты, в частности 4-ю «симфонию» «Кубок метелей», которая, по словам автора заметки, «довела гениально созданные приемы до головокружительной виртуозности, до микроскопической выработки самых утонченных подробностей, до своего рода словесного хроматизма и энгармонизма». На фоне новых свершений писателя значение его дебютной книги только возрастает: «...„Симфония драматическая“, как первый в литературе и притом сразу удавшийся опыт нового формального творчества, надолго сохранит свою свежесть, и год издания этой первой книги Андрея Белого должен быть отмечен не только как год появления на свет его музыки, но и как момент рождения своеобразной поэтической формы. А те немногие, которые не ограничились в свое время тем, что отметили оригинальную и упрямую выдержанность формы, но схватили и символическое целое симфонии, конечно, никогда не в состоянии забыть ее „беспредметной нежности“»⁴².

После полутора лет интенсивной переписки, укрепившей внутреннюю связь корреспондентов, состоялась их новая личная встреча: вторую половину марта 1904 г. Белый провел в гостях у Метнера в Нижнем Новгороде. Он приехал туда в состоянии острого психологического срыва, к которому пришел по мере развития любовной связи с Ниной Петровской, и десять дней, проведенных в перманентных беседах с Метнером, оказали на него, как он признается в мемуарах, целительное воздействие: «Такое чудесное перерождение – действие Метнера: стиль дирижирования, произведенного твердой рукой во все мелочи быта, которым сумел он обставить меня, и культурой, которую, точно ковер-самолет, развернул передо мной <...>; «...почувствовал, что я и молод, и жизнь впереди еще, и много радостей будет <...> с живой благодарностью другу внимал, наблюдая его <...>»⁴³.

Со своей стороны, Метнер не мог не уловить дисгармонических оттенков в поведении и самоощущении своего друга, которых при встречах полуторагодовой давности не наблюдал; в письмах к Петровскому, отправленных после визита Белого, он вносил определенные коррективы в ранее сформированный образ: «Его гений начинает принимать в моих глазах очертания довольно определенные. <...> Я много наблюдал за ним. У него есть опасные стороны. Вкратце и поверхностно скажу, что гений Бугаева не гётевского (и не пушкинского), а шиллеровского (и лермонтовского) типа. <...> Много надо ему учиться, работать; необходимо ему позаботиться о теле, о мускулах... Я ему обо всем этом говорил» (1 апреля 1904 г.); «Во время его пребывания я много наблюдал за ним. Очень интересно (хотя крайне безвкусно, варварски-декламаторски, необузданно) – он *читает* стихи вслух. У него есть мотив, свой оригинальный напев, и это – напев вырождения. Важна мертвенность (не бледность, а безжизненность) его лица, когда он устал. Конечно, все уставшие похожи друг на друга; они тогда обнаруживают свое вырождение, не могут его скрыть. Нет! Бугаев еще не тот, кого я жду от России! <...> Я его очень,

⁴⁰ Там же. С. 50.

⁴¹ См.: Труды и Дни. 1912. № 2. С. 27–29.

⁴² Андрей Белый: pro et contra. С. 340, 341.

⁴³ *НВ*. С. 337–339.

очень люблю и дорожу его дружбой» (26 апреля 1904 г.); «Вот в Бугаеве есть... трещина и притом не периферическая только. <...> Ему необходим очень здоровый физический и психический режим. Я бы рекомендовал ему спорт и в гимнастике и в интеллектуальных занятиях. В течение 10 лет ему необходимо стараться быть позитивным, поверхностным, посясторонним; варваризировать себя в мистическом отношении и утончать в эстетическом, вообще жить» (27 апреля 1904 г.)⁴⁴.

Ясно, что нижегородское совместное проживание позволило Метнеру различить те особенности личности Белого, которые недостаточно сказывались в переписке, тематически почти абстрагированной от ситуаций и проблем, рождаемых житейской повседневностью. Образ возторженного мистического юноши, стихийного гения усложнился, обнаружил драматические внутренние противоречия и изъяны; новые творческие опыты наиболее даровитого, по мнению Метнера, представителя «нового» искусства в России оказались не достигающими уровня, заданного его дебютной 2-й «симфонией» (в частности, большие претензии по части стиля и увлечения «декадентщиной» вызвала первая книга стихов и лирической прозы Белого «Золото в лазури»⁴⁵). «Учительная» установка, изначально определившаяся в отношениях с Белым, диктовала Метнеру задачу духовной опеки над незаурядным, но подверженным сторонним разрушительным воздействиям талантом, стремление сообщить творческим потенциям писателя энергию целеполагания и мужественную силу.

Одним из главных героев в общении и переписке Метнера и Белого стал Фридрих Ницше – личность, исполненная в сознании Метнера огромной культуросозидательной мощи, вознесшая искания и осуществления германского духа на новую высоту; личность, вызывавшая преклонение и у Белого, получавшего от нее огромный творческий импульс к собственным теургическим исканиям и устремлениям. Так или иначе, зримо или незримо Ницше присутствует в большинстве писем, составляющих их переписку первой половины 1900-х гг. В размышлениях Метнера Ницше – прообраз Андрея Белого; это одновременно – и очень высокая аналогия, поскольку автор «Заратустры» располагается в системе ценностей аналитика-германофила в одном ряду с величайшими выразителями немецкой культуры Гёте, Кантом и Вагнером, и аналогия, критически окрашенная по отношению к Белому, пока не сумевшему достичь желаемой полноты самореализации и конгениальности своему прототипу. «Андрей Белый (Б. Н. Бугаев) – колокол с надтреснутым звуком, – писал Метнер Петровскому 15 сентября 1905 г., – он может звучать целое столетие и умилять несколько поколений, но это не... Иван-Царевич и даже (далеко!) не Фридрих Ницше; пожалуй, Фридрих Шиллер, хотя и последний гораздо здоровее, чем о нем обыкновенно полагают»⁴⁶. Парируя, видимо, некогда брошенную эмоциональным Г. А. Рачинским реплику о том, что в Белом угадывается новый Шекспир, Метнер замечал: «...находятся чудачки, которые думают, что Вильям может повториться, и даже готовы признать такового в гениально-хрупком Бугаеве. Это весьма и весьма наивно. Борис Николаевич гораздо больше, чем о нем думает даже знакомая с ним толпа, но и гораздо меньше, нежели это кажется Рачинскому...» И далее Метнер проводит сравнение Белого с молодым Ницше – не в пользу первого: «Бугаеву – 24 года; он не из тех, которые развиваются медленно <...> Борис Николаевич еще не нашел и еще не показал нам столь отчетливо своих „элементов“; пока Борис Николаевич проделывает с ницшеанством то, что Шиллер проделал с кантианством. Переводит его на *русский* язык, на язык *своей* поэзии, на язык *своего* неохристианства, на язык *своей* (критической) мистики и т. д. – Во всех своих движениях Борис Николаевич обнаруживает из ряда вон выходящую индивидуальность, но своих совершенно своих Urelement'ов, выявленных с полной наглядною пластичностью (как мы это

⁴⁴ РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 8.

⁴⁵ См.: Э. <Метнер Э. К.> Поэзия и критика // Приднепровский Край. 1904. № 2179, 1 июня.

⁴⁶ РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 9.

видим совершенным в *Geburt der Tragödie*), – пока еще в нем налицо нет; точно также нет еще и мастерства; нет еще закругленности, все угловато... как первые драмы Шиллера. – Нет тоже (как и в этих драмах) и вкуса. <...> Итак, дорогой Алексей Сергеевич, будем *ждать* русского Ницше, а пока беседовать с Андреем Белым; это крайне ценное и редкое удовольствие...»⁴⁷

К 1905–1906 гг. относятся предварительные заметки Метнера к его ненаписанной книге об Андрее Белом, которую он предполагал озаглавить «Андрей Белый в свете своих произведений». В этих кратких заметках по-прежнему преобладают аналогии, в том числе с немецкими классиками – опять же Шиллером, а также Гёте и Жан-Полем (И. – П. – Ф. Рихтером). Единичные и разрозненные мысли, зафиксированные Метнером, еще не позволяют очертить контуры общего замысла, однако ясно, что фигура Белого располагалась для ее интерпретатора в самом высоком ценностном регистре:

Шекспир несвободен от варварства; Бугаев несвободен от варварства;
Брюсов – скиф, несмотря на всю точность своей поэзии.

–

Существуют в русском языке только две прозы: Пушкина (Брюсов) и Гоголя (Бугаев). Лермонтов – только эпистолярный стиль, т. е. намек на стиль или узаконенное бессилие.

–

Соответственно в Германии: Гёте и Рихтер. Шиллер – смесь его стихотворений с кантианством.

–

В Бугаеве замечательно то, что он не сочетал, подобно многим иным мистикам-поэтам, как швед Стагнелиус (1793–1823), мистицизм с эротизмом.

–

На нас лежит обязанность выяснить себе наше отношение к Богу. Молчанием этого вопроса уже не обойти. (Бугаев).

–

20 марта 1906 г. Бугаев сказал мне третьего дня, что в своих последних статьях он срывает синтезы, для чего притворяется, что становится на сторону синтезирующего. Это может себе позволить только гений.

–

Подобно Гёте и Ж. П. Рихтеру, Андрей Белый находит приложение и дает место в своем произведении всей свободной наличности своей духовной

---

⁴⁷ Там же. Упомянута первая книга Ницше «Рождение трагедии» (1872).

казны, начиная с мельчайших наблюдений обыденной действительности и кончая высочайшими восхождениями метафизической мысли⁴⁸.

К статье (или книге о Бугаеве)

Бугаева нельзя сравнивать с его сверстниками. Это не в обиду им будь сказано. Брюсов – поэт, только поэт и большой мастер слова, Иванов – лучший теоретик в высоком смысле этого слова, Блок – более наивно-непосредственный лирик. Но все они, будучи выше в отдельных отношениях, несравненно уступают Бугаеву как цельные явления.

—

«...» Пикантное кантианство бугаевских симфоний и осязательность их фантастики.

Гейне сказал бы: пикантианство Бугаева⁴⁹.

Что касается Андрея Белого, то тональность своих взаимоотношений с Метнером в их раннюю пору он запечатлел в стихотворном цикле «Старинный друг», в полном объеме впервые опубликованном в «Золоте в лазури» (1904). Цикл посвящен Метнеру; на долгие годы определение «старинный друг» применительно к нему будет возникать в переписке с Белым, то в своем прямом смысле, то – в моменты конфронтации – в смысле ироническом и даже саркастическом. Белый воспеваает мистический союз двух созвучных душ:

К тебе я вновь вернулся после битвы.
Ты нежно снял с меня мой шлем двурогий.
Ты пел слова божественной молитвы.
Ты вел меня торжественно в чертоги.

Надев одежды пышнозолотые,
мы, старики, от счастья цепенели.
Вперив друг в друга очи голубые,
у очага за чашами сидели⁵⁰.

Неизбежное расставание («Мы осушили праздничные чаши. // Мы побрели в гроба, сложивши руки») скрашивается томлением по новой встрече со «старинным другом», которая происходит за порогом Вечности:

Друг другу мы блаженно руки жали.
Мой друг молчал, бессмертьем осиянный.
Две ласточки нам в уши завизжали
и унеслись в эфир благоуханный.

Перекрестясь, отправились мы оба
сквозь этот мир на праздник воскресенья.

---

⁴⁸ РГБ. Ф. 167. Карт. 18. Ед. хр. 26. Л. 7, 20, 13 – 13 об.

⁴⁹ РГБ. Ф. 167. Карт. 17. Ед. хр. 17. Л. 1.

⁵⁰ СП – I. С. 137.

И восставали мертвые из гроба.
И раздавалось радостное пенье⁵¹.

Еще в пору пребывания Метнера в Нижнем Новгороде Белый, уже пользовавшийся известностью и признанием в кругу московских символистов, способствовал вхождению своего духовного наставника и «старинного друга» в столичную литературную среду. Метнер стал выступать в амплуа музыкального критика в начатом изданием в Москве с января 1906 г. символистском ежемесячном журнале «Золотое Руно» под «вагнерианским» псевдонимом Вольфинг; использовать образ из «Кольца нибелунга» предложил Белый (1 февраля 1906 г. Метнер записал в дневнике: «В № 1 „Золотого Руна“ от 1906 года помещена моя заметка об операх Рахманинова за подписью Вольфинг. Этот псевдоним мне дал Борис Николаевич»⁵²). На протяжении четырех лет издания «Золотого Руна» в нем регулярно появлялись статьи и корреспонденции Метнера-Вольфинга на музыкальные темы, позднее составившие основу его книги «Модернизм и музыка».

В 1906 г., по окончании своей цензорской службы, Метнер возвратился в Москву, где его регулярные встречи с Белым возобновились. Выход в отставку и отказ от продолжения дальнейшей карьеры на государственной службе явились следствием глубокого перерождения убеждений главным образом под воздействием бесславной Русско-японской войны и революционных катаклизмов 1905 года. Начиная свою служебную деятельность в консервативнейших «Московских Ведомостях», Метнер пришел к глубокому разочарованию в правящем режиме и к решительному неприятию и отторжению всех идеологических инстанций, его поддерживавших. Перспективы развития России при сохраняющемся государственном устройстве представляются ему безнадежными: «...в Нижнем виднее обнаженнее вся отчаянность положения и вся глубина нравственного падения нации; что же это такое? Что это за народ, который все терпит и не революционирует. Никакой активности, совсем как и на войне! Внизу варварская земляная неповоротливость, растительная пассивность, а наверху космополитическая дряблая нервная сутолока беспомощной и лишенной творческих сил интеллигенции. Где же Россия? Где??? Самодержавие – черная сотня. Православие – безграмотный и впавший в рамолимент кронштадтский юродивый»⁵³. Этим настроениям Метнера были вполне созвучны идейные установки Белого, разделявшего в 1905–1907 гг. самые радикальные взгляды; для его революционных устремлений этой поры, не имевших четкой общественно-политической определенности, характерно прежде всего неприятие «умеренных» либеральных программ и сочувствие анархическому максимализму.

Тогда на фоне революционных волнений разворачивалась и личная драма Белого, рожденная его неразделенной любовью к Л. Д. Блок и способствовавшая переживанию им глубокого духовного кризиса. «Разбитие „мистерии“ в личной жизни»⁵⁴ было одним из проявлений разочарования в прежних мистико-теургических идеалах; крах любовного чувства оборачивался внутренней трагедией вселенского масштаба. «Белый страдал неслыханно, переходя от униженного смирения к бешенству и гордыне, – кричал, что отвергнуть его любовь есть кощунство», – вспоминает Ходасевич⁵⁵. И в этом плане между Белым и Метнером обнаруживается параллель, с тою разницей, что драматическую личную ситуацию, которую Белый выплескивал в общении с близкими и дальними знакомыми, не щадя эмоциональных усилий, Метнер

⁵¹ Там же. С. 140.

⁵² РГБ. Ф. 167. Карт. 23. Ед. хр. 9. Л. 199. Ср.: *НВ*. С. 94. См.: *Семкова А. П.* Музыкальная критика Эмилия Метнера в контексте символизма // *Русский символизм и мировая культура*: Сб. науч. тр. Вып. 3. М., 2009. С. 166–172.

⁵³ Письмо к А. С. Петровскому от 17 мая 1905 г. // РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 9.

⁵⁴ Письмо Андрея Белого к Иванову-Разумнику от 1–3 марта 1927 г. // *Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка*. С. 495.

⁵⁵ *Ходасевич В. Ф.* Некрополь: Воспоминания. Bruxelles, 1939. С. 73.

переживал латентно; долгое время о положении дел не знали даже его родители. Речь идет о возникшей в 1904 г. любовной связи между его женой Анной и обожаемым младшим братом Николаем, рождении ею от деверя мертвого ребенка и их последующей фактически семейной жизни. В дневнике Метнер записал, что чувствует себя в буквальном смысле потесненным у рояля своим братом⁵⁶; он безропотно отнесся к сложившемуся положению вещей и в дальнейшем длительное время удовлетворялся ролью спутника, третьего при новой супружеской чете. Вероятно, Эмилий Метнер, с детства подверженный невротическим переживаниям, регулярно страдавший психопатическими недугами, воспринял эту метаморфозу с глубоким ущербом для своего внутреннего состояния. Постоянным для него было осознание незначительности достигнутого им, неосуществленности своего жизненного предназначения, и с годами эти настроения только усугублялись. В исповедальном письме к отцу от 23 ноября (6 декабря) 1908 г. он прямо говорит об «ужасе и безотрадности моей жизни»: «Мой трагический переход длится 25 лет, т. е. с момента поступления в гимназию. Я никого не обвиняю; но я не виноват, что устроен природой не так, чтобы безнаказанно пройти через все мытарства нашей европейской и в особенности русской антикультуры (учебной, нравственной или, вернее, безнравственной, религиозной и государственной). <...> Я – смесь активности и пассивности; Бугаев меня определяет, как *adagio agitato*, а Мельников говорил, что в моем темпераменте есть и сангвинический и флегматический элементы. Эта пассивность, флегма, – все равно – отчасти виновата в том, что я терпел гимназию почти безропотно, <...> что я пошел на юридический, а не на филологический факультет, что я, чувствуя вред редакции, не уходил из нее, что не последовал совету Корещенки и не занялся в 1895 г. музыкой, и во многом, многом другом»⁵⁷.

Отягощенный собственными психологическими комплексами и втайне, видимо, глубоко страдавший от своей семейной коллизии, Метнер со всей остротой переживал мучительную личную драму Белого. Воспринимал он ее настолько остро, что, будучи в своем житейском поведении всегда безупречно корректным, решился пренебречь нормами этикета и рискнул вмешаться в чужую интимную сферу. Сохранилось в первоначальном черновом варианте его письмо к Л. Д. Блок, относящееся, видимо, к концу декабря 1907 г. или 1909 г.⁵⁸:

⁵⁶ См.: *Юнгрен Магнус*. Русский Мефистофель. С. 22–23. В воспоминаниях М. К. Морозовой излагается иная версия этой ситуации: «Близкие Метнерам люди говорили мне, что Эмилий Карлович женился на Анюте для того, чтобы передать ее Николаю Карловичу и что, имея это намерение, он не был ее мужем. Он сделал это для брата, и тем они отвлекли внимание родителей, которые были настроены непримиримо к браку Коли с Анютой. Мне этого Эмилий Карлович не рассказывал, но я это вполне допускаю, зная любовь Эмилия Карловича к брату и его пессимистическое отношение к собственной жизни» (Морозова М. К. Мои воспоминания / Публ. Е. М. Буромской-Морозовой // Наше наследие. 1991. № 6 (24). С. 105).

⁵⁷ РГБ. Ф. 167. Карг. 24. Ед. хр. 36. Упоминаются Андрей Павлович Мельников (1855–1930), нижегородский краевед, сын прозаика и этнографа П. И. Мельникова (Андрея Печерского), и композитор, пианист и дирижер Арсений Николаевич Корещенко (1870–1921).

⁵⁸ РГБ. Ф. 167. Карг. 24. Ед. хр. 5. Печатается по автографу. Письмо (с купюрами) опубликовано в составе статьи Ю. Е. Галаниной «Андрей Белый и Л. Д. Блок: К истории отношений» (Андрей Белый в изменяющемся мире: К 125-летию со дня рождения. М., 2008. С. 57–58) с неверной датировкой: конец 1906 г. Однако в письме Метнера говорится о его предстоящем в январе приезде из Москвы в Петербург, в то время как он в декабре 1906 – январе 1907 г. жил в Мюнхене, а Белый (Метнер планировал совместный приезд с ним) тогда находился в Париже. В ответном письме от 9 января (надо полагать, 1908 г.) Л. Д. Блок упоминает прошлогоднее письмо к ней З. Н. Гиппиус на ту же тему – письмо от 25 декабря 1906 г., опубликованное в названной статье Ю. Е. Галаниной (С. 54–56). Если же под упоминаемой Метнером девушкой, которой увлекся Белый «весною», подразумевается А. А. Тургенева, то письмо следует датировать декабрем 1909 г., ответное письмо Л. Д. Блок – 9 января 1910 г., а отнесение ею письма Гиппиус к «прошлому году» истолковать как ошибку памяти. О том, что Белый надеялся на возобновление близких отношений с Л. Д. Блок годы спустя после того, как она осенью 1906 г. решительно отвергла его притязания, свидетельствует Эллис, в письме к Э. К. Метнеру от 21 января (3 февраля) 1914 г. сообщавший о Белом в связи с его совместным с А. А. Тургеневой заграничным путешествием в конце 1910 г.: «Мне подлинно известно, что за неделю до его поездки с Асей в Египет он тайно послал письмо г-же Блок, где уверял, что любит ее одну и готов всё в жертву ей принести. Последняя, конечно, не ответила!» (РГБ. Ф. 167. Карг. 8. Ед. хр. 28).

Глубокоуважаемая Любовь Дмитриевна!

Вам пишет лично незнакомый с Вами, вмешиваясь при этом в дело чрезвычайной интимности. Оправданием этого нетактичного поступка служит сознанная нравственная обязанность не пропустить ничего, что могло бы спасти лицо, мне близкое, лицо (это гораздо важнее) бесконечно ценное. Речь идет о Бугаеве. Ваши отношения развивались в то время, когда я жил вне Москвы, и он начал более откровенно говорить мне о них, когда они уже были прерваны. Разумеется, он не сказал, да и не мог сказать мне всего. Я вынес из сообщенного мне такое впечатление, что между Вами и моим другом произошло нечто до крайности сложное и хаотичное, вот почему я всегда далек был от решительных обвинений той или другой стороны; я одинаково скорбел и о нем и о Вас, представленной мне существом необычайным. Годы шли, и мне стало казаться, что все отошло в прошлое. Смушал меня только явный «монотеизм» Бугаева, который он обнаруживал, всякий раз как заходила речь о любви. Поэтому я был очень обрадован, когда Бугаев весною заинтересовался одной очень даровитой и красивой девушкой. Но это увлечение было мимолетно, и неожиданным, хотя и психологически вполне понятным результатом его оказалось полное восстановление его чувства к Вам со всей прежней силой, напряжением и горячностью. Это не каприз и не припадок; с начала лета, т. е. более полугода, Бугаев невыразимо страдает, неустанно и с ожесточением работает, чтобы заглушить боль; но это удастся ему все реже и реже и чувствует он себя все хуже и слабее; глядя на него, нельзя не усомниться в победе его над собою; да и что даст ему эта победа: купленная ценою лучших сил, утраченных навсегда. Кроме того, победить не значит искоренить и ничто не служит ручательством новых и новых возвратов чувства. Если бы он был обыкновенным человеком, но только мне близким, я бы сказал: Вы можете спасти его, если захотите. Теперь же я скажу: Вы обязаны это сделать, если считаете его хотя бы наполовину столь ценным явлением, каким его считают многие, в том числе и я.

Я хочу выразить этим, что ради спасения такого человека можно пойти на всё и обман станет святым подвигом. Пусть Ваша душа расколота, пусть Вы любите другого, пусть Вы – «политеистка» и не можете любить только одного, Вы должны найти в себе силу устроить так, чтобы он был счастлив или по крайней мере не столь несчастлив. Подумайте об этом. В середине января я буду в Петербурге. Ответьте мне по адресу. Сообразно с ответом я или возьму Бугаева с собой в Петербург, или не допущу его поездки. Повторяю, все в Ваших руках. [В моих глазах оправдать Ваш отказ возобновить сношение с Бугаевым может только Ваше искреннее мнение о нем как о среднем таланте, не оправдавшем никаких надежд и ныне решительно идущем на убыль]. Жду письма, хотя бы одно слово согласия свидеться с Бугаевым... Итак, быть может, до свидания в Петербурге.

На письме – пояснительная приписка: «Отправлено с изменениями». Каким был окончательный его текст, более или менее жестким и настойчивым, – неизвестно. Л. Д. Блок не вняла увещаниям Метнера и отказалась от встречи с ним и Белым, хотя признавала в ответном письме: «Да, это я виновата в том, что Б. Н. так теперь мучается <...> помочь Б. Н. я не могу.

Видеться с ним, опять во имя того общего, что есть у нас – мне еще не хочется, это уже больше, чем незлобивое отношение и чувство своей вины. Такого отношения к Б. Н. у меня *еще нет*»⁵⁹.

Уже отмечалось, что пережитая любовная драма наложила свой отпечаток на весь внутренний строй личности Белого, который в середине 1900-х гг. ощущал слом всех прежних жизненных устоев и верований. Отошли в прошлое юношеские апокалипсические экстазы, развеялись грезы о собственной пророческой, теургической миссии, мистическая литургия «зорь» сменилась погружением в дисгармоническую, трагическую реальность российской жизни. Ощувив исчерпанность для себя прежних ценностей, Белый решительно провозглашает их несостоятельность. В ряду таких разрушительных – по сути саморазрушительных – акций оказывается переоценка культурного значения музыки, которую в пору формирования своих философско-эстетических взглядов (в статье «Формы искусства», 1902) он воспевал, вослед Шопенгауэру, как наивысшее и глубочайшее из искусств, наименее связанное с косными и случайными феноменами действительности и наиболее адекватно отображающее ее потаенную, глубинную сущность. В публиковавшемся в журнале «Весы» авторском цикле Белого «На перевале» (который он подписывал своим настоящим именем) появилась статья «Против музыки». Наиболее сакральное из искусств оборачивается в ней «чарующим дурманом», иллюзией, «бестворческим творчеством»; музыка теперь в сознании Белого – «вампир, высасывающий душу из героя»; она же – пленительный покров над отвергаемой им современной мещанской антикультурой: «Я влекусь к музыке: извращенность некоторых сторон культуры поставила меня, как и всякого, в необходимость искать в музыке глубину. Но я имею силу презирать свой кумир и видеть в нем соблазн ложной, условной культуры. <...> Тем, кто ушел в музыку и там растерял свой долг, путь, свою честность, – я хочу крикнуть: „Долой музыку!“»⁶⁰ Ниспровергаются священные имена – Бетховен со своим «противоестественным искусством», Вагнер («Если Бетховен обречен на чудовищность, – музыка Вагнера среди чудовищ – чудовище, среди уродов – урод»); заключительный вывод автора: «А если современная симфония неслиянна с жизнью по существу, то праведно только то, что поет народ. И песня прачки над корытом на весах цели и ценности перевесит, конечно, невоплотимые глубины Бетховена и Шумана»⁶¹.

Метнера статья Белого – «несчастливая статья бесконечно дорогого мне Бориса Николаевича», как он аттестовал ее в письме к Эллису от 24 июля (6 августа) 1907 г. из Мюнхена⁶², – глубоко поразила и оскорбила. Печатный демарш своего друга и, казалось, единомышленника в сфере культурных симпатий и антипатий он воспринял как надругательство над идеалом – над самыми дорогими для него ценностями, к каковым относились и отношения с Белым, базированные, в том числе, и на общих музыкальных переживаниях. Метнер решил возразить на статью в печати, о чем предупредил Белого заранее. В результате в «Золотом Руне» была опубликована очередная статья музыкального критика Вольфинга «Борис Бугаев против музыки» (1907. № 5). Белый охарактеризован в ней с предельным пиететом: «...я затрудняюсь назвать русского автора, который выступил бы впервые на литературную арену в таком полном, блестящем и тяжелом вооружении, как Бугаев», «многогранно культурный и бесконечно тонкий художник», «дерзновеннейший из молодых русских талантов» и т. д.⁶³ Вместе с тем «резкий и окончательный приговор, вынесенный одной из созидательных сил культуры»⁶⁴, вызывает у Метнера развернутую и подробно аргументированную отповедь. В нападках Белого

⁵⁹ РГБ. Ф. 167. Карт. 11. Ед. хр. 5; Галанина Ю. Е. Андрей Белый и Л. Д. Блок: К истории отношений. С. 58–59.

⁶⁰ Бугаев Борис. На перевале. VI. Против музыки // Весы. 1907. № 3. С. 57–59.

⁶¹ Там же. С. 60.

⁶² РГБ. Ф. 167. Карт. 6. Ед. хр. 8.

⁶³ Андрей Белый: pro et contra. С. 89, 90–91, 92.

⁶⁴ Там же. С. 89–90.

на музыку он видит обратную сторону ее прежней неумеренной идеализации, основанной на неверной, по мысли критика, отправной точке шопенгауэровской музыкальной эстетики; в выпадах против Вагнера – повторение опыта Ницше, сначала обожествлявшего создателя великих музыкальных драм, а затем ниспровергнувшего «им самим созданный фантом»⁶⁵.

Негативный пафос статьи Белого Метнер объясняет в первую очередь характером духовной эволюции автора – иссяканием теургических чаяний; систему же положений, из которых Белый выстраивает свою отповедь, квалифицирует как несостоятельную и немотивированную: «Против музыки он выступил с речью краткой, но неясной, артистически-слабой и логически плохо аргументированной; от каждой страницы веет, как всегда, жизнью повышенной, но на этот раз повышенность не от обычного у Бугаева избытка столкнувшихся между собою циклов идей, которые он втискивает с великолепною расточительностью нередко в рамки небольшой статьи; тут повышенность просто от нервной раздраженности усталого человека»⁶⁶. В последних приведенных словах – явный намек на перманентный нервный срыв, переживаемый автором, которым Метнер главным образом и объясняет факт появления анализируемой статьи, вобравшей в себя «капризы и перипетии <...> болезненного переходного состояния». Тем не менее он считает необходимым методично, пункт за пунктом, опровергать выплеснутые Белым эмоциональные оценки и хлесткие формулировки. «Ведь трудно предположить, – заключает Метнер свою статью о Белом, – чтобы он в преувеличенно резких, неудачных, кричащих, судорожных выражениях <...> окончательно определил свое отношение к музыке. Но запальчивое слово рано или поздно обращает свое жало на того, в чьей голове и в чьем сердце оно родилось <...> поэтому надо говорить или молчать, дав себе, насколько можно, предварительный отчет в объективной пользе и объективной истинности своих чувств и мыслей»⁶⁷.

Сам по себе полемический ответ Метнера не был способен вызвать заметного резонанса в литературной жизни. Однако Белый, в свою очередь, решил объясниться – написал «Письмо в редакцию», в котором признавал, что не смог аргументировать в статье «Против музыки» свою точку зрения с достаточной ясностью, что вынужден был выражать свои взгляды в сжатой форме, которая неизбежно искажает его писательский облик, и т. п. Ответ Метнеру он представил туда же, где появилась статья Вольфинга «Борис Бугаев против музыки», – в журнал, из числа сотрудников которого демонстративно вышел несколькими месяцами ранее, – однако редакция «Золотого Руна» согласилась опубликовать этот текст лишь при условии возвращения его автора в состав сотрудников. Белый оскорбился и выступил с протестом в газете «Столичное Утро» (5 августа 1907 г.), ему ответил владелец «Золотого Руна» Н. П. Рябушинский. Завязалась публичная перепалка, тем более шумная, что она послужила детонатором для обострения конфликта, назревшего между двумя ведущими московскими символистскими журналами – «Весами» и «Золотым Руном»; в результате целая группа «весовских» сотрудни-

⁶⁵ Там же. С. 95. В письме к Эллису от 21 мая (3 июня) 1907 г. Метнер, характеризуя статью «Против музыки», высказывается о Белом: «И наконец просто пошло: он *повторяет* глупую, стократ глупую роль, сыгранную Ницше по отношению к Вагнеру; только *русский* экзальтированный полуславянин (полутатарин) хочет быть шире, размашистее *немецкого* экзальтированного четвертьславянина: тот „пхнул“ Вагнера, а мы, знай наших, „пхнули“ *всю музыку!* Варварство + вырождение: другого имени этому нет» (РГБ. Ф. 167. Карт. 6. Ед. хр. 7). Белый здесь уподобляется Ницше, давшему восторженную интерпретацию творчества Вагнера в четвертом из «Несвоевременных размышлений» «Рихард Вагнер в Байрёйте» (1876) и позднее развенчавшему былого кумира в памфлетах «Казус Вагнер» («Fall Wagner») и «Ницше contra Вагнер». Метнер специально разработал эту тему в статье «Ницше и Вагнер (Комментарий к четвертому несвоевременному размышлению)» (1909); см.: *Ницше Фридрих*. Полн. собр. соч. Т. 2. М.: Московское книгоиздательство, 1909. С. 405–421. М. Юнгтрен полагает, что в образе Вагнера, очерченном в этой статье, Метнеру видится фигура Белого: «Он прямо говорит о „зависти“ Ницше к Вагнеру и утверждает, что Ницше видел в композиторе более блистательную и идеализированную версию самого себя» (*Юнгтрен Магнус*. Русский Мефистофель. С. 38).

⁶⁶ Андрей Белый: pro et contra. С. 96.

⁶⁷ Там же. С. 101.

ков, в том числе В. Брюсов, З. Гиппиус, Д. Мережковский и др., поддержала Белого и отказалась от участия в журнале Рябушинского⁶⁸.

Волей-неволей в скандал оказался вовлеченным и Метнер, находившийся тогда за границей, державшийся в стороне от внутрисимволистских междоусобиц и менее всего стремившийся к тому, чтобы его частная полемика с Белым служила аргументом во фракционном противостоянии. Отдельные неосторожные формулировки в публичных «письмах в редакцию» стали поводом для дополнительных разбирательств и напряженной переписки между Белым и Метнером, который в возникшей ситуации оказался настолько щепетильным, что готов был даже отказаться от продолжения своей литературной деятельности. «Я твердо решил, что Вольфлинг перестанет существовать или будет оправдан, – писал он Эллису 3 (16) сентября 1907 г. – <...> Я так мало ценю свое литературство, что готов принести его в жертву (это не фраза) моей дружбе с Бугаевым и просто, если Бугаев не оправдает меня, сойду со сцены, т. е. не я, а Вольфлинг; я же буду заниматься для заработка переводами, а для собственного удовлетворения каким-нибудь бесконечным исследованием, никому не нужным и не подлежащим к напечатанию»⁶⁹. В результате дополнительных объяснений, эпистолярных и печатных, коллизия благополучно разрешилась, дружба восторжествовала. Конфликтная ситуация, возникшая в отношениях между Белым и Метнером летом 1907 г., однако, послужила своего рода прологом к той драматической конфронтации, которая развернется несколько лет спустя.

Белый отмечает в мемуарах, что после того как Метнер вновь обосновался в Москве (хотя и с многомесячными отлучками в Германию), его отношения с ним вступили в новую, наиболее активную фазу: «Слишком много он значит; в 1907 году – появился опять на моем горизонте он <...> мне Метнер как бы заполняет порожнее место в душе; это место недавно еще занимал А. А. Блок»⁷⁰.

Если в первые годы общения Белого и Метнера к их дружескому союзу примыкал А. С. Петровский, то во второй половине 1900-х гг. в их ближайшее окружение вошли новые лица. Среди них – Маргарита Кирилловна Морозова, вдова мецената-коллекционера и московского фабриканта М. А. Морозова, учредительница московского Религиозно-философского общества и журнала «Московский Еженедельник»; она же – объект мистической влюбленности Белого в «эпоху зорь» и прообраз «Сказки» из «Симфонии (2-й, драматической)». «Светское» знакомство Белого с Морозовой завязалось в 1905 г., с семейством Метнеров она общалась еще ранее, в течение трех лет брала уроки музыки у Николая Метнера. «Я познакомилась с Метнерами в 1902 году, – вспоминает Морозова, – но сблизилась мы только с 1905–1907 года. Сближение наше началось под влиянием Бориса Николаевича Бугаева (Андрея Белого). Бугаевым все Метнеры были очарованы, они считали его и его произведения гениальными. Эмилий Карлович особенно сильно переживал увлечение Андреем Белым, считал его близким себе человеком, своим единомышленником. Виделся он с ним постоянно, говорили они до поздней ночи, вернее до утра. Необыкновенная фантазия Андрея Белого, его поразительная словесная одаренность не могли не поражать и не очаровывать»⁷¹. В лице Морозовой Метнер обрел близкого друга, способного целительно воздействовать на его внутреннее состояние, и неоднократно благодарил ее за это: «Я бесконечно обязан Вам: Вы и не подозреваете, в сколь опасном психическом состоянии я нахожусь; поэтому не удивляйтесь на мою признательность горячую и назойливую. Я бы хотел для выражения ее занять талант у Андрея Белого (только без

⁶⁸ Подробнее см.: Лавров А. В. «Золотое Руно» // Лавров А. В. Русские символисты: Этюды и разыскания. М., 2007. С. 470–480; Богомолов Н. А. К истории «Золотого Руна» // Богомолов Н. А. От Пушкина до Кибирова: Статьи о русской литературе, преимущественно о поэзии. М., 2004. С. 57–83.

⁶⁹ РГБ. Ф. 167. Карт. 6. Ед. хр. 9.

⁷⁰ Андрей Белый. Начало века. Берлинская редакция (1923) / Изд. подгот. А. В. Лавров. СПб., 2014. С. 406–407 («Литературные памятники»).

⁷¹ Морозова М. К. Мои воспоминания. С. 107.

вздыбившихся иереев и мантийных муаров)...»⁷² (в последних словах – иронический намек на образный строй четвертой «симфонии» «Кубок метелей»); «Никогда никто не был способен так утешать меня, так примирять с самим собою; убежден, что благодаря Вам я помирюсь постепенно со всем <...>. Вот почему я так цепляюсь за часы и минуты, проводимые с Вами <...>»⁷³.

В воспоминаниях Белый красочно живописал «трио», образовавшееся тогда между ним, Метнером и Морозовой: «Незабываемы встречи мои „en trois“, когда мы собирались у Морозовой с Метнером, или когда приезжала Морозова к Метнеру»; «У нас у троих были вечные темы бесед: ритм культуры, культура теперешней музыки: Ницше – Вагнер, Россия, Германия; многое из теперешнего взгляда на генезис нашей культуры вынашивал я в тех беседах <...> В общении „en trois“ (Э. К. Метнер, Морозова, я) находил я поддержку»⁷⁴. Серьезные культурологические темы обсуждались попеременно с шуточными, юмористическими интерлюдиями, пародийными эскападами, веселыми шаржами; все это создавало атмосферу непринужденного дружеского собеседования, из которого возникали ростки значимых общественных и культурных инициатив.

В это время отношения Белого и Метнера переоформились в еще одно «трио»; третьим стал Эллис (Лев Львович Кобылинский), друг и сподвижник Белого с юношеских лет, определивший совместно с ним очертания «аргонавтического» сообщества, один из инициаторов функционировавшего в середине 1900-х гг. литературно-философского кружка под руководством П. И. Астрова; поэт, переводчик и литературный критик, активно проводивший в «Весах» брюсовскую полемическую установку на защиту и утверждение «подлинного» символизма. Неистовый максималист во всех своих пристрастиях и антипатиях, Эллис в широком литературном мире был фигурой малоавторитетной, не пользовались признанием и его поэтические опыты, а резкие полемические выпады в критических статьях вызывали повсеместное раздражение. Метнер, в отличие от многих, сумел распознать в Эллисе исключительно яркую и своеобразную творческую личность, которой лишь следовало создать надлежащие условия для ее самореализации. В письме к Морозовой (4 апреля 1907 г.) он дал Эллису развернутую характеристику: «...он принадлежит к так называемым демоническим натурам: поэтому, когда он одержим (*besessen*), перед Вами чуть что не гениальный человек; когда же демон покидает его, он просто очень образованный и очень страдающий современный интеллигент, у которого нет настоящего, а есть только *вчера* и *завтра* или, вернее, *послезавтра*. Оригинальность его заключается в том, что из общественника и марксиста он превратился, переживя острейший духовный кризис, в индивидуалиста и эстетика. Бросил подготовку к магистерской диссертации по финансовому праву и начал переводить Данте и Бодлэра. Но не в этом его сила, а тем менее в его самостоятельных поэтических произведениях. Он *сам* неизмеримо крупнее, нежели его поэтический талант. Ценность его, как литературного деятеля, заключается, помимо его дарований, его темперамента, в основательности и *дву*сторонности его знаний и умственных проникновений. В настоящее время он „препарирует“ Данте совсем так же, как в свое время Маркса. Когда он поймет самого себя, то даст что-н<ибудь> очень интересное в промежуточной области, где эстетика (в широком смысле) соприкасается с политикой (в широком смысле), где намечается разрешение важнейшего для всей культуры вопроса о взаимном отношении личности и государства, индивидуализма и коллективизма, но без тех позорящих достоинство человека компромиссов, из которых не может выйти современное общество. Разбираясь с совершенно недоступною для «декадентских» писателей виртуозностью в вопросах

⁷² Письмо от 7 апреля 1908 г. // РГБ. Ф. 171. Карт. 1. Ед. хр. 52 а.

⁷³ Письмо от 17 апреля 1908 г. // Там же.

⁷⁴ Андрей Белый. Начало века. Берлинская редакция. С. 521, 525.

общественных, Кобылинский в то же время способен заглянуть в самую глубь сложнейшего и гениальнейшего индивидуума»⁷⁵.

Еще в пору активной деятельности Элліса в «Весах» в 1907–1909 гг. и в общении с ним у Метнера стала выкристаллизовываться идея нового издательского и журнального начинания, отличного от «декадентских» «Скорпиона» и «Весов». В письме к Эллісу из Мюнхена от 14 (27) января 1907 г. он сообщает предлагаемое название задуманного журнала: «Мусагет»⁷⁶; а в письме к нему от 6 (19) марта 1907 г. предупреждает о Белом: «Не сообщайте ему о *Musagete*, а то он не выдержит и начнет развивать эту тему во всех гостиных»⁷⁷; в том же письме он выражает надежду на участие Морозовой в реализации замысла: «...есть еще одно препятствие к тому, чтобы взять на себя инициативу издания журнала и переговоры об этом с Марг<аритой> Кир<илловой>: я не верю в свои силы и способности; это может испортить дело с самого начала и это же сулит мне неудачу в переговорах с Марг<аритой> Кир<илловой>, которая, как она сама говорила мне, готова жертвовать только на то, во что сама уверовала и во что, как она видит, веруют те, кто ее побудили к этому <...> может быть, и Бор<ис> Ник<олаевич> не откажется теперь затронуть с Марг<аритой> К<ирилловой> эту тему. <...> Делайте всё *от себя*: Вы больше всех *одержимы* нашей идеей, Вы скорее всех достигнете результатов...»

Судя по всему, деловые переговоры с Морозовой были отложены: маловероятно, что колеблющемуся и сомневающемуся в себе Метнеру удалось подвигнуть «одержимого» Элліса явиться с ответственным предложением к лично незнакомой ему тогда меценатке. Между тем идея продолжала созреть, хотя долгое время воплощалась лишь в форме разговоров «между членами редакции несуществующего книгоиздательства» (по словам Метнера в письме к Морозовой от 5 февраля 1908 г.)⁷⁸. 2 (15) апреля 1907 г. Метнер изложил в письме к Эллісу уже вполне определенный проект: «Я согласен стать одним из... (или, если хотите, главным) редактором *Musageta*: 1) с января 1908 г. 2) только 8 месяцев в году: причем один год я буду уезжать в Германию на летний семестр, другой год на зимний (по 4 месяца); 3) для всех технических и коммерческих моментов предприятия должно быть нанято отдельное лицо. <...> Что журнал можно (при деньгах) начать уже с 1908 г., в этом я, по-видимому, еще меньше сомневаюсь, нежели Вы. Книгоиздательство под заголовком „*Культура*“ может, начав функционировать уже теперь, зарекомендовать себя в течение 1907 г. двумя-тремя хорошими книгами (безразлично, оригинальными или переводными) <...>. Под знаменем *Культуры* можно издавать и рассуждения, и стихи, и изящную прозу»⁷⁹. Далее Метнер в подробностях намечал программу деятельности издательства, с преимущественным вниманием к немецким авторам (Гёте, Вагнер, Ницше), к классической поэтике (Аристотель, Гораций), к Данте, Петрарке и т. д.

Ни журнал, ни издательство в намеченные сроки организовать не удалось. Решающую роль тогда, видимо, сыграло отсутствие финансирования (Морозова со своими капиталами осталась в стороне от этого предприятия, хотя в 1910 г. субсидировала новообразованное издательство «Путь», ставшее платформой для авторов, объединенных вокруг московского Религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьева; по всей вероятности, последовательно «западнические» установки Метнера казались ей менее привлекательными); сказывались, однако, и иные привходящие обстоятельства: многомесячное пребывание предполагаемого редактора за границей; конфликт, спровоцированный статьей «Против музыки» и разбирательствами с «Золотым Руном»; неподготовленность инициаторов «Мусагета» и «Культуры» к практической издательской деятельности. Главным препятствием для успеш-

⁷⁵ РГБ. Ф. 171. Карт. 1. Ед. хр. 52 а.

⁷⁶ РГБ. Ф. 167. Карт. 6. Ед. хр. 1.

⁷⁷ Там же. Ед. хр. 3.

⁷⁸ РГБ. Ф. 171. Карт. 1. Ед. хр. 52 а.

⁷⁹ РГБ. Ф. 167. Карт. 6. Ед. хр. 4.

ного воплощения в жизнь задуманного начинания оказывались все же его программные установки – заведомо элитарные, с приматом «идейного» начала, не рассчитанные на коммерческий успех, во многом утопические. «Вы видите, – писал Метнер Морозовой, – как трудно найти человека, который бескорыстно, не руководимый ни тщеславием, ни корыстолюбием, ни авторским самолюбием, ни, наконец, желанием пропагандировать *политические* убеждения своей партии, согласился бы содействовать литературному предприятию, единственная цель которого *культура*, воздвижение статуй (пусть даже идолов) культуры существующей и чужой для облегчения исканий культуры своей и будущей, которая (разумеется, в *отдаленном* будущем) должна определять социально-политический строй, а не определяться им»⁸⁰.

В 1909 г. складывались благоприятные внешние условия для вступления нового участника на литературную арену: заканчивались изданием главные московские символистские журналы – «Весы» и «Золотое Руно», метнеровскому детищу не грозила конкуренция с их стороны в еще малом кругу приверженцев «нового» искусства и религиозно-философской мысли. Ситуация, наконец, определилась летом 1909 г., когда, после несостоявшейся попытки издательского союза с музыкальным деятелем С. А. Кусевицким, Метнер нашел финансовую поддержку в Германии. Ее оказала Хедвиг (Ядвига) Фридрих, с которой у «трио» Метнеров незадолго до того завязались дружеские отношения и которые у Эмилия Метнера переросли в отношения романические. «История эта тянулась целых шесть лет и кончилась разрывом, – свидетельствует Морозова. – Это была девушка лет 25-ти, немка, жившая постоянно в Пильнице (близ Дрездена), довольно красивая, культурная, имевшая большие личные средства. Она мечтала его превратить в немца и перевести на постоянное жительство в Пильниц, но „этого никогда не будет“ – писал мне Эмилий Карлович. А он думал на ней жениться при том условии, чтобы она стала москвичкой. <...> Так как Эмилий Карлович всегда мечтал основать культурное издательство в Москве, то она дала ему довольно крупную сумму денег, чтобы начать это дело. Так возникло книгоиздательство „Мусагет“»⁸¹.

«Вы же весь „Мус<age>t“ завели не ради себя, а ради Белого главным образом – все это знают», – заявлял Эллис в письме к Метнеру от 14 (27) декабря 1913 г.⁸² Сам Метнер также неоднократно заявлял, что главной целью организации «Мусагета» для него было предоставление Андрею Белому беспрепятственной возможности публиковать свои сочинения. Во главе всего предприятия был определен триумvirат в лице Метнера, Белого и Эллиса⁸³; в числе ближайших участников первоначально предполагались московские авторы из их окружения, в том числе из «аргонавтического» сообщества, которое осознавалось как неформальный прообраз нового объединения (А. С. Петровский, М. И. Сизов, Н. П. Киселев, В. О. Нилендер и др.). В августе 1909 г., по достижении принципиальной договоренности о финансировании, было решено начать издательскую деятельность с выпуска журнала. После этого Белый в письмах к Метнеру с энтузиазмом и размахом стал строить грандиозные планы свершений по широкому культурному фронту, явно несоразмерные с открывшимися возможностями. К концу года реальное положение дел прояснилось: средств хватало лишь на скромно поставленное

⁸⁰ Письмо от 5 февраля 1908 г. // РГБ. Ф. 171. Карт. 1. Ед. хр. 52 а.

⁸¹ Морозова М. К. Мои воспоминания. С. 107. Морозова по памяти пересказывает письмо к ней Метнера от 23 июля (5 августа) 1913 г.: «Ядвига обнаруживает явную тенденцию сделать из меня: а) просто мужа; б) просто немца; с) просто обитателя Пильница. Этого ей, конечно, никогда не удастся» (РГБ. Ф. 171. Карт. 1. Ед. хр. 52 б).

⁸² РГБ. Ф. 167. Карт. 7. Ед. хр. 23.

⁸³ На высказанные Эллисом сомнения в собственной пригодности к исполнению руководящей роли Метнер возражал в письме к нему (Веймар, 18 сентября (1 октября) 1909 г.), свидетельствующем о его нерастрченных «дирижерских» наклонностях: «Ваш беспощадный прямолинейный артистический абсолютизм (которого *до конца* я не разделяю) является отличным и желательным коррективом к гениальной широкости, к страсти примирять, синтезировать, политизировать и уступчивости Бугаева; кроме того, мы с Вами спелись и... одним словом, я не знаю никого, кто мог бы заменить Вас; Вы можете разумно устраниваться от дел, которые вне Вашего диапазона, но устраниваться частично, а не устраниваться всецело и официально» (РГБ. Ф. 167. Карт. 6. Ед. хр. 14).

книгоиздательство, а выпуск журнала пришлось отложить до лучших времен. На первых порах перспективы «мусажетского» объединения, однако, вырисовывались как реализация двойной программы деятельности – издательской и журнальной.

13 (26) августа 1909 г. Метнер писал Эллису из Пильница: «Направление журнала (по желанию издателя) должно быть германофильское (в широком неполитическом нефанатическом культурном смысле слова) и отнюдь не враждебное Вагнеру; вот и всё»⁸⁴. Тот же акцент он делал и в позднейшем письме к В. В. Пашуканису (Цюрих, 22 апреля (5 мая) 1915 г.), говоря об идейных установках «мусажетской» группы литераторов: «Независимо от других соображений эта группа или это течение должно было признать примат германской культуры, как несравненно более насыщенной элементами религиозными и философскими, нежели культура романская <...>»⁸⁵. Было ли действительно ультимативным требование Фридрих к программе «Мусажета» или в данном случае сам Метнер определял идейно-эстетические нормы и культурные предпочтения, которым должно было следовать новое издательство, – вопрос, не сулящий однозначного ответа. Германофильская составляющая, как показала последующая издательская практика, была доминирующей в тех широких и разнонаправленных культуротворческих усилиях, которым была подчинена деятельность «Мусажета». Германофильство, возведенное в непререкаемую догму, – отличительная черта мирозерцания Метнера, которое было подвержено также сильному влиянию расовых теорий, и прежде всего построений Хаустона Стюарта Чемберлена⁸⁶; его книгу «Арийское мирозерцание» Метнер называл (в письме к Эллису от 2 (15) апреля 1907 г.) на первом месте в перечне тех, которые желательно, в планах будущего издательства, перевести на русский язык, и впоследствии она вышла в свет под маркой «Мусажета». Арийцами (индоарийцами) Чемберлен называет народ, несколько тысячелетий тому назад спустившийся с гор в долины Инда и Ганга, долгое время остававшийся «свободным от всяких посторонних расовых примесей» и заложивший основы древнеиндийской философии – высшей формы познания, доступной только избранным и способствовавшей «рождению европейской духовной царственности»⁸⁷. Чемберлен прослеживает близкое сходство между индоарийцами и германцами (особенно немцами); Бог индоарийцев, познаваемый не через внешний, а через внутренний опыт, «и был в действительности Богом всех истинно религиозных германцев-христиан, во все времена»⁸⁸. В оппозиции индоарийскому аристократическому и индивидуалистическому началу находится, по убеждению Чемберлена, начало семитское, заключающее в себе антикультурный смысл: «...одно только древне-индусское мышление, как и поэзия, осталось свободным от всякого, даже самого отдаленного, соприкосновения с семитическим духом <...> мне известно, насколько эта удивительная порода – семит, – распространяющаяся по всему миру и обладающая такою изумительною способностью всё себе ассимилировать – глубоко и внутренне изменяет всё, к чему прикасается»⁸⁹.

Ознакомившись с культурологическими мифологемами Чемберлена, Метнер выразил полную солидарность с автором: «Арийское мирозерцание» «высказывает о расе, семитах, арийцах и, в частности, о германцах мнение <...> буквально тождественное с моим, основанным на внутреннем чутье и незначительных наблюдениях. Некоторые абзацы – точно мною написаны»⁹⁰. Построения Чемберлена могли только укрепить идейную базу, лежавшую в основе воззрений и оценок Метнера как музыкального критика, со всей отчетливостью сформули-

⁸⁴ РГБ. Ф. 167. Карт. 6. Ед. хр. 13.

⁸⁵ РГБ. Ф. 167. Карт. 13. Ед. хр. 13.

⁸⁶ В архиве Метнера сохранилась подборка материалов к исследованию культурологических воззрений Чемберлена («Чемберлен. Культура. Раса...» // РГБ. Ф. 167. Карт. 18. Ед. хр. 9. 115 л.).

⁸⁷ Чемберлен Хаустон Стюарт. Арийское мирозерцание / Пер. с нем. О. К. Синцовой. М.: Мусажет, 1913. С. 7, 10.

⁸⁸ Там же. С. 81.

⁸⁹ Там же. С. 35.

⁹⁰ Письмо к А. М. Метнер от 4 сентября 1906 г. Цит. по: Юнгрен Магнус. Русский Мефистофель. С. 27.

рованных в статье «Эстрада» (Золотое Руно. 1908. № 11/12; 1909. № 2/3, 5). В ней противопоставлялись «музыкальный германизм», «немецкая музыка великой эпохи» (Бах, Моцарт, Бетховен, Вагнер) «и все, что выросло из нее и не стало ей враждебным у других народов», и «музыкальный юдаизм», который «образовался как уродливое, беспочвенное, однобокое и не чисто-художественное полупромышленное явление», проявляющееся в «эпоху господства эстрадно-рекламного духа» и «расцвета интернационально-еврейской виртуозности»⁹¹. Первое явление имеет свои великие образцы в прошлом и несет в себе непреходящие культурные ценности, второе торжествует в музыкальной современности, где, по убеждению Метнера, господствует культ исполнительства, «стремление к эффектам, превращение эстрады во внешнее зрелище, угодливое отношение к публике и т. д. и т. д.»⁹²

Концепция, обоснованная Метнером в «Эстраде», негативная оценка им «музыкального юдаизма» отражала его общие антисемитские установки, безусловные в культурологическом плане, но в плане житейском не лишённые своеобразия (если учесть хотя бы факт его женитьбы на еврейке Анне Братенши и позднейшей интимной связи с Рахилью Рабинович). Эти же воззрения Метнера оказали определенное воздействие на Андрея Белого в 1908–1909 гг. – в период, когда влияние личности и идейных воззрений «старинного друга» на него было особенно действенным и эффективным. Характерно в этом отношении его стихотворное письмо «Э. К. Метнеру», помещенное в книге стихов «Урна» (1909); насыщенное воспоминаниями о былых встречах («...нескончаемые речи // О несказанно дорогом»⁹³), оно исполнено чувства любви и нерасторжимой связи. Под непосредственным влиянием Метнера-Вольфинга была написана статья Белого «Штемпелеванная культура»; в ней он пространно цитирует «Эстраду» и солидаризируется с ней, называет ее автора «нашим лучшим теоретиком музыки»⁹⁴. Превосходный тотальный демарш «против музыки» обернулся на сей раз столь же тотальным ниспровержением восторжествовавшей «интернациональной, прогрессивно-коммерческой культуры во всех областях искусства»; губительный для национальной культуры интернационализм насаждается в основном «одной нацией, в устах интернационалистов все чаще слышится привкус замаскированной проповеди самого узкого и арийству чуждого национализма: юдаизма»⁹⁵. И хотя Белый здесь же аттестует евреев как «глубококталантливый, способный и самобытный народ», говорит о необходимости их правового равноправия, признает бесспорную «отзывчивость евреев к вопросам искусства»⁹⁶ и т. д. – все эти оговорки не могли приглушить скандальный эффект, который произвела «Штемпелеванная культура» в литературной среде (достаточно привести хотя бы заглавие фельетона Оскара Норвежского, опубликованного 26 ноября 1909 г. в газете «Раннее Утро»: «Андрей Белый без маски. Первый погром в литературе»). В мемуарах Белый признавал: «Эта заметка моя – неудачна; во-первых: в ней мысль плохо выразил я; во-вторых: если б даже и выразил, то – неверна она; <...> и наконец: „маниакальное“ настроение отпечаталось в этой заметке (я вскоре потом понял промах: заметку – не перепечатывал), и – влетело: пребольно! Во-первых: от многих друзей из евреев; и – во-вторых: от сочувствия мысли моей в черносотенном круге; выслушивал горькие истины; и происшествие это меня угнетало ужасно»⁹⁷.

⁹¹ Вольфинг. Модернизм и музыка: Статьи критические и полемические (1907–1910). Приложения (1911). М.: Мусaget, 1912. С. 117.

⁹² Вольфинг. Модернизм и музыка. С. 108.

⁹³ СП – I. С. 355.

⁹⁴ Бугаев Борис. На перевале. XIV. Штемпелеванная культура // Весы. 1909. № 9. С. 78.

⁹⁵ Там же. С. 74, 76.

⁹⁶ Там же. С. 76.

⁹⁷ Андрей Белый. Начало века. Берлинская редакция. С. 604. Ср. свидетельство Белого в мемуарных записях «К материалам о Блоке» (1921) о раннем «мусagetском» периоде: «...я, инспирированный Метнером в эти месяцы, переживал нечто вроде „юдобоязни“ (скверная болезнь, быстро прошедшая); это – эпоха моей заметки „Штемпелеванная культура“» (О Блоке. С. 462). См. также: Безродный М. О «юдобоязни» Андрея Белого // Новое литературное обозрение. 1997. № 28. С. 100–125;

Среди тех, кто приветствовал появление «Штемпелеванной культуры», была Анна Рудольфовна Минцлова⁹⁸. Теософка, ученица Р. Штейнера, визионерка и «инспиратриса» Вячеслава Иванова в 1908–1909 гг., она вовлекла Андрея Белого в сферу своих оккультных интересов и «тайновидческих» фантазий, а через него – и других лиц, группировавшихся вокруг зарождавшегося «Мусагета», в том числе и Метнера. Последний, при всем рациональном складе своей личности, также оказался подвластен воздействию флюидов, исходивших от Минцловой⁹⁹. Она в значительной мере способствовала тому, что в объединении литераторов-«мусagetцев» стала с особенной силой звучать мистическая, эзотерическая составляющая; за внешними формами московской книгоиздательской фирмы вырисовывались контуры эзотерического братства, союза «посвященных», наподобие тайного розенкрейцерского сообщества. Образами розенкрейцеров, реальными или вымышленными, было заполнено галлюцинаторное сознание Минцловой, и они стали – во многом ее усилиями – питательной почвой для той мифологии, которая зарождалась в «мусagetской» среде и которая способна была подчинять себе даже при скептическом отношении к «больной, перемученной кем-то, клокочущей женщине» – по позднейшей аттестации Белого, вспоминавшего про «атмосферу упорнейшего напряжения, опасений, надежд, сказок, бредов, в которых „она“ продержала нас год»¹⁰⁰. Таким образом, уже в первый год, ознаменовавший начало деятельности «Мусагета», в ней были проявлены оккультские уклоны, которые впоследствии окажутся камнем преткновения на последующем его пути.

Первые издания «Мусагета» появились в 1910 г., среди них – том статей Андрея Белого «Символизм», включавший его работы философско-эстетического характера (в том числе программную статью по теории символизма «Эмблематика смысла») и стиховедческие исследования, заложившие основы современного состояния этой филологической дисциплины. В ряду других действовавших символистских издательских объединений («Скорпион», «Гриф», «Оры») «Мусагет» выделялся преобладающим религиозно-философским, теоретико-эстетическим и культурологическим уклоном, своей ориентацией на узкий круг просвещенных читателей и на утверждение преемственности по отношению к высшим ценностям западноевропейской культуры: «...тут царствовали тени Гёте, Вагнера и немецких мистиков»¹⁰¹. С опорой на непререкаемые авторитеты мыслилось исполнение главной задачи объединения – созидание синтетической символистской культуры, сочетающей в себе духовные ценности эстетического, философского и религиозного порядка. Какие-либо злободневные темы, отражающие общественно-политическую ситуацию в стране и мире, задачи переживаемого исторического

Богомолов Н. А. Русская литература начала XX века и оккультизм: Исследования и материалы. М., 1999. С. 72–74.

⁹⁸ 16 ноября 1909 г. она писала Белому о «Штемпелеванной культуре»: «...Вы – именно сказали *так*, как должно... Эта тонкость, это „рыцарство“ – в требовании „полноправия“ для евреев, которые *освободят* нас, арийцев, разомкнет уста наши – Андрей Белый, я считаю эту Вашу статью – истинным *подвигом*, первым актом рыцаря Славянства» (РГБ. Ф. 25. Карт. 19. Ед. хр. 17). О Минцловой см. подробное исследование Н. А. Богомолова «Anna-Rudolf», основанное на многочисленных документальных источниках (Богомолов Н. А. Русская литература начала XX века и оккультизм. С. 23–110).

⁹⁹ Сохранились записи Метнера, в которых изложены разговоры с Минцловой и ее высказывания относительно сокровенной сути его личности; в частности (29 января 1910 г.): «Все, что я подозревал в себе (наполеонизм, волче – Вольфинг – гётеанство – активность – единственность – арийство – das ausgewählte Geschlecht – das Königliche Priestertum – das heilige Volk <избранный род – царственное священство – святой народ – нем.>, все налицо и даже гораздо больше, величайшая гениальность, однажды воплощенная... личность, способная в чем-то спасти мир; так что я и знаю и не знаю, кто я. Я окружен многими тайнами и трагичностями, моя судьба исключительна; я не жил еще, я безумно молод и телом, не только духом; я падал, но оттого, что проходил пояс огня, как Зигфрид; и я иду к Брюннгильде и эта Брюннгильда не только идея, но и женщина <...>» (РГБ. Ф. 167. Карт. 22. Ед. хр. 16).

¹⁰⁰ Андрей Белый. Начало века. Берлинская редакция. С. 640. О мистической атмосфере, рождавшейся в ходе общения с Минцловой, дает представление инскрипт Белого Метнеру на «Симфонии (2-й, драматической)»: «1902–1909 25 мая. В России 1-й треугольник должен быть в течение 09 года. Или все надолго исчезнет. С запада (Германия) свет востоку (Россия), с востока свет западу. Уже нет ни титанов (Гёте, Ницше), ни религий, а только „старое и новое во все времена“: Ф. Э. К. Метнеру Борис Бугаев» (Автографы поэтов серебряного века: Дарственные надписи на книгах. М., 1995. С. 94–95 – факсимиле. В тексте – цитата из «Симфонии (2-й, драматической)»).

¹⁰¹ Стенун Ф. Бывшее и несбывшееся. London, 1990. Т. 1. С. 208.

момента «Мусagetом» отторгались. За годы своей активной деятельности (1910–1916) «Мусaget» выпустил в свет 44 книги, и это было лишь малой частью той широковещательной программы, которая вырисовывалась в первоначальных планах учредителей издательства¹⁰². Ближайший круг в «Мусagете» составляли московские авторы, преимущественно литературная молодежь из окружения Белого и Эллица, но с самого начала стали играть значимую роль и петербургские корифеи символизма – Вяч. Иванов и А. Блок.

В журнале «Труды и Дни», выпускавшемся «Мусagetом» с 1912 г., Метнер обосновал общие принципы и установки руководимого им издательства. Цель «мусagetского» содружества – в усилиях, направленных к преодолению культурного кризиса современности, искание путей к новой, органической культуре, творческая деятельность на объективно-идеалистической основе, сочетающая художественный и философский подходы, с опорой на традиции неогуманистического и духовно-преемственного мышления. Истолковывая избранное название издательства (Мусaget – Аполлон, предводитель муз), Метнер утверждал: «...это имя подчеркивает аполлинизм (вовсе не отрывая его однако от дионисизма) и отмежевывается от эстетства, ибо означает объединение всех видов творчества в согласном служении цели создания культуры»¹⁰³. Последнее, ключевое в идейном базисе «Мусagета» понятие он называет, вслед за Ницше, «единством художественного стиля, охватившим все жизненные проявления народа»; «процесс формирования ее движется от интуитивно-предвосхищенного невыразимого знания культурно-должного к реализации этого должного; в этом смысле культура – как бы самоцель, но опять-таки и автономно-целевой характер ее ценен не как таковой, а потому, что только при его наличности и достижима через культуру <...> высшая задача человечества»; «...можно определить культуру как естественно проявляющуюся власть художественного и религиозного творчества над жизнью. <...> Эта власть культуры над жизнью необходима для роста культуры, как *пути*»¹⁰⁴. Универсальные персональные символы культуры, провозглашаемой «Мусagetом», – Гёте, осуществивший грандиозный синтез положительной культуры, и Вагнер – синкретическая личность, соединяющая в своем творчестве поэзию, музыку, мифотворчество и религию. В согласии с этими приоритетами Метнер учредил в «Трудах и Днях» отделы «Goetheana» и «Wagneriana»; позднее к ним добавилась, по инициативе Эллица, «Danteana».

Два относительно самостоятельных крыла в цельном идейном организме «Мусagета» представляли издательские серии «Орфей» и «Логос». Первая была создана для издания произведений мистической литературы – художественной и философской, главным образом классической переводной (Мейстер Экхарт, Якоб Бёме и др.). Вторая, обладавшая определенной автономией, объединяла вокруг предпринятого «Мусagetом» русского издания «международного ежегодника по философии культуры» «Логос» преимущественно философов-неокантианцев (С. И. Гессен, Ф. А. Степун, Б. В. Яковенко)¹⁰⁵. Между «западниками» – «логосовцами» и представителями русской религиозной философии, объединившимися вокруг издательства «Путь», «неославянофилами», намечалась последовательная конфронтация, время от времени

¹⁰² См. библиографический перечень «мусagetских» изданий в статье: Толстых Г. А. Издательство «Мусaget» // Книга: Исследования и материалы. Сб. LVI. М., 1988. С. 112–133. Деятельность издательства охарактеризована в статьях М. В. Безродного «Издательство „Мусaget“: групповой портрет на фоне модернизма» (Русская литература. 1998. № 2. С. 119–131), «Из истории русского германофильства: издательство „Мусaget“» (Исследования по истории русской мысли. Ежегодник за 1999 год. М., 1999. С. 157–198), «Издательство „Мусaget“» (Книжное дело в России в XIX – начале XX века: Сб. научных трудов. Вып. 12. СПб., 2004. С. 40–56). На основе материалов научной конференции по «Мусagetу», проведенной в РГГУ в 2009 г., издан сборник: Книгоиздательство «Мусaget». История. Мифы. Результаты. Исследования и материалы / Сост. Анна Резниченко. М., 2014.

¹⁰³ Метнер Эмилий. «Мусaget». Вступительное слово редактора // Труды и Дни. 1912. № 1. С. 55.

¹⁰⁴ Там же. С. 56, 57.

¹⁰⁵ См.: Безродный М. В. Из истории русского неокантианства (журнал «Логос» и его редакторы) // Лица. Биографический альманах. 1. М.; СПб., 1992. С. 372–407; Сапов В. В. Журнал «Логос» – прерванный на полуслове диалог // Вестник Российской академии наук. 1993. Т. 63. № 3. С. 267–279.

вспыхивавшая в печатной полемике; в нее оказывался вовлечен и Андрей Белый, попеременно отстаивавший то одну, то другую из противоборствующих сторон.

Внутренний распорядок функционирования издательского объединения был четко прописан в выработанном его учредителями декретивном документе – «Домашних правилах книгоиздательства „Мусагет“»¹⁰⁶ (над текстом помета: «Проект»; утвержденный текст, по всей видимости, не имел принципиальных отличий от него). Приведем некоторые из сформулированных в нем положений:

I. Состав

§ 1. Книгоиздательство «Мусагет» составляют:

- 1) несменяемый редактор, Э. К. Метнер,
- 2) несменяемый казначей, К. П. Метнер,
- 3) члены редакции.

§ 2. Состав членов редакции в настоящее время следующий: А. А. Блок, Б. Н. Бугаев, В. И. Иванов, Н. П. Киселев, Л. Л. Кобылинский, В. О. Нилендер, А. С. Петровский, Г. А. Рачинский, Б. А. Садовской, М. И. Сизов, С. М. Соловьев, Г. Г. Шпетт; далее, три редактора журнала «Логос» – С. О. Гессен, Ф. А. Степпун, Б. В. Яковенко¹⁰⁷. <В. Ф.> Ахрамович, <А. М.> Кожебаткин, Метнер К. П., Метнер Э. К.

П р и м е ч а н и е. Редактору и общему собранию предоставляется право кооптировать новых членов редакции.

II. Редактор и казначей

§ 3. Редактор «Мусагета» является единоличным хозяином всего предприятия, и окончательное решение по всем вопросам принадлежит ему.

<...>

§ 5. Власть редактора сохраняется за ним на время его отлучек из Москвы и ни к кому не переходит. Разрешение неотложных и мелких вопросов предоставляется остающемуся в Москве составу совета, который о своих распоряжениях немедленно доводит до сведения редактора.

<...>

III. Совет

§ 7. При редакторе, в помощь ему, состоит совет. Его составляют:

- 1) редактор, председательствующий на заседаниях,
- 2) секретарь издательства, ведущий делопроизводство совета,
- 3) четыре члена, избираемые редактором.

П р и м е ч а н и е. При рассмотрении в совете вопросов, касающихся издания журнала «Логос», в состав его приглашается с правом голоса один из редакторов «Логоса».

§ 8. Совет собирается еженедельно; заседания его закрытые; постановлениям ведется протокол.

---

¹⁰⁶ РГБ. Ф. 167. Карт. 17. Ед. хр. 23.

¹⁰⁷ Последующие имена вписаны между строк (рукой Э. К. Метнера).

§ 9. Совет ведает все вообще дела издательства, вносимые на его рассмотрение редактором; в частности:

- 1) рассматривает составленный редактором план издательской деятельности,
- 2) рассматривает поступающие от редактора предложения о издании новых книг <...>

§ 10. Постановления совета либо утверждаются редактором и обращаются им к исполнению, либо вносятся на рассмотрение общего собрания.

<...>

V. Общее собрание

§ 14. Общее собрание составляют 20 лиц, поименованных в §§ 1 и 2, и состоящие при издательстве секретарь и заведующий коммерческой частью.

П р и м е ч а н и е. По желанию или с согласия редактора в общее собрание могут быть приглашаемы (без права голоса) и посторонние лица. <...>

Как ясно из тщательной проработанности этих положений, «Мусагет» осмыслился его учредителями как сложный коллективный организм, призванный результативно действовать сообразно предписанным условиям, наподобие уставов политических партий или профессиональных сообществ. На практике, однако, эти «Домашние правила» существенной роли не сыграли – не смогли противодействовать сказывавшейся с самого начала несогласованности и дезорганизованности, а то и просто бездеятельности, в которой более других отличился первоначальный секретарь «Мусагета» А. М. Кожебаткин. Высокие культурные помыслы «мусагетцев» тонули в житейской рутине, разбивались об их собственный непрофессионализм в делопроизводственной сфере. «Я не знаю, – пишет Ф. Степун, – какую сумму истратил „Мусагет“ за три или четыре года своего существования, но уверен, что по сравнению с тем, что он сделал, – огромную. И это не мудрено, так как дело велось, в конце концов, не Метнером и даже не Кожебаткиным, а совсем уже неопытным в издательских делах кружком молодых поэтов, писателей и философов, который из вечера в вечер чаевничал в „Салоне“ редакции <...>. На этих вечерах и разрабатывалась программа издательства, исключительная по своему культурному уровню, но и исключительная по своей бюджетной нежизнеспособности»¹⁰⁸.

Как видно по «Домашним правилам», исключительно значимую роль во внутренней организации «Мусагета» играл «несменяемый редактор» – Эмилий Метнер. Будучи формальным лидером, он добровольно готов был делить руководящую роль с Белым, который воспринимался всеми «мусагетцами» как самое авторитетное лицо в сообществе и равноценный Метнеру лидер неформальный. Пользуясь этими непрописанными, но молчаливо делегированными ему полномочиями, автор «Символизма» предлагал «Мусагету» определенные планы и настаивал на тех или иных решениях, которые не всегда находили поддержку и понимание со стороны Метнера. Сложившееся в издательстве двоевластие грозило разрешиться конфликтом.

Первые симптомы будущего конфликта имели под собой сугубо материальную почву – финансовую. В конце 1910 г. Белый соединил свою судьбу с А. Тургеневою и отправился вместе с нею в длительное заграничное путешествие. Денежное обеспечение поездки взяла на себя редакция «Мусагета» – в счет гонорара, причитавшегося Белому за печатавшуюся в издательстве книгу его статей «Арабески». Маршрут заранее не был четко определен, и было решено

---

¹⁰⁸ Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. Т. 1. С. 270.

высылать Белому регулярные денежные суммы по указываемым им в письмах адресам. Почтовая связь с экзотическими областями Средиземноморья (Сицилия – Тунис – Египет – Палестина), где странствовали и пребывали Белый и А. Тургенева, была не быстрой, денежные переводы запаздывали, путешественники в ожидании оказывались прикованными к месту, которое уже готовы были покинуть; все эти неудобства вызывали раздражение Белого, которое он переносил на Метнера и на «Мусагет» в целом (не без оснований, поскольку и издательство в исполнении договоренности надлежащей расторопности не проявляло). Отрадные переживания и даже потрясения, которые испытывал Белый от соприкосновения с открывшимися ему новыми культурными мирами, омрачались эмоциями, которые распространялись на, казалось бы, родное и близкое ему культурное содружество. Новые встречи с «мусагетцами» в мае 1911 г., после длительного перерыва, Белого глубоко не удовлетворили; свои соображения и претензии, касающиеся положения дел в издательстве, он изложил в пространным письме к Метнеру, отправленном 17 июня 1911 г. из Боголюбов (волынское имения, принадлежавшего отчиму А. Тургеневой В. К. Кампиони). В мемуарах Белый, ошибочно отнеся это письмо ко времени пребывания в Тунисе, расценил его как «открытое нападение на Эмилия Метнера»: «...в нем я подытоживал двухлетие „Мусагета“ и сомневался, чтобы политика Метнера, главным образом накладывать свое „veto“ на новые начинания наши, имела бы смысл. Я писал: „Мусагет“ приблизился к тупику, из которого выхода нет; ответ Метнера – даже не крик, а рассерженный взвизг, показавший, что он нервно болен, что надо его успокоить; и я „успокоил“, но – с горьким сознанием»¹⁰⁹.

Аттестация, данная Белым ответному письму Метнера от 26–29 июня 1911 г., – явно не адекватная: под определение «рассерженный взвизг» подробная, методичная, рационально выстроенная, с истинно немецким педантизмом по пунктам распределенная отповедь Метнера никак не подпадает. По существу Метнер в своих контрдоводах, безусловно, прав; его разъяснения относительно положения дел в «Мусагете», реализованных и нереализованных возможностей отражают подлинную картину, которую Белый не видел или не хотел видеть. Но Метнер не уловил или умышленно отказался воспринимать то ощущение неблагополучия, которым было пронизано инвективное послание Белого. За порицаниями, отчасти невнятно сформулированными, отчасти беспочвенными, надуманными или уводящими в сторону от существа дела, таилось открывшееся Белому осознание неосуществимости «мусагетской» культурологической утопии, недостижимости в очередной раз тех теургических целей, которые вновь замаячили в энтузиастических порывах, сопровождавших рождение нового, казавшегося всецело «своим», издательства.

В результате последовавших эпистолярных и личных объяснений прежняя тональность во взаимоотношениях Белого и Метнера была внешним образом восстановлена. Их упрочению способствовало учреждение «под редакцией Андрея Белого и Эмилия Метнера» «мусагетского» двухмесячника «Труды и Дни», начатого изданием в начале 1912 г., – новой платформы для обоснования символистских религиозно-философских идей. Белый написал для «Трудов и Дней» несколько статей, активно участвовал в составлении и редактировании первых номеров журнала. Достигнутое между соредакторами согласие, однако, оказалось непрочным; на этот раз его поколебал Метнер, уязвленный тем, что Белый, уезжая в марте 1912 г. за границу, передал рукопись своего, еще незаконченного, романа «Петербург» стороннему издателю (при том что под эгидой «Мусагета» печатать роман тогда не было возможности), а также недовольный его редакторскими решениями при формировании первого номера «Трудов и Дней». Свои обиды и претензии, накопившиеся и по другим, уже совсем малозначительным поводам, он сформулировал в письме к Белому, которое, по всей вероятности, не сохра-

¹⁰⁹ МДР. С. 383.

нилось; о содержании его можно судить по ответному письму Белого, а также по ряду иных документальных свидетельств.

О своей ответной отповеди Белый сообщал Н. П. Киселеву в письме из Брюсселя от 7 (20) апреля 1912 г.: «...намекините ему <Метнеру. – *Ред.*>, что только моя сдержанность заставила меня ему ответить *корректно*. И чтобы он осторожнее писал впредь. И так уже после критики моего поведения с журналом *я отказываюсь принимать какое-либо активное отношение к журналу*. Сбирать статьи, думать и потом выслушивать укоризны. Кроме того: во мне крепнет после таких писем, как последнее письмо Метнера, – у меня крепнет намерение вовсе не вернуться в Москву, не прикладывать моих рук к Мусагету, дабы не быть объектом нареканий, сетований, сплетен, химер...»¹¹⁰ Между тем Метнер возобновлял свои атаки. Письма его к Белому, относящиеся к весне и началу лета 1912 г., нам неизвестны, но об их тональности можно составить представление по отзывам адресата (с поправкой на их вероятную чрезмерную эмоциональность): «...мелочность обвинений (если бы они и были справедливы), высчитывания количества прегрешений и т. д., размазанное на 25 страницах большого формата <...> Я и теперь получаю громадные письма, где *отражаются последние мои* разъяснения и т. д. Чего Э. К. хочет, так истерически *вопя* 2 месяца, не знаю»¹¹¹. Взаимонепонимание не преодолевалось интенсивностью переписки, а только усиливалось. Идти на полный разрыв с «Мусагетом» Белый все же не решался: ощущение идейной близости к сообществу, сотворенному в значительной мере его усилиями, оказывалось сильнее переживаний, порожденных множившимися конфликтными ситуациями. «Продолжаю чувствовать „коллектив“ вопреки письмам, – признавался он Н. П. Киселеву 4 (17) июня 1912 г., подразумевая письма Метнера. – И да – *он есть*. Продолжаю чувствовать *связующее нас Главное*. Кроме личной привязанности и дружбы, кроме Главного есть еще мотив быть нам вместе: *нас так мало; и мир нас не любит*. Никакая *пря* нас не разъединит»¹¹².

Назревала, однако, главная «пря», которая в конечном счете привела к расколу прежнего «мусагетского» «коллектива». Возникла она в связи с идейным тяготением ряда представителей этого «коллектива» к теософии в той форме, которую исповедовал руководитель Немецкой секции Теософского общества, а затем (в 1913 г.) основатель выделившегося из него Антропософского общества Рудольф Штейнер. Приверженцами Штейнера стали А. С. Петровский, М. И. Сизов и Эллис, пропагандировавший, начиная с 1911 г., его учение со всей силой своего темперамента среди «мусагетцев», а затем отбывший в Германию – слушать лекции своего учителя и пребывать под его духовным водительством. Метнер был последовательным и решительным противником Штейнера, не признавал значительности идейных построений «теософского педагога» и отвергал всяческие попытки экспансии его учения в «мусагетские» издания и в любые культурные начинания, осуществлявшиеся под знаком «Мусагета». В письме к Эллису от 12 ноября 1911 г. он со всей определенностью заявлял: «...допускать абсолютизм, церковность, хотя бы новую, в Мусагет я не могу. Штейнер для Мусагета такой же писатель, как и все другие. <...> *Отделения* штейнерьянства или оккультизма или теософии (все равно) в *Мусагете* быть не может. <...> Никаких лекций ни *в* Мусагете, ни *от* Мусагета на темы о теософии, о единоклассической теософической церкви, никакой пропаганды и прозелитизма *определенной* оккультной или сектантской идеологии допущено быть не может. Мусагет за мистику, за религию, за символизм, за науку, за искусство, за философию, а, главное, за *духовную свободу*, соединенную с дисциплиной теоретической и практической и проникнутую

¹¹⁰ Арабески Андрея Белого: Жизненный путь. Духовные искания. Поэтика. Белград; М., 2017. С. 53. Публ. А. Л. Соболева.

¹¹¹ Письмо к Н. П. Киселеву от 19 мая (1 июня) 1912 г. // Там же. С. 82.

¹¹² Там же. С. 83.

чувством личного и коллективного долга, т. е. за культуру в высоком и широком смысле <...> Скорее закрою Мусагет, чем изменю своей программе...»¹¹³

6 и 7 мая 1912 г. Белый и А. Тургенева впервые увидели Штейнера – прослушали в Кёльне его лекцию, вызвавшую у обоих глубокое потрясение, и имели с ним личную встречу, после чего приняли решение приобщиться к кругу его последователей и учеников. Слушание лекционных курсов Доктора (как именовали Штейнера его поклонники) в Мюнхене и Базеле (август – сентябрь) только укрепило их убежденность в том, что они обрели истинный путь к духовному самосовершенствованию. Приверженцем антропософии Штейнера Белый осознавал себя на протяжении всей дальнейшей жизни. Таким образом, во второй половине 1912 г. двое из первоначального руководящего «трио» в «Мусагете» оказались ревностными адептами идеологической доктрины, не согласующейся с общими толерантными культурологическими установками, которым была подчинена деятельность издательского объединения. В стремлении проводить в «Мусагете» штейнерианскую линию Белый и Эллис теперь действовали в унисон; противостоявший их натиску Метнер даже замечал, что в своем идейном пафосе они перевоплотились в некое единое существо, именуемое «Белоэлис»: «Белоэлис требует штейнеризации Мусагета. Белоэлис считает Штейнера вершиною культуры, сверхчеловеком, предтечей второго Христа и т. п. – Белоэлис пишет о Штейнере *Он* с большой буквы. Белоэлис утверждает, что символизм и есть соединение эстетизма и оккультизма и что он, Белоэлис, в бытность свою еще двумя существами, Белым и Эллисом, *всегда* проповедовали эту истину <...>»¹¹⁴. Белый, в свою очередь, негодовал против Метнера за его упорный отказ признавать значительность Штейнера и даже усматривал в этой позиции косвенное свидетельство чуждости ему его, Белого, собственной личности. После встречи с Метнером в Базеле, где тот, прослушав лекцию Штейнера, скептически к ней отнесся, Белый жаловался в письме к М. К. Морозовой: «Я не понимаю одного: как можно *эту красоту* назвать скучными речами пастора, как называет Э. К. Метнер. <...> Все я прощу Э. К. Метнеру из великой любви к нему. Не прощу одного: я думал, что он с тонким вкусом, а он был на лекции Штейнера – ничего не увидел, ничего не услышал. Значит, все, о чем мы говорили эти 10 лет, в чем согласились, в чем условились, – одно сплошное недоразумение, и мы <говорили> о совсем, совсем разных вещах. Ибо для меня Штейнер безмерное углубление полусознательных моих грез, меня самого. <...> За что меня любил Эмилий Карлович, не знаю, ибо то, что он во мне любил – это вот (только в миллион раз сильнее) *осуществилось*. Осуществление – Штейнер. Если он над Штейнером глумится, то для меня это значит: он не глумился над *моим* только потому, что *мое* говорило намеками, и он в *мое* вложил свой, мне чуждый, мне далекий смысл»¹¹⁵.

Постепенно ставшие нормой общения эпистолярные препирательства, в ходе которых Белый выступал в обличье стихийного, непредсказуемого и хаотичного гения, щедро и безрассудно расплескивающего свои словесные импровизации, а Метнер предстал мелочным, упорным и неукоснительным педантом и доктринером, наводящим надлежащий порядок среди предметов спора и восстанавливающим приоритет логики и рассудка, обрели теперь тематическую доминанту в образе Штейнера. Общая идейная конфронтация порождала разногласия в практических «мусагетских» делах, отражалась в столкновениях двух соредакторов «Трудов и Дней» по вопросам публикации тех или иных материалов (показателен в этом отношении конфликт, возникший в связи со статьей Б. В. Яковенко «Философское донкихотство»). Метнер, измученный этим противоборством, жаловался в письме к Вяч. Иванову (12 (25) декабря 1912 г.) при упоминании «новых небрежностей и путаниц Бугаева»: «Скажу только, что боль-

¹¹³ РГБ. Ф. 167. Карт. 6. Ед. хр. 20. Ср.: Куглюковская Л. И. Эмилий Метнер и Рудольф Штейнер (к истории взаимоотношений, 1910–1911 годы) // Русский книжник. 2014. М., 2015. С. 319–332.

¹¹⁴ Письмо к А. А. Блоку от 3 октября 1912 г. // Александр Блок. Исследования и материалы. СПб., 1998. С. 203.

¹¹⁵ Письмо от 7 (20) сентября 1912 г. // «Ваш рыцарь». С. 207, 208.

шей способности к беснованию и всяческому одержанию я не встречал, что никогда еще не ставилось на пробу в такой невыносимой мере мое терпение и моя любовь, что более возмутительно несправедливого обращения я не переживал никогда и что я сильно сомневаюсь (относительно Бугаева), был ли я когда-либо действительно понят и любим и не является ли „старинный друг“, как меня называет Андрей Белый, просто одним из персонажей „Симфоний“, а я сам, живая личность, – просто моделью <...>»¹¹⁶. В конце 1912 г. в результате непрекращающихся конфликтов Белый отказался от редакторских полномочий в «Трудах и Днях» (как было печатно объявлено, из-за неудобств в работе, вызванных постоянным пребыванием за границей).

Формальный отход Белого от ведения текущих «мусагетских» дел способствовал умиротворению в его отношениях с Метнером, которые по своей тональности стали походить на подобие прежней дружбы. Когда в Петербурге возникло на прочной финансовой основе символистское издательство «Сирин», Метнер приложил немало усилий к тому, чтобы напечатать там залежавшиеся в «Мусагете» «Путевые заметки» Белого и еще не оконченный роман «Петербург», а также принять к производству его собрание сочинений (из этих планов осуществилась только публикация «Петербурга»). 8 (21) июня 1913 г. Эллис сообщал Метнеру: «От Бугаева получил прекрасное письмо, где наконец по Вашему адресу зазвучали истинные, старые, милые ноты. Я вообще все б<ольше> и б<ольше> верю в восстановление 3<-рой-ствен>ного союза, без которого немислимо разобраться в вавилонском хаосе окружающего»¹¹⁷. В сентябре 1913 г. Белый и Метнер встретились в Дрездене, провели вместе два дня; обоим показалось, что былая связь восстановлена, несмотря на идейные разногласия. Вскоре, однако, ситуация резко изменилась по причине публикации в «Мусагете» нового сочинения Эллиса.

По мере того как Белый слушал лекционные курсы Доктора, выполнял заданные им духовные предписания и все более интенсивно вовлекался в жизнь Антропософского общества, Эллис претерпевал стремительную эволюцию в противоположном направлении, уводившем его от Штейнера и оккультного ученичества. Все более и более он утверждался в тех духовных ценностях, которые определились для него в религиозной культуре европейского Средневековья. В результате Эллис покинул Антропософское общество и написал небольшой трактат-манифест «Vigilemus!», в котором, по его словам, активно защищал «религию, культуру и символизм от модерно-теософо-разгильдяйства»¹¹⁸.

Осенью 1913 г. «Vigilemus!» был отправлен в «Мусагет», где принят к печати отдельным изданием. Стороной известия о готовящейся публикации дошли до Белого, который выплеснул на Метнера и на всю редакцию «Мусагета» свое негодование. Убежденный в том, что Эллис использовал в своей работе лекции Штейнера, предназначенные для распространения лишь в кругу его единомышленников, «посвященных», Белый выдвинул ультимативные требования, о которых Метнер оповестил автора «Vigilemus!» в письме от 12 (25) октября 1913 г.: «Бугаев получил из Москвы известие о печатании Вашей брошюры „Vigilemus“, и в результате: две запретительные телеграммы, официальное письмо г-ну секретарю „Мусагета“, с просьбой либо отставить брошюру, либо напечатать в газете его, Бугаева, отказ от сотрудничества в Мусагете,

¹¹⁶ Вопросы литературы. 1994. Вып. III. С. 294. Публ. В. Сапова. Ср. признания Метнера в письме к Эллису от 2 (15) декабря 1912 г.: «Вы признаете себя одержимым. Бугаев – нет. Но в одержимости Бугаева я столь же уверен, как и Вы. Вас обоих носит; Вы не ходите, хотя бы спотыкаясь, на своих на двоих. В мусагетском деле я абсолютно трезв и никакой вины перед Бугаевым не чувствую и никакой химерической напраслины я на него не взводил. Его же нападения на меня сплошь химера... <...> Как Вы не понимаете, что если бы я *внутренно* не прощал Бугаеву всего, хотя и несу (как Вы говорите сами) „всю боль от него как мученичество и долг“, то я бы резко и навсегда оборвал бы с ним всякие сношения. То, что я не обрываю, показывает, что я простил; то, что я *внешне* стегаю его письмами, есть не „опьянение“, а сознание, что так надо и для него и для меня, если мы (хотя бы на том свете) должны были бы снова сойтись, как два „старинных друга“...» (РГБ. Ф. 167. Карт. 13. Ед. хр. 6. Л. 69–70).

¹¹⁷ РГБ. Ф. 167. Карт. 8. Ед. хр. 11.

¹¹⁸ Письмо к Э. К. Метнеру от 16 (29) сентября 1913 г. // РГБ. Ф. 167. Карт. 8. Ед. хр. 17.

и, наконец, письмо на мое имя, переполненное самою неприличною бранью, с требованием: 1) отказаться от Вашей брошюры для *Mysageta*; 2) и если ее и напечатать в другом издательстве или без марки, то не иначе, как подвергнув ее цензуре Бори и Аси („нашей“ цензуре, гласит письмо)»¹¹⁹. Особенное негодование вызвало у Метнера то обстоятельство, что Белый ставил условия для печатания произведения, которого он на тот момент не читал и о содержании которого не мог иметь ясного представления. В результате в редакционном комитете «*Mysageta*» большинством голосов было принято решение публиковать «*Vigilemus!*». Корректуру работы Эллиса выслали Белому, который потребовал изъять из нее ряд фрагментов, но его настояниям не последовали. Метнер в связи с выдвинутыми Белым обвинениями составил особое «досье» – развернутый свод возражений и объяснений, который стал финальным высказыванием в этой истории¹²⁰. Белый заявил о своем выходе из состава редакции «*Mysageta*» и из числа сотрудников «Трудов и Дней», его примеру последовали Петровский и Сизов. Тем самым Метнеру удалось отстоять свое детище от антропософского уклона. Эллис в письме к нему от 4 (17) ноября 1913 г. патетически восклицал: «Вы лично сделали все возможное для отвращения тео-антропософической эпидемии от „*Mysageta*“а, за что и я и все понимающие опасность, грозящую *всей* культуре и церкви от магии, – принесут Вам вечную благодарность»¹²¹.

Уход Белого и других приверженцев антропософии из «*Mysageta*» не способствовал преодолению кризиса внутри издательского содружества, которое, несмотря на старания Метнера, неуклонно утрачивало внутреннюю энергию и интерес к общему делу среди большинства его участников. Неодолимой преградой на пути дальнейшей деятельности «*Mysageta*» стала начавшаяся Первая мировая война, сделавшая невозможным успешное функционирование каких-либо германофильских институций на территории России. Метнер, находившийся тогда в Мюнхене, был арестован как российский подданный и депортирован в нейтральную Швейцарию, где и обосновался в Цюрихе¹²². Случившееся он, сочетавший в себе две души, русскую и немецкую, переживал как величайшую личную трагедию: «...для меня Россия и Германия два отечества, *равно* любимых. Вот почему эта в полном смысле слова братоубийственная война является для меня самым ужасающим событием моей жизни»¹²³. «...У него смысл жизни уходит из-под ног, и как он будет дальше жить – неизвестно! – писал о Метнере Г. А. Рачинский Морозовой 24 июля 1915 г. – Русским без оговорок он быть не хочет и не может, а немца из него тоже не выйдет: очень уж он воспитан русской землею и вырос в русской атмосфере»¹²⁴. Обстоятельства, однако, складывались так, что последние двадцать с лишним лет жизни Метнера прошли в Швейцарии и – наездами – в Германии. Вести московские дела «*Mysageta*» он доверил В. В. Пашуканису, начавшему работу в издательстве в 1915 г. и параллельно затеявшему издательское предприятие под собственным именем¹²⁵. В письме к Пашуканису от 22 апреля (5 мая) 1915 г. из Цюриха Метнер признавал, что «*Mysageta*» и внешне и внутренне исчерпал себя: «Молодежь <...> рассеялась кто куда; одни ушли в *Путь*, другие

¹¹⁹ РГБ. Ф. 167. Карт. 6. Ед. хр. 25. Подробнее об обстоятельствах конфликта см.: *Спивак Моника*. Андрей Белый – мистик и советский писатель. М., 2006. С. 71–74; *Лавров А. В.* Книга Эллиса «*Vigilemus!*» и раскол в «*Mysageta*» // *Лавров А. В.* Символисты и другие: Статьи. Разыскания. Публикации. М., 2015. С. 498–515.

¹²⁰ См.: *Лавров А. В.* Эпизод из истории «*Mysageta*»: «Досье Э. К. Метнера о *Vigilemus!*» // *Russian Literature*. 2015. LXXVII–IV. С. 475–500.

¹²¹ РГБ. Ф. 167. Карт. 8. Ед. хр. 21.

¹²² См.: *Юнгрен Магнус*. Русский Мефистофель. С. 101.

¹²³ Письмо к А. М. Метнер от 2 августа 1914 г. (цит. по комментариям З. А. Апетян в кн.: *Метнер*. С. 159).

¹²⁴ Взыскующие града: Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках <...> / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В. И. Кейдана. М., 1997. С. 647.

¹²⁵ См.: *Николаев А. Р.* Викентий Пашуканис – «заведующий коммерческой частью» издательства «*Mysageta*» // Книгоиздательство «*Mysageta*». История. Мифы. Результаты. С. 178–188.

вовсе из литературы в науки, третьи в футуризм и т. д. Я считаю, что *Musaget* не существует более **как** реализующаяся *идея*, а только **в идее**»¹²⁶.

Идейный спор Метнера и Белого, сконцентрированный вокруг фигуры Штейнера, однако, продолжился – претворился из запальчивой эпистолярной полемики в фундаментальную, оснащенную множеством источников и основательным библиографическим аппаратом полемику печатную. Начал ее Метнер, поставив перед собой задачу продемонстрировать несостоятельность работ Штейнера, посвященных Гёте. Хотя Белый в расследовании, предпринятом Метнером, даже не упоминается, допустимо предположить, что оно обращено в первую очередь к нему как к читателю, в тайной надежде открыть адепту Штейнера подлинное лицо его кумира. В пользу такого предположения свидетельствуют позднейшие слова Метнера о своей книге в полемическом «ответе» Белому: «...своим возникновением она в значительной мере обязана длительным вызовам предавшихся антропософии сотрудников *Musageta*, тогда еще его не покинувших. Они настаивали на том, что я в качестве главного редактора обязан занять ту или иную позицию к антропософии и Штейнеру, учениками которого стали почти все ближайшие сотрудники, во главе с А. Б<елы>м. Первый том *Размышлений о Гёте* был таким образом отчасти „провоцирован“»¹²⁷.

Для самого Метнера избранная тема имела ключевое значение. Гёте для него – величайший из «верховных водителей», определяющих ценности культуры, наиболее недостижимый «из всех звезд первой величины»¹²⁸. В свою очередь Штейнер начал творческую деятельность с исследований, посвященных Гёте. Его первая опубликованная книга – «Очерк теории познания Гётевского мировоззрения» (1886). В 1880–1890-е гг. под редакцией и с комментариями Штейнера были напечатаны естественно-научные сочинения Гёте в пяти книгах, составившие тома 33–36 (последний в двух частях) собрания его сочинений в издании Й. Кюршнера. В ходе подготовки этих томов Штейнер в течение ряда лет работал с рукописями Гёте по естествознанию в веймарском архиве Гёте и Шиллера, позже выпустил в свет еще ряд исследований о Гёте. Из всех этих сочинений Метнер избрал предметом своего критического анализа две работы – «Мирозерцание Гёте» («Goethes Weltanschauung», 1897) и «Гёте – отец новой эстетики» («Goethe als Vater einer neuen Aesthetik», 1889). Объемистый труд Метнера под заглавием «Размышления о Гёте. Книга I. Разбор взглядов Р. Штейнера в связи с вопросами критизма, символизма и оккультизма» был издан в «Мусагете» в 1914 г.

Не претендуя на всесторонний обзор этого произведения и оценку общей концепции автора и степени убедительности выдвигаемых им аргументов и интерпретаций (они нашли признание у немногих знатоков¹²⁹), коснемся лишь тех аспектов, которые были обусловлены полемической стратегией Метнера и обнаруживали свою значимость и весомость в идейном противостоянии с Белым. Аналитические усилия Метнера диктуются вполне определенной, изначально заданной целью – установлением несовместимости гётеанства и штейнерианства, констатацией внутренних противоречий в исследовательских приемах Штейнера и превраще-

¹²⁶ РГБ. Ф. 167. Карт. 13. Ед. хр. 13.

¹²⁷ РГБ. Ф. 167. Карт. 12. Ед. хр. 5. Л. 258.

¹²⁸ Метнер Эмилий. Goetheana. I. Введение // Труды и Дни. 1913. Тетрадь 1 и 2. С. 3, 5. См.: Лагутина И. Н. Гёте в неопубликованных дневниках и письмах Э. К. Метнера: К проблеме жизнотворчества в русском символизме // Russian Literature. 2015. LXXVII–IV. С. 431–454.

¹²⁹ Так, известный лингвист Э. А. Макаев расценивал «Размышления о Гёте» как «одну из самых замечательных книг, которые когда-либо были написаны о Гёте»: «Несравненная, неповторимая, очень индивидуальная, блестящая книга Метнера...» (Эмилий Метнер и Андрей Белый. Беседа Е. А. Тахо-Годи с Э. А. Макаевым / Подгот. текста и публ. Е. А. Тахо-Годи // Николай Метнер: Вопросы биографии и творчества. М., 2009. С. 227). См. главу «Книга о Гёте» в книге Магнуса Юнгтрена «Русский Мефистофель» (С. 88–100), а также раздел «Русский символизм и антропософское „гётеанство“» в кн.: Лагутина И. Н. Россия и Германия на перекрестке культур: Культурный трансфер в системе русско-немецких литературных взаимодействий конца XVIII – первой трети XX века. М., 2008. С. 216–248.

ния их «в самодовлеющий внешне-иерархически разграфленный хаос»¹³⁰. Метнер пытается убедить читателя, что Штейнер в своих толкованиях обречен на неудачу, поскольку неспособен воспринять универсальный и свободно реюющий дух Гёте: «...попытка же Штейнера совершить рецепцию мировоззрения Гёте должна быть признана внешне „покушением с негодными средствами“, как выражаются криминалисты, внутренне же „заранее обдуманное намерение“ использовать Гёте для *своих* (пусть очень высоких и нравственно-безупречных) целей. <...> Чтобы посылить приблизиться к духу Гёте, Штейнер должен был бы отказаться, во-первых, от своих книг о нем, во-вторых, от всей дурной схоластики своего проповедничества и писательства»¹³¹.

В восприятии Метнера Гёте и Штейнер – антиподы: и в философских установках, и в структуре личности, и в творческой психологии. Образ Гёте идеализируется до последней степени: Штейнер неспособен «понять принципы роста, борьбы и развития Гёте и достигнутое им, *как ни одним из смертных*, совершенство»; «Преимущество Гёте заключалось в небывалой личной гениальности, в особенной чистоте зрения, в глубокости и напряженности мышления»; Гёте выработал «свой властный гениальный метод, который словно издевается над всякой методологией»; в определениях понятия протофеномена сказала «духовная свобода и мыслительная честность Гёте. <...> За ними чувствуется вся великая внутренняя борьба, весь натиск, весь полет *гениальнейшего* из сынов нашей земли и вся его никем достаточно не постигнутая и не оцененная мудрость самоограничения, притом никогда еще не явленная миру в такой ослепительной красоте...»; «История наук не знает второго Гёте, т. е. еще другого столь же гениального человека, одаренного духовными очами, другими словами, творца идей, который в то же время обладал бы таким исключительно-чистым, непосредственным, асхематичным зрением»¹³², – перечень подобных аттестаций, содержащихся в книге Метнера, можно продолжать и продолжать. Штейнер в трактовках Метнера – полная противоположность: воплощенная посредственность, низводящая любые значимые явления до собственного уровня: «...все сосуды у него равно скудельны и содержимое в них одного и того же, я бы сказал казенного, цвета и стоит на одном и том же штейнерском уровне»; «Философия свободы» Штейнера – «книга, носящая следы нудных исканий мысли и непереваренной начитанности молодого человека, совершенно лишенного как философского, так и литературного дарований»; «Штейнер окутывает все „приготовленное для чистой способности мышления“ облаком своего оккультизма, который где-то, может быть, в недоступных нам профанам эзотерических своих проявлениях и раскрашен всеми цветами радуги, но, слабо отображенный на скучных страницах его экзотерических книг, представляется сплошным серым пятном»; «Штейнер мало что уразумел в Гёте и только всячески пытался использовать его для своей теософской доктрины <...>»¹³³. В своих усилиях осмыслить и истолковать Гёте Штейнер – если вновь воспользоваться параллелью с пушкинскими героями – подобен Сальери, пытающемуся постичь Моцарта и поверить своей «алгеброй» его «гармонию». Явно полемический заряд по отношению к Белому, настойчиво уверявшему, что подлинное осмысление символизма открылось ему в результате приобщения к Штейнеру, включает неоднократно акцентируемая Метнером мысль о чуждости создателя антропософии символизму: «...все здание тайной науки <...> очевидно не содержит в себе ни одного покоя, где бы мог поселиться символизм. Ибо символизм приходит неизменно сопровождаемый проблематизмом и вовсе не способен ужиться

¹³⁰ Метнер Эмилий. Размышления о Гёте. Кн. I. Разбор взглядов Р. Штейнера в связи с вопросами критицизма, символизма и оккультизма. М.: Мусагет, 1914. С. 43.

¹³¹ Там же. С. 330–331.

¹³² Метнер Эмилий. Размышления о Гёте. Кн. I. С. 89, 144, 156, 197–198, 437.

¹³³ Там же. С. 56, 80, 269–270, 273.

с абсолютизмом, которому принадлежит множество помещений почти во всех этажах здания тайной науки»¹³⁴.

Оправдание своему подробнейшему разбору двух «гетеанских» сочинений Штейнера Метнер находит прежде всего в том, что Штейнер породил штейнерианство – сонм фанатических последователей. «Откровенно говоря, – признается автор «Размышлений о Гёте», – если бы Штейнер не был культурно-общественной силой и если бы он не обладал прямо непостижимым авторитетом в глазах многих, гораздо более основательно, нежели он сам, мыслящих, то едва ли стоило бы оспаривать его воззрения»¹³⁵. В этой фразе нельзя не распознать скрытого указания на полемикального адресата – Белого. В целом приверженцы Штейнера в своей преобладающей массе вызывают у Метнера ироническую характеристику: «маска научности», наброшенная на оккультные схемы, «импонирует лишь невежественным теософским рантье, которые <...> следуют за лектором Штейнером из города в город, внимая всем его словам с такою сектантской доверчивостью <...> что им начинает казаться, будто все науки сочинены их учителем»; «...подобно апостолу Павлу и Ницше, Штейнер – великий ловец душ; только стиль его улавливания иной: не апостольский и не артистический, а пасторский и популяризаторский»¹³⁶. «Итак, что же такое Штейнер и где же он?» – вопрошает Метнер и далее фактически обращается к Белому: «Ждем оккультно-точного, но все же снисходительно-популярного ответа от тех его учеников, которые более одарены, нежели учитель, как писатели и мыслители, потому что сочинения Штейнера ни на что нам ответить не способны»¹³⁷. Слова «Ждем снисходительно-популярного ответа» Белый воспроизвел как эпиграф на титульном листе своей книги «Рудольф Штейнер и Гёте в мировоззрении современности. Ответ Эмилию Метнеру на его первый том „Размышлений о Гёте“».

Когда вышли в свет «Размышления о Гёте», личные взаимоотношения Белого и Метнера возобновились, но это была уже их завершающая фаза. Начало Первой мировой войны застало Белого в Швейцарии (в селении Дорнах близ Базеля), где он в числе других сподвижников Штейнера участвовал в строительстве антропософского храма-театра – Гётеанума (Иоаннова здания). В ноябре и декабре 1914 г. Метнер неоднократно приезжал к Белому из Цюриха, их встречи проходили, согласно позднейшему описанию Белого, «миролюбиво и весело», хотя собеседники и «много спорили о докторе»¹³⁸; Метнер же в письме к бывшей жене сообщал, что спор с Белым по поводу «Размышлений о Гёте» закончился «криками» и словесными «кулаками»¹³⁹. В их разговорах возникла и новая тема – Карл Густав Юнг и его психоаналитическая теория; будучи пациентом Юнга в 1914 г., Метнер сблизился с ним и стал его горячим приверженцем; с годами Юнг занял в жизни и внутреннем мире Метнера столь же значимое место, какое ранее занимал Белый¹⁴⁰.

В январе 1915 г. Белый приступил к работе над своей полемикальной отповедью и при очередном приезде Метнера ознакомил его с первыми фрагментами начатого исследования. Вновь Метнер приехал в Дорнах в начале апреля того же года, уже зная от Сизова, читавшего в рукописи сочинение Белого, что был подвергнут в нем самым резким нападениям. Высказанное Белым пожелание опубликовать его полемикальный ответ в «Мусагете» породило очередной жестокий спор, который завершился скандалом и полным разрывом отношений¹⁴¹. После этого Метнер написал Белому объяснительное письмо (10 апреля 1915 г.), которое осталось неот-

¹³⁴ Там же. С. 351.

¹³⁵ Там же. С. 272.

¹³⁶ Там же. С. 358–359, 381.

¹³⁷ Метнер Эмилий. Размышления о Гёте. Кн. I. С. 42.

¹³⁸ ЛН. Т. 105. С. 188.

¹³⁹ Юнг Карл Густав. Русский Мефистофель. С. 121.

¹⁴⁰ См. переписку Метнера и Юнга, опубликованную М. Юнгеном (Там же. С. 230–258).

¹⁴¹ См.: Там же. С. 124.

правленным, – последнее письмо в их многолетней переписке. Касаясь вопроса о перспективах издания произведений Белого в «Мусагете» (в письме к В. В. Пашуканису от 5 мая 1915 г.), Метнер сообщал: «С Андреем Белым я окончательно поссорился недавно <...>. Вести с ним переговоры лично я не могу даже официально»¹⁴². «Так оборвались навсегда, – резюмирует Белый, описывая их последнюю встречу, – мои отношения с Метнером, бывшие некогда столь близкими (с 1902 года до 1911-го)»¹⁴³. Упоминая об этом событии в мемуарах, Белый в очередной раз апеллирует к своему стихотворению «Старинный друг»: образ «два железных гроба», предназначенных для двух друзей, получает теперь свое символическое воплощение: «...эти „гроба“ – разделившие нас идеологии, о которых разбилась прекрасная дружба: с 1915 года уже не встречались мы»¹⁴⁴.

Черту под историей взаимоотношений с Метнером Белый подводит и в предисловии к своей полемической книге, где, пожалуй, единственный раз на всем ее пространстве, сформулированы положительные слова в адрес оппонента: «Тонким, умным, начитанным, элегантным защитником деликатных вопросов культуры слывет автор „воззрений“ в избранных московских кругах; его мнения – резолютивны, я знаю; его книга – я знаю наверное – выдвигает свою тему лет (а не дня) и являет старание погубить зеленеющий всход новой мысли морозом насмешек, присвояя культуру себе, отнимая ее у других. Многолетнюю дружбою, серией острейших бесед и совместным участием в „Мусагете“ с Эмилием Метнером связан был я»¹⁴⁵. Далее – последовательная сокрушительная критика, во многом схожая по расстановке смысловых акцентов с той, которую проводил Метнер в «Размышлениях о Гёте»; только на место живого и непревзойденного гения у Белого выдвигается Штейнер – «носитель огненной, эвристической мысли», а на место Штейнера, изображенного Метнером, – сам Метнер с «деревянною мертвизиною» собственных интеллектуальных построений¹⁴⁶. Если у Метнера Штейнер – искажитель Гёте, то под пером Белого «д-р Штейнер „критически“ вскрывает нам Гёте: вскрывает впервые», «д-р Штейнер воистине перед лицом всего мира дал Гётевой мысли бессмертие»¹⁴⁷.

Как и Метнер, Белый пытается придать своей работе фундаментальный, строго научный характер, вовлекая в систему своих умозрений широкий круг источников с неукоснительными библиографическими отсылками. Стремясь к тому, чтобы опровержение взглядов Метнера было неопровержимым и безупречно доказательным, он интерпретацию гётеанских трудов Штейнера дополняет анализом натурфилософского символизма Гёте, нашедшего свое яркое воплощение в «учении о цвете», дает сравнительный анализ построений Гёте и Ньютона, привлекает параллели из восточной мудрости («Бхагавадгита»), Дарвина, Геккеля и т. д. Все эти построения, воздвигаемые Белым с неизменно присущим ему размахом и щедростью образной мысли, имеют самостоятельную ценность (высказано мнение о том, что Белый в своей книге постиг «физику» Гёте гораздо глубже, чем Штейнер и Метнер соответственно в своих работах¹⁴⁸) и уводят в сторону от метнеровских «Размышлений о Гёте», которые в этом отношении играют роль лишь побудительного импульса. Собственно же книгу Метнера Белый подвергает кропотливому, детальному разбору, используя на новый лад даже статистическую методику, апробированную им в стиховедческих трудах: составляет постраничный регистр выдвинутых

¹⁴² РГБ. Ф. 167. Карт. 13. Ед. хр. 13.

¹⁴³ ЛН. Т. 105. С. 206.

¹⁴⁴ НВ. С. 101.

¹⁴⁵ Андрей Белый. Рудольф Штейнер и Гёте в мировоззрении современности. Ответ Эмилию Метнеру на его первый том «Размышлений о Гёте». М.: Духовное Знание, 1917. С. V.

¹⁴⁶ Андрей Белый. Рудольф Штейнер и Гёте... С. VI.

¹⁴⁷ Там же. С. 41.

¹⁴⁸ См.: Лагутина И. Н. В поисках утраченной истины // Андрей Белый. Собр. соч.: Рудольф Штейнер и Гёте в мировоззрении современности; Воспоминания о Штейнере. М., 2000. С. 694.

Метнером обвинений (Штейнер «не понимает» – 40 раз, «предвзято-тенденциозен» – 41 раз, «уничтожает себя» – 30 раз, «искажает и путает» – 30 раз и т. д.; в итоге – 530 обвинений¹⁴⁹).

Опровержение «Размышлений о Гёте» Белый выстраивает по трем основным тематико-смысловым линиям, которые сводимы к одной краткой фразе: Метнер Штейнера не знает, не понимает и заведомо извращенно трактует. Главный козырь Белого-полемиста – сосредоточенность Метнера лишь на двух «гётеанских» работах Штейнера («громовое взывание») и не востребованность остальных его трудов на ту же тему («гробовое молчание»), освоение которых не позволило бы критику делать свои скороспелые и неосновательные выводы: «Гробовое молчание и громовое взывание здесь встречаются в одном существенном пункте: в несправедливой предвзятости»; «Ответ на вопрос, поставленный Эмилием Метнером, у д-ра Штейнера четок; но Эмилий Метнер ответа на свой вопрос – не читал» (подразумевается книга Штейнера «Очерк теории познания Гётевского мировоззрения»)¹⁵⁰. Убежденный в неоспоримости статистических данных, Белый утверждает, что в «Размышлениях о Гёте» разобрано 180 страниц текста Штейнера и оставлено без внимания 858 страниц, написанных им о философии и естественно-научных трудах Гёте; следует вывод: «Уважаемый автор подрывает себя: критика его – травля, травля, нужная для чего-то; травля, заранее предreshенная; взгляды д-ра Штейнера не интересуют его»¹⁵¹.

Непонимание Метнером положений Штейнера порождает, по мысли Белого, «голословицу» его критических пассажей («клубок голословия, посыпанный перцем острот и мукой отступлений»): «Не критик он, – отсекальщик смысла цитат; он по поводу каждой выпаливает колесо рассуждений об обезглавленных текстах; и – крыловидно порхает безглавица – в мозгу у читателя»¹⁵². Для демонстрации недобросовестности Метнера в интерпретации воззрений Штейнера Белый прибегает к монтажу цитат – приводит в изобилии фрагменты метнеровских обвинений и опровергает их фрагментами из текстов Штейнера. Убеждая читателя в том, что «Размышления о Гёте» содержат главным образом кривотолки, Белый разоблачает их автора, усиливая свою критику безудержным использованием сравнений и метафорических уподоблений, зачастую откровенно оскорбительного характера. Метнер предстает «разбойником, в косо заломленной шляпе, кидается на противника, и теперь уже грубою дубиною смеха ударяет не в грудь (защищенную философски), а – в спину: в тыл взглядов <...>»; он же давит «носорожьей броней будто бы логических доказательств; <...> тут бьет севрский фарфор толстокожей стопой носорога; над гранитной стеной перелетает там фертиком»; «Можно, конечно, вандалом ворваться в мирозерцанье любого мыслителя и сокрушать тонкие арабески системы, как хрупкий музейный фарфор; виноват не фарфор; виноват ворвавшийся вандал; <...> бить топором по фарфору – не значит быть критиком»; «Вот что делает спорщик: изломавши случайно прочитанный текст в произволах капризной фантазии, составляет он лживую пародию мысли; и увидевши книгу, – бросается ее растерзать: поступает, как... бык <...> чтоб... поднять на рога»¹⁵³. От быка – один шаг в сферу греческой мифологии, и Метнер воплощается в чудовищного Минотавра: «Раздражение – Минотавр – бьет своим рогом; и – рог отлетает <...> мы видим: гранитную стену; у стены – минотаврин обломанный рог; наконец – покрытого пеною Минотавра в облаке пота и с понуренной мордою скотнодворных животных из... парнокопытных и... жвачных»¹⁵⁴. Далее Метнер Минотавром проходит через всю книгу: «Минотавровы стоны»; «раздражение автора – не критика, а – глухо стонающий Минотавр, ища своей

¹⁴⁹ Андрей Белый. Рудольф Штейнер и Гёте... С. 266–269.

¹⁵⁰ Там же. С. 16, 276.

¹⁵¹ Там же. С. 138.

¹⁵² Там же. С. 81, 97.

¹⁵³ Андрей Белый. Рудольф Штейнер и Гёте... С. 17, 79, 169, 78.

¹⁵⁴ Там же. С. 70, 71.

жертвы»; «лезвие критической мысли не рассекает нам мрака; но из мрака доносится: глухое стенание... Минотавра»; «чревоугодие Минотавра продолжает требовать жертв» и т. д.¹⁵⁵

Книга «Рудольф Штейнер и Гёте...» не вызвала большого резонанса в печати¹⁵⁶, однако в сузившемся кругу приверженцев «Мусагета» породила волну протестов. Инициатором похода против Белого стал И. А. Ильин – философ и публицист, сблизившийся с братьями Метнерами в 1913 г. (с Эмилием Метнером его роднил общий интерес к психоанализу; он и его жена вошли в число наиболее желательных для учредителя «Мусагета» новых участников)¹⁵⁷. 6 февраля 1917 г. Ильин отправил Белому открытое письмо-инвективу: «С чувством острого стыда и тяжелого отвращения прочел я книгу, выпущенную вами против Эмилия Карловича Метнера. Я прочел ее всю, и, читая, чувствовал себя так, как если бы я, уже одним чтением, становился участником низкой выходки, направленной против благороднейшего из людей. Отсюда у меня непреодолимая нравственная потребность заявить открыто, что книга ваша есть явление постыдное и что все непристойное, напечатанное в ней, возвращается на голову того, кто ее писал. <...> А ваша книга есть именно памфлет, приближающийся к пасквилю. Она имеет не объективный, а вызывающе-личный характер; она все время силится скомпрометировать противника и не останавливается даже перед грубою бранью <...> она вся написана тоном вульгарной демагогии, – и потому она есть памфлет. <...> Вам угодно было обогатить русскую литературу пасквилем, – и мы примем его как зрелый итог вашей жизни. <...> Будьте уверены, что я не узнаю вас в лицо и не подам вам руки при встрече. Я не желаю знать вас до тех пор, пока не услышу от Эмилия Карловича, что вы покаянно испросили у него прощение»¹⁵⁸.

Высылая 10 февраля 1917 г. Метнеру копию этого письма, Ильин сообщил, что оно было обсуждено «в интимнейше-замкнутом кругу»¹⁵⁹ и что копии его рассылаются также ряду других лиц. Горячую поддержку Ильин нашел в лице Эллиса, отправившего письмо, адресованное всем сотрудникам «Мусагета» (7 апреля 1917 г.). «Не может быть никакого сомнения в том, – заявлял Эллис, – что неслыханное в летописях рус<ской> литературы, беспочвенное и возмутительно-клеветническое публичное <...> оскорбление Э. К. Метнера <...> есть его *ipso* оскорбление и „Мусагета“ самого, т. е. всех лиц, *идейно* соединенных между собой и с Э. К. Метнером во имя общей духовной работы <...> Все знающие лично Э. К. Метнера, особенно все работавшие годами вместе с ним, *все без исключения* знают, что в вопросе этической и идейной оценки Э. Метнера двух мнений быть не может, *что без моральной, исключительной высоты его* все культурное дело „Мусагета“ было бы невысказано». Эллис заканчивал свои обвинения «надеждой, что выражение дружного протеста откроет глаза самому г. Бугаеву на то, игрушкой каких темных и разрушительных сил, столь чуждых всей *прежней* идейной работе г. Белого, явился он в деле составления пасквиля, побудит его самого по соображениям не страха перед внешним чьим-либо давлением, а по глубоким мотивам раскаяния и сожаления *немедленно* изъять из продажи свой пасквиль и свои возражения против книги Э. Метнера выразить в иной, более пристойной и моральной форме, самым лучшим примером к^{ото}рой может служить

¹⁵⁵ Там же. С. 154, 198, 312, 316.

¹⁵⁶ Укажем лишь на рецензию Б. Шлецера, посчитавшего, что книга Метнера не имеет «того значения, которое придает ей Андрей Белый», и сделавшего любопытные наблюдения, касающиеся творческого метода исследования: «Страсть Андрея Белого к формулам, к схемам, к симметричным построениям, стремление его к мелочной точности, мне кажется, зависит именно от аморфности его мышления, от неумения его ограничить себя, от внутренней хаотичности <...> чем педантичнее автор в своих подразделениях и построениях, тем менее читатель склонен верить в его „научность“ и в строгость его логики» (Биржевые Ведомости. Утр. вып. 1917. № 16118, 24 февраля. С. 6).

¹⁵⁷ В письме к В. В. Пашуканису от 5 мая 1915 г. Метнер заявлял: «Яковенко, Степпун, Ильины являются в настоящее время *идейно* наиболее желательным элементом, т^{ак} к^{ак} они будут служить опорой для восстановления в сознании общества вечной и великой ценности философского идеализма» (РГБ. Ф. 167. Карт. 13. Ед. хр. 13). См.: Юнггрен Магнус. Иван Ильин пишет Николаю Метнеру // Николай Метнер: Вопросы биографии и творчества. С. 134–144.

¹⁵⁸ Ильин И. А. Собр. соч.: Дневник. Письма. Документы (1903–1938). М., 1999. С. 105–106.

¹⁵⁹ Ильин И. А. Собр. соч. С. 107.

иронически-уничтожающая своей корректностью книга Э. Метнера против Штейнера»¹⁶⁰. В письме к Ильину (17 апреля 1917 г.) Эллис предлагал распространять его обращение к «мусажетцам» «немедленно всюду»¹⁶¹.

Между тем сам виновник набравшего силу скандала какое-то время находился от него в стороне – в Петрограде; обвинительное письмо Ильина было отправлено по московскому адресу Белого. Метнер, ссылаясь на Морозову, сообщал Эллису (Женева, 4 (17) июля 1917 г.): «...к книге Белого все отнеслись отрицательно, но не серьезно, а как к выходке истеричного человека. Испугались за Белого, которого Ильин, пользуясь всеобщим вниманием и уважением, мог уничтожить своим метким прицелом»¹⁶². Испугались не напрасно: знавшим взрывчатого и экспансивного писателя было известно, что в прошлом у него было несколько – правда, не доведенных до сатисфакции – дуэльных инцидентов. В результате на защиту Белого встал кн. Е. Н. Трубецкой. Белый вспоминает: «...в мое отсутствие к матери забежал Гершензон и потребовал, чтобы я не распечатывал письма; вернувшись, я его вернул Ильину в нераспечатанном виде; текст письма был передан Трубецкому, который стал между нами невольным третейским судьей; Трубецкой объяснил получателям писем, что он, ознакомившись с текстом книги моей, не нашел в ней ничего предосудительного. Мне потом объясняли: Ильин вычитал в книге моей против Метнера гадкие инсинуации, де порочившие честь его друга; вернее, не вычитал, а вчитал в нее свою гадость <...>»¹⁶³. Ильин увещеваниями Трубецкого не удовлетворился: в ответ на его «открытое письмо» сочинил развернутое послание в защиту и с дополнительными обоснованиями своей позиции¹⁶⁴, а также составил досье, включающее собранные им среди знакомых Метнера и Белого семнадцать откликов на его обвинительное письмо¹⁶⁵. Впрочем, последующего развития этот инцидент не получил. Видимо, революционные события 1917 года не способствовали сосредоточению духовной энергии на конфликтах бесконечно малого, по сравнению с происходившим в обществе, значения.

В письме к Метнеру от 10 февраля 1917 г. Ильин сообщал: «Пасквиль Бугаева выслать Вам нельзя: объявлено о непуске книг через границу. Отвечать на него печатно – значит валяться в грязи. Вам надлежит совсем промолчать на него»¹⁶⁶. Когда Метнер с большим опозданием ознакомился с исследованием Белого, он не решился внять этому совету. В письме к Н. П. Киселеву (9 (22) октября 1917 г.) он отмечал «нравственную и умственную низкопробность книги Белого»: она «оказалась гораздо возмутительнее, чем то, как ее обрисовал в своем письме Ильин. <...> Что же касается Анд<рея> Белого, то это даже не человек, а просто чудо-

¹⁶⁰ РГБ. Ф. 167. Карт. 14. Ед. хр. 69. В сопроводительном письме к Пашуканису, датированном тем же днем, Эллис заявлял: «Я верю, что этот неумолимый протест – единственное спасение и выход и для самого А. Белого, загнивающего Штейнером. <...> Отказ Белого от пасквиля и изъятие его из книжного рынка создало бы для Белого возможность здраво, объективно взглянуть на книгу Э. Метнера и ее автора и раскаяться душевно в новом его пути падения. Только так возможно было бы для него освобождение от кошмара и бесовщины Дорнаха» (Там же. Ед. хр. 68).

¹⁶¹ Там же. Ед. хр. 67. Полностью это письмо Эллиса приведено в работе Н. К. Гаврюшина «В спорах об антропософии. Иван Ильин против Андрея Белого» (Вопросы философии. 1995. № 7. С. 100–101). См. также: Сапов В. В. История несостоявшейся дуэли // Вестник Российской академии наук. 1995. Т. 65. № 3. С. 254–265; Лагутина И. Н. Эмилий Метнер. «Размышления о Гёте». Текст, который становится авантеском // Гёте в русской культуре XX века. М., 2004. С. 357–358; Глуховская Е. А. Последний год «Мусажета»: Эллис между Эмилием Метнером и Андреем Белым // Арабески Андрея Белого: Жизненный путь. Духовные искания. Поэтика. Белград; М., 2017. С. 287–293.

¹⁶² РГБ. Ф. 167. Карт. 13. Ед. хр. 15. В указанной работе Н. К. Гаврюшина приведено письмо к Белому Г. А. Рачинского, С. Н. Булгакова, М. О. Гершензона и Л. И. Шестова, отправленное по ознакомлению с письмом Ильина, с просьбой «не реагировать на это письмо сгоряча не повидавшись и не обсудив его с друзьями» (С. 104).

¹⁶³ МДР. С. 280. В цитированном выше письме к Эллису Метнер сообщал со слов А. М. Метнер, что «Трубецкой встретился с Ильиным и рассказал ему, будто есть сознание вины за свою безобразную книгу».

¹⁶⁴ См.: Ильин И. А. Собр. соч.: Дневник. Письма. Документы (1903–1938). С. 107–111. См. также: Гаврюшин Н. К. В спорах об антропософии. Иван Ильин против Андрея Белого // Вопросы философии. 1995. № 7. С. 98–105.

¹⁶⁵ См.: Юнггерен М. Иван Ильин и Андрей Белый в 1917 г. // Книгоиздательство «Мусажет». История. Мифы. Результаты. С. 34–42.

¹⁶⁶ Ильин И. А. Собр. соч.: Дневник. Письма. Документы (1903–1938). С. 107.

вище, и притом извращенное»¹⁶⁷. Последовал развернутый ответ на «Ответ» Белого – текст на более чем 300 листах без заглавия, который отложился в архиве Метнера¹⁶⁸ (реальных перспектив опубликовать эту книгу, видимо, не открывалось: деятельность «Мусагета» в России прекратилась; в Цюрихе же под маркой «Мусагета» Метнеру удалось издать в 1929 г. под своей редакцией и с предисловием лишь русский перевод «Психологических типов» Юнга).

Все выдвинутые против него обвинения Метнер методично, по пунктам, опираясь на строгие логические доводы, отвергает и в свою очередь обвиняет Белого в несостоятельности аргументов («все там вывернуто наизнанку»), передержках, подтасовках, неточном воспроизведении чужого текста («А. Б. <...> цитирует почти всегда более чем неудачно, ибо не только не обращает никакого внимания на контекст, но и часто списывает неверно самый текст» – следуют многочисленные примеры некорректного цитирования)¹⁶⁹ и т. д. Основанный на «эквилибристике с цитатами» метод Белого-полемиста Метнер расценивает как заведомо несостоятельный, уводящий в сторону, пренебрегающий сутью затрагиваемых вопросов: «В своем памфлете А. Б. слишком часто похож на адвоката или прокурора, который, вместо юридического освещения данных предварительного следствия, начинает перед судом лекцию по энциклопедии или философии права, самые же данные либо оставляет вовсе без внимания, либо искажает их фактический и психологический состав, либо, наконец, отделяется от них более или менее грубой и остроумной шуточкой»; «Едва ли найдется в полемической литературе еще такой случай, когда кем-либо с такою смелостью утверждалось нечто, не только вопреки очевидности доказательств, но прямо вопреки наличности напечатанных и опубликованных документов»¹⁷⁰.

В своих контраргументах Метнер постоянно возвращается к тем базовым ценностям, служению которым был призван «Мусагет», и прежде всего к универсальному понятию культуры, которое, по его мысли, Белый не смог надлежащим образом освоить: «Издаваясь над тем, что я будто превращаю Гёте в культур-трэгера, А. Б. обнаруживает безнадежно-внешнее понимание культуры, понимание совершенно антигётевское. А. Б. называет меня вандалом. Вандалы были в свое время так же оболганы тогдашними романцами, как немцы – современными. Но если я в качестве германца вандал, который уничтожает продукты культурного разложения вроде антропософии, то А. Б. в качестве славянина скиф, который осужден на вечное томление по культуре, пока им не усвоена будет органически *идея* культуры (не ее схематическое понятие или описательная формула), пока он не поймет, что напичкивание себя знанием и тренирование себя в различных умениях (хотя бы то были оккультные медитации) не ведут еще, сами по себе, к культуре личности; культура таким путем дает лишь некоторый лоск коже, который постоянно опять утеривается; культура должна стать второй натурой, т. е. проникнуть в глубины бессознательного; но... как обстоит *тут* дело с А. Б – ым, об этом свидетельствует не только непонимание означенного места из письма Гёте Шарлотте фон Штейн <...>¹⁷¹, но и неожиданные, для меня совершенно невыносимые и, по-видимому, им самим неосознанные

¹⁶⁷ РГБ. Ф. 167. Карт. 13. Ед. хр. 10. Полный текст этого письма, а также аналогичного письма Метнера к А. С. Петровскому от 9 (22) апреля 1917 г. с оценкой «пасквиля» Белого см. в статье А. Л. Соболева «Андрей Белый и Н. П. Киселев» (Арабески Андрея Белого. С. 24–27).

¹⁶⁸ РГБ. Ф. 167. Карт. 12. Ед. хр. 4–6. Краткий обзор содержания «ответа» Метнера («Метнер contra Белый») дан в книге И. Н. Лагутиной «Россия и Германия на перекрестке культур» (С. 246–248).

¹⁶⁹ РГБ. Ф. 167. Карт. 12. Ед. хр. 4. Л. 19, 90.

¹⁷⁰ Там же. Л. 24, 34, 37.

¹⁷¹ Имеется в виду приведенная в «Размышлениях о Гёте» цитата из указанного письма Гёте по случаю окончания им работы над теорией цветов: «Я не раскаиваюсь в том, что пожертвовал этой работе столько времени. Ей я обязан тем, что достиг той *культуры*, которую мне едва ли удалось бы приобрести другим путем»; Метнер подкрепляет эту мысль словами: «...о своеобразной „физике“ Гёте можно сказать, что хотя учение о цветах и не является наукою культурного ряда, но оно – для культуры» (С. 127–128). Белый, приведя эти слова Метнера, называет их «очаровательным бормотанием краснеющей барышни» и добавляет: «Утверждение, подобное приведенному, есть откровенный „отказ от толкового объяснения“» (Андрей Белый. Рудольф Штейнер и Гёте в мировоззрении современности. С. 139–140).

срывы в его обоих романах»¹⁷². Метнер не оставил, по всей видимости, более или менее развернутых аналитических отзывов о подразумеваемых здесь «Серебряном голубе» и «Петербурге» (краткая характеристика этого романа – в письме к Белому от 12 (25) апреля 1914 г.), но ясно, что и его отношение к художественному творчеству Андрея Белого претерпело эволюцию в том же направлении, в каком переоценивалась личность Бориса Бугаева, что вершиной созданного писателем для него остались юношеские «симфонии»¹⁷³. Остается гадать относительно меры проницательности Метнера при уподоблении Белого «скифу» – плод это его собственных раздумий или намеков на изданные в 1917–1918 гг. сборники «Скифы» и одноименное объединение, под знаком которого автор «Петербурга» развивал полонившие его тогда идеи и настроения революционного максимализма, базированные на неизменной штейнерианской основе.

В «ответе» Белому Метнер по-прежнему усердно развенчивает Штейнера как создателя «плоской, путаной, пустой доктрины», «гетерономного начитанного дилетанта», в котором «как в писателе и мыслителе нет ни следа оригинальности; он весь – „составлен“»; уничтожающе и насмешливо характеризует его ревностных последователей («кучка интернациональных богоискателей», воздвигающая «благоговейно капище неведомому Богу в патологическом стиле»), которые «сложили с себя все человеческое, сдали свои души в дорнаховском гардеробе, получили взамен этого контрамарку, дающую право на такую-то долю соборной души»¹⁷⁴. Резкость и раздражение, с которыми Метнер изничтожает антропософов, понятны: он касался больной темы, ранившей его сознание и психику; продиктованы эти чувства переживанием утраченной дружбы, горестным осознанием того, что между ним и Белым пролегли непреступаемые идеологические барьеры, воздвигнутые антропософским учением, что в конечном счете именно оно стало живительной почвой для тех нападок и оскорблений, которыми перенасыщена книга «Рудольф Штейнер и Гёте...».

Неистовство этих нападок Метнер готов объяснять не только принципиальными идейными мотивами, но по преимуществу подспудными причинами: «Памфлет А. Б – го можно понять только как месть. Но она, на первый взгляд, несоразмерно велика по сравнению с поступком, ее вызвавшим. Правда, предмет моего нападения явился мейстер А. Б – го, Штейнер, а люди думают, что благороднее мстить за другого, за друга, за ближнего, нежели за себя. Но психологически это благородство крайне подозрительно. <...> Но ряд рассыпанных по книге намеков и кивков, хотя понятных лишь мне, самому А. Б – му и двум или трем лицам, показывают, что свою роль сыграло здесь по меньшей мере и еще одно обстоятельство: досада, что не удалось пристроить антропософию в *Musagete* и превратить наше издательство в штаб-квартиру штейнерианства. А. Б. привык смотреть на себя, как на лидера *Musageta*. Он, А.

¹⁷² РГБ. Ф. 167. Карт. 12. Ед. хр. 4. Л. 5.

¹⁷³ Негативная оценка начальных глав романа «Петербург», опубликованных в 1913 г. в 1-м сборнике «Сирин», содержится в дневниковом письме Метнера к М. С. Шагинян от 1–9 (14–22) ноября 1913 г.: «*Петербург* Белого разочаровал меня: гениальное размазывание дрянных психологических атомов; безотрадная опустошенность, сменяющаяся там и здесь замаскированной антропософической назидательностью: симфонизм сплошь нарочитый. Сам себя обкрадывает и повторяет. Безнадежно утеряна дорога к стилю, зато найдена и укреплена манера; окончательность, – конченность; – гладкая рутина, прерываемая подчеркивающими вывертами; тогда манера становится манерностью; высохший юмор; при чтении скучно, и тогда видишь, как механически местами писалась эта вещь; в общем – выпитость. О Господи! Неужели он, на кого я возлагал столько и столь особенных „моих“ надежд, „пал жертвою“... сначала водки и потом теософии?» (РГБ. Ф. 167. Карт. 25. Ед. хр. 27. Л. 20). Эти впечатления только усилились по ознакомлении с полным текстом романа, о чем свидетельствует письмо Метнера к Шагинян от 4–10 (17–23) апреля 1914 г.: «Читал или, вернее, страдал над *Петербургом* Белого! Кошмарность этого подозрительно-автобиографичного (по психологии) романа превосходит не только все существующее в русской литературе, но и всякие вероятия. – *Так нельзя!* Это не искусство, а неприличное растление своей гениальности ради банного очищения своих душевных нечистот. – Здесь пахнет парильней и веником и еще разною гадостью. Полное отсутствие *Vornehmheit* <благородства – нем.>; такое внутреннее варварское плебейство, варварски (китайски?) утонченное саморазглядывание, самораздевание, самообнажение, самооплевание (толчок к кот<орым> дан несомненно Достоевским). – К черту все это! К тому же теперь еще присоединилась теософическая бурда» (Там же. Ед. хр. 28. Л. 38–39).

¹⁷⁴ РГБ. Ф. 167. Карт. 12. Ед. хр. 5. Л. 186, 211, 218, 220.

Б., стал антропософом, следовательно и *Musaget* должен был стать штейнерианским издательством. Этот ход мыслей крепко засел в голове некоторых сотрудников, покинувших *Musaget* после того как они стали антропософами. Только принимая во внимание все мотивы мести, можно объяснить себе чрезмерность ее проявлений. В самом деле. Я позволил себе несколько подорвать лишь *умственно* авторитет Штейнера, я позволил себе высмеять некоторые стороны „быта“ (как выражается А. Б.) тайной „духовной“ науки и ее приверженцев. А. Б. не оставил на *всем* моем существе ни одного живого места и довел свою ругательную молотьбу до того, что даже похвальные по моему адресу эпитеты зазвучали под его пером нестерпимою насмешкою»¹⁷⁵.

В эмоциональной тональности, господствующей в «Рудольфе Штейнер и Гёте...», Метнер готов видеть отражение также одного, хотя весьма значительного, эпизода, относящегося ко дню его последней встречи с Белым, – заявленного им решительного отказа публиковать эту, тогда еще только начатую, книгу в «Мусагете». «...Никакая дружба не может, – писал в оправдание своего решения Метнер, – идти так далеко, чтобы во имя ложно понятой справедливости, во имя того, что друг твой считает истиной, ты же – заблуждением, позволил бы своему другу издеваться в такой мере, как делает это А. Б. в своем памфлете, над тобой при открытых дверях и окнах во всеуслышание. Горьчайшую правду свою А. Б. думал провести в *Musagete* и притом тогда, когда последний, которого я никогда не считал своим собственным, но „нашим“ домом, по уходе А. Б. – го и большинства „наших“ стал тем самым более „моим“ <...> само по себе это новое произведение его являет собою почти сплошь столь низкопробный продукт, что, за исключением немногих менее неясных и более дельных параграфов, она не заслуживала бы ни в коем случае быть напечатанной в *Musagete*. Дружба дружбой, а служба службой. Этого А. Б. никогда не понимал. Обратно, он полагал вероятно, что во имя прошлой „многолетней дружбы“ я обязан разрешить ему во всеуслышание глумиться надо мною и притом не только над моими мыслями и над моим мышлением, но и над моим существом и притом непременно с кафедры *Musageta*, который он покинул, отрясая прах от ног своих»¹⁷⁶.

Впечатления от книги «Рудольф Штейнер и Гёте...» заслонили у Метнера все прежние представления о личности Белого на долгие годы, которые протекали вдали от бывшего друга-врага и были окрашены новыми встречами, переживаниями и интересами (среди последних особенно знаменательно горячее сочувствие национал-социализму – впрочем, закономерным образом обусловленное как догматическим германофильством, так и близкими ему расовыми теориями; подобно своему кумиру Чемберлену, Метнер готов был воспевать осанну Гитлеру)¹⁷⁷. В душевном мире руководителя «Мусагета» Белый так и остался незаживающей раной. О встрече с Метнером в Швейцарии в 1930 г. вспоминает актриса московского Камерного театра и антропософка Г. С. Киреевская: «Узнав, что я с ним <Белым. – *Ред.*> знакома, Метнер пришел ко мне в гостиницу и буквально часа два метался по номеру, жалуясь, плача, чем-то восхищаясь, на что-то обижаясь на Бориса Николаевича»¹⁷⁸. О встрече с Киреевской вспомнил и Метнер в письме к Вяч. Иванову (апрель 1934 г.), включавшем отклик на смерть Белого: «О кончине Андрея Белого ничего не могу сказать, т<ак> к<ак> он кончился для меня в 1916 г. Единственное, что меня потрясло, это – известие, будто он за несколько часов до смерти просил прочесть ему стихотворение, по содержанию кот<орого> (как мне его передавали) я не мог не вспомнить тех, что он посвятил мне (это „закатные“ и о „старинном друге“). – Потрясло это меня не эстетически-сентиментально, а как предсмертный упрек, что я не *простил* его; года два или три тому назад <...> одна актриса, Киреевская, по поручению Бориса

¹⁷⁵ РГБ. Ф. 167. Карт. 12. Ед. хр. 5. Л. 256–257.

¹⁷⁶ Там же. Л. 258, 260.

¹⁷⁷ См. главу «Кульг Гитлера» в книге Магнуса Юнгтрена «Русский Мефистофель» (С. 181–191).

¹⁷⁸ *Наседкина Елена, Спивак Моника*. «Примирение состоялось?»: О том, как Андрей Белый «ждал», но «не просил» прощения Эмилия Метнера // Russian Literature. 2015. LXXVII–IV. С. 533.

Н<иколаевич>а, говорила со мною о нем и о нашей ссоре; сказала, что Б<орис> Н<иколаевич> *ждет* (но не просит, т<ак> к<ак> не считает себя виновным) моего прощения; ей не удалось уговорить меня; я поручил ей передать ему сердечный привет, но не прощение»¹⁷⁹. Самое значимое в этом описании – указание, что Киреевская виделась с Метнером «по поручению» Белого, стремившегося хотя бы к заочному восстановлению доброжелательных отношений. О реакции Белого на рассказ о встрече с Метнером пишет Киреевская: «...несмотря на всю корявость моей передачи, он услышал что-то, я увидела слезы на его глазах, и он сказал, я не помню какими словами, но смысл был, что „примирение состоялось“»¹⁸⁰.

Это «примирение», однако, воплотилось только как факт сознания Белого. Метнер, утверждавший при его жизни в письме к Вяч. Иванову (8 июля 1929 г.): «Андрей Белый сам уничтожил свою дружбу со мной», – не изменил своей позиции и после его кончины; незадолго до собственной смерти, высылая Иванову свою немецкоязычную статью о Юнге, в которой попутно была вкратце охарактеризована полемическая книга Белого, он замечал (9 марта 1936 г.): «Думаю, что Вы сочтете меня злопамятным, т<ак> к<ак> я-де не простил А. Белому и после его смерти. <...> Впрочем, да: ему я до сих пор не могу простить ни его штейнерианства, ни его глубоко- и хитро-фальшивой памфлетной критики моей книги...»¹⁸¹

Что касается Белого, то в его отношении к Метнеру, определившемся после разрыва личных контактов, возобладала та установка, которую сформулировал Дэвид Копперфилд, мысленно обращаясь к Стирфорту после его гибели: «...вы могли мне не говорить: „Вспоминайте только самое хорошее, что есть во мне“. Так я поступал всегда» (гл. LVI)¹⁸². Впервые Белый набросал мемуарный портрет Метнера в «Воспоминаниях о Блоке» (1922); тень позднейших конфликтов не ложится на этот образ, целиком навеянный атмосферой «эпохи зорь», исполненной мистических надежд и теургических дерзаний: «...конкретнее всех повлиял на меня Э. К. Метнер»; «...помню Метнера 1902 года: изящный, блестящий, весь искристый, вспыхивающий тончайшими характеристиками, напоминал альбатроса он, заширявшего в небе мысли над бурей музыкального моря»; «...он с огромной любовью принялся за гармонизацию мира сознания – при помощи: музыки, философии и культуры»¹⁸³. В той же тональности, но гораздо подробнее, с воссозданием многих эпизодов общения обрисован Метнер в «берлинской редакции» мемуаров «Начало века»; о разрыве взаимоотношений там говорится намеком, упоминание – только попутное упоминание! – двух книг о Гёте и Штейнере подается в метафорической, иносказательной оболочке: «Рок встал через 13 лишь лет <...> восторжествовали коварные *Нибелунги*»¹⁸⁴. Значимость творческой личности Метнера Белый видит прежде всего в тех, заложенных в ней, потенциях к построению собственной философии культуры, которые позволяют прочерчивать параллели с Освальдом Шпенглером и его «Закатом Европы», ставшим в начале 1920-х гг. откровением в мировой культурологической мысли: Метнер «Гёте, Бетховена, Канта, меня, нас – сплетает утонченными аналогиями в стиле Шпенглера: за восемнадцать лет до появления книги его»¹⁸⁵.

¹⁷⁹ Шишкин Андрей. Эмилий Метнер и Вяч. Иванов о смерти Андрея Белого (материалы из Римского архива Вяч. Иванова) // Смерть Андрея Белого (1880–1934): Документы, некрологи, письма, дневники, посвящения, портреты / Сост. Моника Спивак, Елена Наседкина. М., 2013. С. 717.

¹⁸⁰ Наседкина Елена, Спивак Моника. «Примирение состоялось?» С. 534.

¹⁸¹ Шишкин Андрей. Эмилий Метнер и Вяч. Иванов о смерти Андрея Белого. С. 719–720.

¹⁸² Диккенс Чарльз. Собр. соч.: В 30 т. М., 1959. Т. 16. С. 415.

¹⁸³ О Блоке. С. 313, 316. Позднее, переосмысляя (в дневниковой записи от 27 июня 1930 г.) роль в своей жизненной судьбе семейства Соловьевых и Метнера, Белый признавал: «Насколько мне был ближе в теме, в темпе Метнер!» (ЛН. Т. 105).

¹⁸⁴ Андрей Белый. Начало века. Берлинская редакция. С. 419. Подробнее о трактовках Белым образа Метнера «после разлуки» см. в указанной выше статье Е. Наседкиной и М. Спивак «„Примирение состоялось?“» (С. 533–557).

¹⁸⁵ НВ. С. 97. В рассказе Э. А. Макаева (в записи Е. А. Тахо-Годи) о первой встрече с Белым в 1930 г. приводится любопытный в этом отношении факт: в ответ на сообщение Макаева о чтении им «Заката Европы» Белый говорит: «А вы знаете, что у нас в России тоже был наш Шпенглер. Это Эмилий Карлович Метнер. Вы читали его книги?» (Николай Метнер: Вопросы

Стихотворный цикл «Старинный друг» Белый перерабатывал неоднократно – и подготавливая в 1914 г., после ухода из «Мусагета», «Собрание стихотворений» для издательства «Сирин», и при формировании берлинского издания стихотворений (1923), и в 1931 г., создав радикально измененную редакцию текста для книги «Зовы времен». Во всех случаях общий смысл и образная структура произведения принципиально не изменялись (правка была преимущественно стилистической, направленной к устранению следов юношеской неумелой версификации), а привнесенные новые акценты, отсутствовавшие в первопечатной редакции, служили декларации непреходящей ценности идеалов, сближавших автора с его «старинным другом»:

Сними со стен рог выдолбленный, турий
С пурпуровым вином: на древнем склепе
Старинные, старинные лазури
Ликут сном былых великолепий.

Мы – прежние. Мы, вот, на прежнем пире...
По-прежнему: нам небо в души днеет;
По-прежнему: овеивает миром,
И – бледно, бледно, бледно бирюзеет.

Восстанем в жизнь: отныне милость мира,
Простертая, – раскидывает шири¹⁸⁶.

В позднейшей мемуарной книге «Начало века» (1933) Белый главу о Метнере завершает сухой констатацией факта прекращения «прекрасной дружбы» и фразой: «Метнер стал – „враг“»¹⁸⁷. В первоначальном варианте текста, однако, эта фраза заканчивалась не точкой, а точкой с запятой; далее следовало рассуждение, основанное на образах из приведенного выше стихотворного фрагмента: «„рог“, в котором старинный мой друг подавал вино жизни, стал *рогом* от рока; иные из наших „друзей“ гнусно вырыли пропасть из мороков лживых; сквозь все поднимаю я рог, рог с вином, поднесенным мне некогда: пью за старинного друга!»¹⁸⁸. Это однозначно сформулированное приглашение к примирению (хотя бы и с беспочвенным обвинением в адрес мифических «друзей», якобы разжигавших конфликт) Белый ввести в окончательный текст книги не решился: в конечном счете возобладали, видимо, те же соображения и эмоции, которые и для Метнера оставались неизбывными даже после смерти его «старинного друга».

А. В. Лавров

биографии и творчества. С. 224).

¹⁸⁶ СП – 2. С. 406.

¹⁸⁷ НВ. С. 101.

¹⁸⁸ Там же. С. 587.

Археографическая справка

Переписка Андрея Белого и Э. К. Метнера публикуется впервые в полном объеме известных нам текстов по автографам или копиям с автографов (часть писем Метнера), хранящимся в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки (Москва) в фондах Андрея Белого (ф. 25) и Э. К. Метнера (ф. 167). Отдельные письма отложились в фонде Н. П. Киселева (ф. 128) и в фонде Андрея Белого в ГЛМ. Архивные шифры указываются в примечаниях к каждому письму, там же сообщаются библиографические сведения о ранее осуществленных публикациях данного письма или фрагментов из него. При этом не учитываются цитаты из публикуемых писем, более или менее пространные, приводимые в ранее изданных статьях и монографиях.

Письма публикуются в соответствии с современными орфографическими и пунктуационными нормами, но с сохранением отдельных специфических индивидуальных особенностей, наличествующих в автографах (в том числе искаженные написание имен собственных и названий). Описки и иные внешние погрешности текста исправляются без оговорок; синтаксические и прочие несогласованности исправляются без оговорок в тех случаях, когда правильное написание может быть восстановлено однозначно.

Тексты телеграмм не включаются в основной корпус переписки, но приводятся в комментариях.

Условные сокращения

Белый – Блок – Андрей Белый и Александр Блок. Переписка 1903–1919 / Публикация, предисловия и комментарии А. В. Лаврова. М.: Прогресс-Плеяда, 2001.

Белый – Петровский – Андрей Белый – Алексей Петровский. Переписка 1902–1903 / Вступительная статья, составление, комментарии и подготовка текста Джона Малмстада. М.: Новое литературное обозрение, 2007.

Блок – Блок А. А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. М.: Наука, 1997 – (издание продолжается).

«Ваш рыцарь» – «Ваш рыцарь»: Андрей Белый. Письма к М. К. Морозовой. 1901–1928 / Предисловие, публикация и примечания А. В. Лаврова и Джона Малмстада. М.: Прогресс-Плеяда, 2006.

ЛН. Т. 92. Кн. 3 – Блок в неизданной переписке и дневниках современников (1898–1921) / Вступительная статья Н. В. Котрелева и З. Г. Минц. Публикация Н. В. Котрелева и Р. Д. Тименчика // Литературное наследство. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 3. М.: Наука, 1982. С. 153–539.

ЛН. Т. 105 – Литературное наследство. Т. 105. Автобиографические своды: Материал к биографии. Ракурс к дневнику. Регистрационные записи. Дневники 1930-х годов / Составители А. В. Лавров и Дж. Малмстад. Научный редактор М. Л. Спивак. Отв. ред. А. Ю. Галушкин, О. А. Коростелев. М.: Наука, 2016.

МДР – Андрей Белый. Между двух революций / Подготовка текста и комментарии А. В. Лаврова. М.: Художественная литература, 1990 (Серия литературных мемуаров).

Метнер – Метнер Н. К. Письма / Составление и редакция З. А. Апетян. М.: Советский композитор, 1973.

НВ – Андрей Белый. Начало века / Подготовка текста и комментарии А. В. Лаврова. М.: Художественная литература, 1990 (Серия литературных мемуаров).

Нищие – Нищие Фридрих. Сочинения: В двух томах / Составление, редакция, вступительная статья и примечания К. А. Свасьяна. Т. 1–2. М.: Мысль, 1990.

О Блоке – Андрей Белый. О Блоке: Воспоминания. Статьи. Дневники. Речи / Вступительная статья, составление, подготовка текста и комментарии А. В. Лаврова. М.: Автограф, 1997.

Письма к матери – «Люблю Тебя нежно...» Письма Андрея Белого к матери. 1899–1922 / Составление, предисловие, вступительная статья, подготовка текста и комментарии С. Д. Воронина. М.: Река Времени, 2013.

Симфонии – Андрей Белый. Собрание сочинений: Симфонии / Составление, подготовка текста, послесловие и комментарии А. В. Лаврова. М.: Дмитрий Сечин, 2014.

Соловьев – Соловьев Владимир. Стихотворения и шуточные пьесы / Вступительная статья, составление и примечания З. Г. Минц. Л.: Советский писатель, 1974 («Библиотека поэта». Большая серия).

СП – 1, 2 – Андрей Белый. Стихотворения и поэмы. Т. 1–2 / Вступительные статьи, составление, подготовка текста и примечания А. В. Лаврова и Джона Малмстада. СПб.; М.: Академический Проект – Прогресс-Плеяда, 2006.

ГЛМ – Отдел рукописей Государственного литературного музея (Москва).

ГЦММК – Отдел рукописей Государственного центрального музея музыкальной культуры (Москва).

ИРЛИ – Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург).

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства (Москва).

РГБ – Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва).

РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург).

ЦГИАМ – Центральный государственный исторический архив г. Москвы.

1902

1. Метнер – Белому

1 августа 1902 г. Немчиновка

Немчиновка 1 августа 1902 г.

Дорогой Борис Николаевич!

Если я начну свою беседу с Вами с погоды, то это, надеюсь, не будет банальностью: лета в 1902 г. не было, так же, как в 1901 г. не было весны. Обыкновенно я и поправляюсь и много читаю: на этот раз вследствие непрерывных дождей я вынужден был сидеть не в лесу, а в комнатах, где вследствие домашней суеты и детского крика¹⁸⁹ я проскучал без дела в течение трех месяцев, успев прочесть только летопись Серафимо-Дивеевского Монастыря¹⁹⁰, два тома исследования Мережковского¹⁹¹ и... перечитать Андрея Белого¹⁹². – Адвокатуру я решительно покинул еще весной¹⁹³ и совершенно неожиданно приглашен Н. А. Зверевым в качестве Нижегородского цензора нести государственную службу¹⁹⁴. Пока я прикомандирован на правах цензора к Московскому Цензурному комитету, а в первых числах октября мне предстоит на два года расстаться с Москвой и переселиться в резиденцию царя босяков Максима Горького¹⁹⁵.

Знакомство с Вами, состоявшееся, к сожалению, накануне моего временного, а теперь и постоянного удаления из Москвы, я считаю необходимым закрепить и потому прошу Вас известить меня о Вашем возвращении из деревни; надеюсь, что нам удастся не раз встретиться,

---

¹⁸⁹ Видимо, подразумевается новорожденный Андрей Сабуров (1902–1959), племянник Метнера (сын его сестры Софьи Карловны и Александра Александровича Сабурова). Подробную справку о его последующей биографии см. в комментариях Т. Н. Резвых к публикации «„Долго, долго мог бы я беседовать с Вами...“ Дурылин, Метнеры и Васильев: годы разговора» (Книгоиздательство «Мусагет»: История. Мифы. Результаты. Исследования и материалы / Сост. Анна Резниченко. М., 2014. С. 251–252).

¹⁹⁰ Имеется в виду издание: Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря Нижегородской губ. Ардатовского уезда с жизнеописанием основателей ее: преподобного Серафима и схимонахини Александры, урожд. А. С. Мельгуновой / Сост. архимандрит Серафим (Чичагов). М., 1896. Ср. дневниковую запись Метнера от 8 февраля 1903 г.: «Летом 1902 года в Немчиновке читал обширную летопись Серафимо-Дивеевского монастыря. Старец Серафим понравился мне значительно больше с самого начала, нежели Амвросий» (РГБ. Ф. 167. Карт. 23. Ед. хр. 9. Л. 76 об. Упоминается Амвросий Оптинский (в миру Александр Михайлович Гренков; 1812–1891), иеросхимонах, старец, духовный писатель).

¹⁹¹ Исследование Д. С. Мережковского «Л. Толстой и Достоевский. Жизнь, творчество и религия» в отдельном издании (Т. 1–2. СПб., 1901–1902).

¹⁹² Подразумевается книга, которой Андрей Белый дебютировал в литературе, – вышедшая в свет в апреле 1902 г. «Симфония (2-я, драматическая)» (<М.>: Скорпион, <1902>).

¹⁹³ Адвокатуру Метнер занимался после окончания в 1899 г. юридического факультета Московского университета.

¹⁹⁴ Профессор Московского университета юрист Николай Андреевич Зверев (1850–1917) был в 1902–1904 гг. начальником главного управления по делам печати. Ср. сообщение в письме Метнера к А. С. Петровскому от 1 августа 1902 г.: «Назначен я в Нижний Новгород отдельным (т. е. единственным) цензором, так что мне придется возиться с газетами и водиться с Горькими, Дорошевичами etc. – Пока я прикомандирован со вчерашнего дня к Московскому Цензурному Комитету на правах цензора, вследствие чего и буду довольно сильно занят эти два месяца» (РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 6). Эту должность Метнер получил по рекомендации Ф. А. Духовецкого, который, однако, писал ему 4 августа 1902 г.: «Я сделал громадную ошибку, указав Звереву на Вас как на цензора. Вы – по призванию сначала музыкант, а потом – журналист <...>. Цензорство Вам скоро надоеет до тошноты <...>» (РГБ. Ф. 167. Карт. 14. Ед. хр. 8).

¹⁹⁵ Уроженец Нижнего Новгорода, М. Горький постоянно проживал там с января 1898 г. до января 1904 г.

может быть еще в Немчиновке. Брат мой¹⁹⁶ понемногу оправляется от той болезни, которая помешала ему весною познакомиться Вас со своим искусством, так что недурно будет нарушать нашу беседу музыкальными антрактами. Итак, я жду от Вас известий. С Алексеем Сергеевичем мы обменялись письмами¹⁹⁷. Я адресовал ему письмо в Правление, где служит его отец¹⁹⁸; он ответил мне, не обозначив своего места жительства. Повздорили с ним из-за слащавых старушек и юродства¹⁹⁹. Он мне сообщил, что *кто-то* родился в Польше 29 апреля 1901 года. Но я полагаю, что кто-то должен быть или русским или немцем причем очень смешанного происхождения²⁰⁰: в крови должно быть и германское и славянское и кельтическое (это, впрочем, наименее важно) и финское и семитическое. Если кто-то будет русским, то он должен будет родиться близ Финляндии в Петербурге, где эта комбинация кровей возможна; если же немцем, то где-нибудь вблизи Венгрии, где родился Никиш и Лист²⁰¹. От польского же пустцвета ждать нечего. Кельтическое менее важно, так как оно наименее серьезный элемент; для некоторого плутовства, фокусничества оно, пожалуй, в микроскопической дозе и может войти; нечто сар-пеладановское²⁰² в этом «Кто-то», пожалуй, даже и не помешало бы. Я разболелся об этом потому, что вспомнил Вашего «Кто-то» на севере Франции. – Надеюсь, что Вы пережили период форсированной ненависти (или любви) к отделившемуся продукту своей мысли, и взираете теперь на симфонию спокойными глазами. Конечно, эта форма не имеет будущности, но важно, что литература начинает сознательно учить ее²⁰³ у музыки и подражает ей, тогда как раньше было обратное отношение: вспомните т<ак> н<азываемые> симфонические поэмы

¹⁹⁶ Н. К. Метнер.

¹⁹⁷ В письме от 10 июля 1902 г. Метнер извещал Петровского о своей предстоящей работе цензором в Нижнем Новгороде (РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 6). Петровский отвечал в недатированном письме: «Кроме того, что я сам лишаюсь Вас, мне очень жаль, что Вам не удастся хорошенько познакомиться с Бугаевым, которого, кроме Вас, мало кто мог бы вполне оценить. Ведь он не чета Балтрушайтисам и пр. Если Б<угаев> не сторит преждевременно, чего, мне кажется, нельзя ждать, то из него несомненно готовится такая умственная сила (и не только умственная!), равную которой я затрудняюсь подобрать; куда Вл. Соловьев, м<ожет> б<ыть> больше Ницше, притом же у него плюс истинной веры. Зная его 3 года и притом очень близко, и то подчас изумляешься невероятному запасу всяческой силы, именно „силы“, т. е. неопределившейся в деятельности. Я не преувеличиваю» (РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 24).

¹⁹⁸ Журналист, историк, публицист Сергей Александрович Петровский (1846–1917) был членом администрации Московского вагоно-строительного завода, а также чиновником особых поручений при Министерстве народного просвещения (см. статью о нем Людвиг А. Новикова: Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 4. М., 1999. С. 591).

¹⁹⁹ В письме к Петровскому от 10 июля Метнер делился впечатлениями от чтения «Летописи Серафимо-Дивеевского монастыря»: «„Летопись“ читаю понемногу; насколько личность Серафима прямо пленяет меня, настолько же отталкивает слащавость старушек. Но что произвело на меня возмутительное впечатление, это юродство Пелагеи Серебренниковой; я Вам сразу сказал, что ее портрет мне не по сердцу; чтение только подтвердило это; особенно не вмещает мой разум ее слова о своих детях: „дал-то Господь их дал, да вот прошу, чтобы взял“. То обстоятельство, что ее просьба была исполнена, самое уважение к ней, к Пелагее, Серафима нисколько не примиряют меня; исполнение просьбы может быть истолковано различно, а Серафим – был святой человек и мог ошибиться. Знаете, что: мне скорее понятно, что Мережковский называет Ницше – святым, равным величайшим подвижникам и мученикам, нежели, что Христа (хотя бы так, так ли?) ради юродивая, выпрашивающая смерти своим детям, могла удостоиться почитания со стороны такого великого мужа, каким был Серафим. Я этого никогда не пойму, хотя и желал бы понять!..» В ответном недатированном письме Петровский возражал: «Ваши слова о „слащавости старушек“ звучат нехорошо; осуждением, к тому же нетерпимым и немного свысока. А за что их осуждать? Перенесите их отношения выше, в Евангелие. Вы встретите там жен-мироносиц, Марию Магдалину и других. Их отношени<я> ко Христу (если всмотритесь) вполне аналогичны. <...> Ваши слова о „Серафимовых сиротах“ отозвались у меня в душе болезненно оскорблением их, и я был бы рад, если бы Вы сами увидели, насколько ложны Ваши „бессознательные впечатления“ и пр., и сами почувствовали, что оскорбили их, и даже не впервые, своим отношением. Относительно блаженной Пел<агеи> Ив<ановны> Вы тоже не правы. Чтобы ее понять, надо „единение любви“ (да и для монахинь Серафима тоже), т. е. надо быть членом той же церкви. А без „единения любви“ к пониманию чего-либо тут не подступишься». О насельнице Дивеевской обители блаженной Пелагее Ивановне см.: Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря / Сост. архимандрит Серафим (Чичагов). Нижний Новгород, 2004. С. 544–557, 641–665.

²⁰⁰ Кто-то должен ~ происхождения (*подчеркнуто Белым*).

²⁰¹ Артур Никиш родился в Лебеньи-Сент-Миклоше, Ференц Лист – в деревне Доборьян, комитат Шопрон.

²⁰² Французский писатель-символист и художественный критик Жозефен Пеладан (Péladan; наст. имя Жозеф Эме Пеладан; 1859–1918) называл себя «сар» (т. е. духовный вождь); проповедовал католицизм и оккультизм, в 1888 г. возродил общество розенкрейцеров («Орден Розы и Католического креста»).

²⁰³ Конечно ~ учить ее (*подчеркнуто Белым*).

да и вообще программную музыку, не имеющую будущности, несмотря на гигантские усилия Листа. В симфонии есть места, музыкальные не в смысле формы, а по существу: это какое-то непосредственное прикосновение (вневременное и внепространственное) к *Ansich'y*²⁰⁴, доступное только музыке... Раньше, до развития и распространения бетховенской и послебетховенской музыки, такое прикосновение было достигаемо в искусстве слова лишь величайшими гениями вроде Гёте; теперь, благодаря музыкальной атмосфере, это прикосновение замечается чаще и притом у талантов такого размера, как, напр<имер>, Фет... Что же касается «симфонии», как симфонии, то тут я могу только указать Вам на недостаточное контрастирование частей между собой²⁰⁵. Нормальный ход таков: от сложного смешанного и разнообразного первой части композиция впадает сначала в один, потом в другой из противоположных элементов (чаще сначала в *andante* или *adagio*, а потом уже в *scherzo*), и наконец в последней четвертой части приходит к решительному выводу. У [Вас же], кроме недостаточного контраста, – некоторая перестановка частей: вторую хочется сделать первой, а первую (*andante* – музыкальная скука) второй. Третья – на лоне природы *scherzo*, четвертая великолепно напоминает то же вечно милое и грустно задумчивой первой (у [Вас] второй) и новое собрание умственного цветника и, несмотря на его немощь, приходит к выводу, что еще не все потеряно... еще много святых радостей осталось для людей...²⁰⁶ Это очень очень хорошо; прекрасно, искренно, глубоко, сильно и нежно в одно время... Мне бы хотелось, чтобы Вы, если Вам это не очень неприятно, обратили мое внимание на те места вещи, которые Вы считаете *сами* недостаточно ясными, за которые Вы боитесь. Меня лично смущает пурпуровое таинство, певец лжи, прозябающий в темнице, Антихрист и Разящий на стр. 157–158; мститель на стр. 195...²⁰⁷ До свиданья! Пишите, если вздумаете.

Э. Метнер.

Брестской жел. дор. полустанок Немчиновка, Э. К. Метнеру.

РГБ. Ф. 167. Карт. 4. Ед. хр. 1.

2. Белый – Метнеру

7 августа 1902 г. Серебряный Колодезь

Серебряный Колодезь 7-го августа 1902 года.

²⁰⁴ Философский термин Канта: *Ding an sich* (нем.) – вещь в себе.

²⁰⁵ Подразумеваются четыре части, на которые разделен текст «Симфонии (2-й, драматической)».

²⁰⁶ Цитируется заключительный фрагмент части четвертой «Симфонии (2-й, драматической)»: Без слов передавали друг другу, что еще не все потеряно, что еще много святых радостей осталось для людей...» (*Симфонии*. С. 145).

²⁰⁷ Подразумеваются фрагменты из «Симфонии (2-й, драматической)»: «Пурпурный свет – ветхозаветный и священный, а красный – символ мученичества. <...> Пурпурный цвет нуменален, а красный феноменален» (часть четвертая); «Тут был и певец лжи, прозябающий в темнице <...>» (часть третья; речь идет об Оскаре Уайльде, авторе эстетического диалога «Упадок лжи» (1889), и его тюремном заключении в 1895–1897 гг.); «А вдали Антихрист бежал обратно на север Франции», «То еще не был Разящий, а лезвие меча среди туч» (часть третья); «Ждали *утешителя*, а надвигался *мститель*...» (часть четвертая). См.: *Симфонии*. С. 130, 107, 119, 134.

Многоуважаемый Эмилий Карлович,

Я был приятно удивлен, получив Ваше симпатичное письмо. Спешу ответить. Простите, что отвечаю не сейчас же. Мы, находясь от города за 33 версты, не часто посылаем туда²⁰⁸. Ваше письмо получил только 6-го. Не знаю, когда пойдет мое письмо.

Как печально, что Вы уезжаете из Москвы! Впрочем, надеюсь, наше знакомство укрепитя. Вы позволите мне писать Вам в Н<ижний> Новгород? не так ли? Если я замечу, что Мартиникская катастрофа²⁰⁹, преследования Комба²¹⁰ и дурная погода суть следствия одной причины, это будет фраза – но фраза, имеющая микроскопическую дозу вероятия... Чья-то проделка, переходящая то в шутку (болезнь англ<ийского> короля²¹¹, Комб, погода, падение Св. Марка²¹² и т. д.), то в жестокость (Мартиника с уцелевшим негодяем)²¹³. Однако будущее, как мне кажется, слегка очищается: виннозолотые закаты, опьяняющие дионисианством и столь характерные для весны и начала лета, заменяются какой-то следующей стадией... Леопард уходит... Одно время его заменила «рысь» (российская акклиматизация леопарда Индии), но не надолго. Оригинальность этого явления (явления рысьих свойств) вызывает к нашей осмотрительности. Посмотрим, не замигают ли в наших словах, или в печали *зарницы злых, рысиных огонечков*... Посмотрим... И тем не менее два раза в небе произошло нечто неизъяснимо-отрадное, выразившееся в своем «*внешнем*», как синтез несовместимых (или редко совместимых) закатов: синтез розового, религиозного, мистического, женственного заката, символизирующего св. Церковь, Душу Мира, Софию, Lumen Coeli Sancta Rosa²¹⁴ (Мережковский) с золотым, ницшеанским, человекобожеским, самоутверждающим закатом. По Соловьеву Логос, воплощаясь в Душу Мира, тем самым нисходит в мир; если же человек проник в Душу Мира, скажу я, и пошел дальше в своем созерцании, то с Кем он неизбежно встречается?.. Привожу выписку из Чтения о Богочеловечестве: «*Если осенение человеческой Матери действующей силой Божества произвело вочеловечение Божества, то оплодотворение бож<ественной> Матери, Церкви (по-другому Души Мира) действующей силой человеческой произведет свободное обожествление человечества*»...²¹⁵ «*Ныне мы дети Божии, но неизвестно, что будем*» (Иоанн)...²¹⁶ «*Ich schlief, ich schlief – aus tiefem Traüme bin ich erwacht: – die Welt ist tief*» (Nietzsche)²¹⁷ не есть ли неизъяснимый синтез двух наиболее типичных и про-

²⁰⁸ Указывается расстояние от имения Серебряный Колодезь до города Ефремова Тульской губернии, в котором находилось ближайшее почтовое отделение.

²⁰⁹ 25 апреля (8 мая) 1902 г. на острове Мартиника взорвался, разлетевшись на части, вулкан Мон-Пеле и уничтожил портовый город Сент-Пьер вместе со всем его населением (36 тысяч человек).

²¹⁰ Имеется в виду антиклерикальная деятельность французского кабинета министров во главе с Луи Эмилем Комбом, подготовившего закон о разделении церквей и государства и проводившего закон, направленный против католических конгрегаций. Возможно, непосредственным источником для Белого здесь послужила статья: *Поселения Е. <Погожев Е. Н.>* Мысли и впечатления. Гонение христиан во Франции // Московские Ведомости. 1902. № 214, 6 августа. С. 2; № 215, 7 августа. С. 1.

²¹¹ 23 июня (н. ст.) 1902 г. английский король Эдуард VII перенес хирургическую операцию, вследствие чего его коронация была отложена на шесть недель.

²¹² Имеется в виду колокольня Сан-Марко (кампанила; 888–1517 гг., высота около 100 м) на Пьяцце ди Сан-Марко в Венеции. Утром 1 (14) июля 1902 г. вследствие неудачной реставрации она обрушилась; к 1912 г. была восстановлена.

²¹³ Одним из уцелевших жителей Сент-Пьера оказался портовый грузчик Аугусто Кипари, который во время катастрофы сидел в подземной тюрьме; тем не менее он получил обширные ожоги по всему телу.

²¹⁴ «Свет небес, святая роза» (лат.) – обращение к Деве Марии; строка из стихотворения А. С. Пушкина «Жил на свете рыцарь бедный...» (1829).

²¹⁵ Неточная цитата из «Чтений о Богочеловечестве» (М., 1881) Вл. Соловьева (Чтение одиннадцатое и двенадцатое). См.: *Соловьев Владимир*. Соч.: В 2 т. М.: Правда, 1989. Т. 2. С. 169.

²¹⁶ Искаженная цитата; ср.: «...мы теперь дети Божии; но еще не открылось, что будем» (1 Ин. 3: 2).

²¹⁷ «Песнь Заратустры» из философской поэмы Фридриха Ницше «Так говорил Заратустра» («Also sprach Zarathustra», 1883–1885; ч. 3, «Другая танцевальная песнь», 3; ч. 4, «Песнь опьянения», 12); в переводе Ю. М. Антоновского: «Глубокий сон сморил меня, – // Из сна теперь очнулась я: // Мир – так глубок» (*Ницше*. Т. 2. С. 165–166, 235); в переводе Д. Борзаковского:

тивоположных закатов *символ*, обращающий на себя внимание... Что же касается *исторического воплощения* «Кого-то», рождения «его» в Польше, то я почти год тому назад уже в достаточной степени оценил это явление. Лицо, сообщившее в моем присутствии об этом, обитает в Н<ижнем> Новгороде²¹⁸, куда Вы едете и где, по-видимому, существует нечто вроде очага «бесовщины»...

Вы прочли летопись Серафимо-Дивеевского монастыря, а также исследование Мережковского. Не найти большей противоположности! Меня очень интересует Ваше отношение к упомянутым книгам. Надеюсь, мы с Вами еще не раз серьезно побеседуем об исследовании Мережковского.

Вы очень верно указали на музыкальную безалаберность «*Симфонии*». Ее недостатки я всегда признавал более чем кто-либо. Эта безалаберность вытекает из недостаточной музыкальной стройности, отсутствия «общности» частей (не уничтожающей противоположность). Мысль о «*симфонии*» как таковой мне пришла в голову лишь со второй части, которая таким образом и является по-настоящему первой. Первая же – придаток, имеющий с «*симфонией собственно*» весьма малую и чисто внешнюю связь. Правда, в 4-ой части есть попытки провести аналогию с первой, но эти попытки не искупают всей неуместности первой части. Что же касается мест, смущающих Вас, – охотно даю к ним те разъяснения, какие мне кажутся наиболее подходящими.

Ваше недоумение относительно «*пурпурового таинства*» постараюсь рассеять: я не нахожу здесь *страшного*, а разве что – неясное; неясность «*симфонии*», «*жаргонность*» ее – вот второй колоссальный недостаток ее, вытекающий из того обстоятельства, что «*симфония*» отнюдь не предназначалась для печати, а в момент держания корректуры я не мог ее исправить, будучи мыслью отвлечен совсем в сторону. В вышеупомянутом выражении, мне кажется, я хотел подчеркнуть эстетическую, а отчасти и мистическую разницу между настроением красного цвета и пурпурового²¹⁹; красный – цвет мученичества, 1-го Христова Пришествия, Голгофы, цвет феноменальный, возникающий не сам по себе, а из отношения *белого* источника света к серой пыли, дымке (солнце сквозь дымку); серый цвет – воплощение абсолютного бытия (белого) в абс<о>лютное небытие (черное) или, вернее, обратно: в *бытие небытия* (см. о значении серого цвета, как компромисса, как «*черта с насморком*» у Мережковского²²⁰)... *Пурпурный цвет* – нуменален; он возникает из смешения красного с фиолетовым и превращает незамкнутую линию спектра

«Я спал, я спал – // Я пробудился от глубокого сна: – // Мир глубок» (*Ницше Фридрих*. Собр. соч. Т. I. Так говорил Заратустра. М.: Изд. М. В. Клюкина, <1900>. С. 252, 352).

²¹⁸ Имеется в виду нижегородская журналистка и автор религиозно-мистических сочинений Анна Николаевна Шмидт; она «собственным умом построила гностическую систему <...> выступила с проповедью новой церкви, которая должна родиться из православия, проповедовала третий Завет, учила о женственной природе третьей ипостаси <...> воображала себя „ангелом церкви“, а Соловьева считала новым воплощением Христа, своим возлюбленным женихом» (*Соловьев С. М.* Жизнь и творческая эволюция Владимира Соловьева. Брюссель, 1977. С. 399). В «Воспоминаниях о Блоке» Белый сообщает: «Помню: явление покойной Анны Николаевны Шмидт из Нижнего Новгорода осенью 1901 года; она познакомила М. С. Соловьева с кругом идей, выраженным в „Третьем Завете“ и „Исповеди“; я познакомился с ней и мы обменялись письмами» (*О Блоке*. С. 34). См. о ней: *Аккерман Галина*. Загадка Анны Шмидт // Континент. 2005. № 123. С. 372–393; *Козырев А. П.* Нижегородская сивилла // История философии. Вып. 6. М., 2006. С. 62–80.

²¹⁹ Ср. в «Симфонии (2-й, драматической)» (ч. 4): «3. Пурпурный свет – ветхозаветный и священный, а красный – символ мученичества. // 4. Нельзя путать *красное* с *пурпурным*. Здесь срываются. // Пурпурный цвет нуменален, а красный феноменален» (*Симфонии*. С. 130).

²²⁰ Имеется в виду фрагмент из книги Д. С. Мережковского «Л. Толстой и Достоевский» («Религия», ч. 2, гл. 5): «...дух всего нуменально-серединного <...> дух не холодный и не горячий, а только теплый, не черный и не белый, а только серый, если и „великий“, то разве лишь нашим собственным ничтожеством великий, а сам по себе „маленький, гаденький, золотушный бесенок с насморком, из неудавшихся“» (*Мережковский Д. С.* Л. Толстой и Достоевский / Изд. подгот. Е. А. Андрущенко. М., 2000. С. 408 («Литературные памятники»)). В тексте цитируются слова Ставрогина («Бесы», ч. 2, гл. 3, IV). См.: *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1974. Т. 10. С. 231.

I фиол<етовый> кр<асный>

в замкнутую, в окружность
пурп<урный> фиол<етовый>.

Между пурпурным (т. е. цветом, *соединяющим линии* спектра) и белым (т. е. *соединяющим цвета* спектра) отношение сочинения, а между красным и белым – подчинения, но оба цвета, т. е. и белый, и пурпурный – нуменальны, потусветны, один цвет – покинутого рая, а другой – грядущего Царствия Божия... Оба цвета намекают на связь между небом и землею, а между ними «7» цветов спектра (цветов феноменальных), полнота переживания которых как бы вновь приближает нас к небу. «Полновременный день», «День великого полудня» (по Ницше)²²¹, «Исполнилась полнота времен» (Павел к Гал<атам>)²²² – как все это похоже! Что же влечет за собою все это? Жажду белизны, нового слова, написанного на белом камне, слова, которого никто не знает кроме того, кто получает²²³ (7 цветов, 7 церквей, 7 печатей, 7 светильников, 7 рек, текущих из рая, 7 граней, 7 ангелов и т. д.). Можно думать, что до грехопадения спектр был замкнут и состоял из 8 цветов (8-ой – пурпурный), из которых в *пурпурном* была вся сила, т. е. близость человека к Богу Отцу; но грехопадение совершилось, соединяющий цвет (пурпурный) пропал и линия спектра разомкнулась. Пропавший пурпурный цвет (Яхве, Бога Израиля) заменился обетованием о грядущем [Мессии] белом цвете, который отныне станет цветом соединяющим, закрыв собою цвет Бога Отца (пурпурный) «Я и Отец – одно»...²²⁴ «Принимающий меня принимает и Отца»...²²⁵ Если с 1-ым пришествием стала доступна белизна, то обеление всего человечества станет возможным лишь во 2-ом пришествии. «Обелили одежды кровию Агнца» (Откр.)²²⁶. «Побеждающий облечется в белые одежды»²²⁷. Но Христос 1-го пришествия должен был воплотиться в компромисс, т. е. белизна Его, созерцаемая сквозь *серую пыль*, казалась *красной*, отсюда первое пришествие Христа – в красном, а второе в белом, т. е. тогда *серая пыль*, застилающая наши очи, – пропадет. Центр «красного» перемещается, судя по тому, обращаем ли мы внимание на *источник света*, или на *пыль*, его застилающую; отсюда два оттенка красного: 1) «Обелили одежды кровию Агнца», Христос 1-го пришествия, 2) «А вдали, догорая, дымилось злое пламя земного огня» (Соло-

²²¹ Образ «великого полдня» – в поэме «Так говорил Заратустра» (ч. 3, «О тройком зле», 2; ч. 4, «Знамение»). См.: Ницше. Т. 2. С. 137, 237.

²²² Гал. 4: 4 («...пришла полнота времени...»).

²²³ Откр. 2: 17 («...дам ему белый камень и на камне написанное новое имя, которого никто не знает, кроме того, кто получает»).

²²⁴ Ин. 10: 30.

²²⁵ Мф. 10: 40 («...кто принимает Меня, принимает Пославшего Меня»).

²²⁶ Откр. 7: 14 («...убелили одежды свои Кровию Агнца»).

²²⁷ Откр. 3: 5.

вьев)²²⁸, «Если будут грехи ваши, как багряное, как снег убелю» (Исайя)²²⁹. И так, злое красное: не потому ли Богомилы считают денницу братом Христа?²³⁰

Отсюда ясно, какая громадная разница между *пурпурным*, с одной стороны, и *обеими* красными, с другой. Желание с нашей стороны постигать тайны мира, минуя *белое* (Христа), пурпурным – губительно, ибо для нас пурпурное дано в белом («Я и Отец – одно»); а углубляясь в пурпурное, мы как бы отвергаем *белое* и уже в силу того отвергаем и пурпурное, заменяя его просто красным и, конечно, не кровию Христовой, а *багряными грехами* («Если грехи ваши, как багряное»). Таинственная, пурпурная зоря не должна отражать феноменальности *красного*. Вот объяснения полусознательного употребления мною выражения «пурпуровое *таинство*» (тайна)...²³¹

«Мститель» в своем окончательном виде, без личины – ожидаемый некоторыми Антихрист (не мог же им оказаться в то время младенец на с<евере> Франции, хотя там и очень подозрительно)²³². В более общем же виде, т. е. в образе двух: худого кривляки, смахивающего в некоторых чертах на М. Горького, и толстяка, выкрикивающего «ужасики» о дыре (Дыромо-ляйстве, сиречь толстовстве), о принесении в жертву себя муравьям (т. е. самопожертвовании для самопожертвования) и об успехах хирургии²³³.

Для меня наиболее неясным и страшным является сцена выводов Мусатова с протянутой у горизонта шкурой леопарда... «Возвращается, опять возвращается»²³⁴ – я сам не понимаю, что это: намек ли на *вечное возвращение* или на *возвращение во второй раз* (2-ое Пришествие). Неясность эта неприятно пугает меня, хотя, мне кажется, – эта сцена наиболее удачная из всей «симфонии».

Что же касается до несуразности (почти безобразности) в расположении частей друг относительно друга и нелепом нагромождении отрывков, то из 4-х симфоний, написанных мною²³⁵, эта симфония – наименее удачна. Повторяю: колоссальный недостаток ее – «жар-

²²⁸ Заключительные строки стихотворения «Вся в лазури сегодня явилась...» (1875). См.: Соловьев. С. 61.

²²⁹ Ис. 1: 18.

²³⁰ Богомилы – еретическое движение, возникшее в Болгарии в X в. Согласно их вероучению, верховный добрый Бог сотворил невидимый духовный мир во главе с первородным старшим сыном Сатанаилом, который возмущился против Отца, был низвержен с неба и стал творцом видимого, материального мира. Небесный Отец ниспослал Христа, или Слово, который отнял у Сатанаила остатки божественной силы и могущества.

²³¹ Образ из «Симфонии (2-й, драматической)» (ч. 2): «Над снежно-белой тучкой совершалось пурпуровое таинство» (Симфонии. С. 97). Более подробно свои представления о цветовой символике Белый развивает в статьях «О религиозных переживаниях» (1903), предназначенной для журнала «Новый Путь», но там не опубликованной (впервые: Литературное обозрение. 1995. № 4/5. С. 4–9), и «Символизм как миропонимание», напечатанной в «Мире Искусства» (1904. № 5. С. 173–196; впоследствии соответствующий фрагмент выделен в самостоятельную статью под заглавием «Священные цвета», см.: Андрей Белый. Арабески. Книга статей. М.: Мусагет, 1911. С. 115–129).

²³² Подразумеваются эпизоды из 3-й и 4-й частей «Симфонии...»: «3. Ему писали, что семейство грядущего зверя найдено и что зверь еще не вышел из пеленок. 4. Это был пока хорошенький мальчик, голубоглазый, обитающий на севере Франции»; «Тут ему подали письмо с севера Франции. <...> Ему писали, что Зверя постигло желудочное расстройство и он отдал Богу душу, не достигши пяти лет, испугавшись своего страшного назначения» (Симфонии. С. 121, 130).

²³³ Речь идет о фрагментах из 4-й части «Симфонии...»: «3. <...> выскочил худой кривляка с нависшими черными бровями, грозным взглядом и всклокоченной шевелюрой. // 4. Он был в нижнем белье и на босу ногу. <...> Он подскочил к кряхтящему толстячку и шепотом велел ему молчать. // 5. На что босоногий лектор возопил гласом велиим: „Петруша, разреши мне выкрикнуть еще один только ужасик!“; <...> раздавались слова заговорившего толстячка: „Положим – стоит африканская жара... Я раздеваюсь донага и валяюсь на муравьиной куче... Множество маленьких насекомых впииваются в мое тело!“»; «Я разрезаю живот... Вытаскиваю и прочищаю кишки... Отрезав нужный мне кусок кишки, я сшиваю отрезанные концы <...>» (Там же. С. 136–138).

²³⁴ Подразумевается эпизод из 3-й части «Симфонии...»: «И он подхватил: „Опять, опять возвращается...“ <...> Горизонт был в кусках туч... <...> Точно леопардовая шкура протянулась на западе» (Там же. С. 113).

²³⁵ Под 4-й «симфонией» подразумевается ее первоначальная редакция, над которой Белый работал летом 1902 г.; ср. его свидетельство в автобиографическом письме к Р. В. Иванову-Разумнику от 1–3 марта 1927 г.: «...летом 1902 года пишу первую редакцию 4-ой Симфонии, и в том же 1902<-м> – вторую редакцию, уже портящую первую. Считаю нормальной 4-ой Симфонией эти не существующие первые две редакции» (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. СПб., 1998. С. 488). В полном виде эти тексты не сохранились; в «Альманахе книгоиздательства „Гриф“» были опубликованы фрагменты

гонность» и заносчивый тон: – «Хлестаков, хлыщ в плаще Гамлета, циник, понявший свое ничтожество, сумасшедший, к сожалению не приложивший своего адреса, и пасквилянт» – так меня называют в «Н~~о~~вом Времени»²³⁶, и кой-что в этом отзыве, к сожалению, истинно.

«Симфонии» не имеют будущности, как таковые; но как промежуточная стадия на пути к образованию какой-то безусловно важной формы – они значительны. Это – *начало конца* поэзии в собственном смысле. Андриевский, Мережковский и нек~~о~~торые другие прекрасно ощущают, что в области поэзии уже давно творится неладное²³⁷. Литературу Мережковский низводит в жизнь, а я – в музыку. Может быть, истинно и то, и другое, а может быть, *ни* то, *ни* другое, а *ничто*, чего мы, сыны XIX столетия, уж не видим... Некоторая противоположность в стремлении с одной стороны уничтожит поэзию во имя жизни, а с другой – во имя музыки (музыка, так сказать, *жизненный эквивалент потускветности*) знаменательна: здесь опять-таки одно из бесконечных проявлений все возрастающей полярности; ее окончательный смысл – тайна. Всякое забегание вперед как церковников (с их Антихристом) и теософов, так и теургов à la Мережковский с их речами *о заединающем религиозном делании* значительны только как первые попытки «нового мышления», а не сами по себе. Значение их еще то, что центр тяжести в объяснении окружающей действительности перенесен из прошлого в будущее, что произведет грандиозный переворот в характере созерцаний, едва ли создаваемый нами во всей полноте. Подавляющий рост музыки XIX столетия не предтеча ли такого поворота? (В музыке, по Спенсеру, зерна будущих эмоций и мыслей.) «Симфонизируясь», жизнь не устремляется ли в будущее? Или здесь мы имеем дело с острием, на котором, по выражению Мережковского, колеблется Европа?

Но кто «знает»?.. Мы ощущаем «ничто»... Каково-то оно покажется в лучах будущего?.. Я успокоен... Даже радостно успокоен... И это – не легкомыслие, а единственно возможное условие существования (так сказать, вторичное спокойствие, успокоение, сознательное возвращение к легкомыслию после тернистого блуждания по опасным завиткам мысли и созерцания).

Человечество пережило все стадии протестантствующей, а также и протестующей мысли вплоть до красиво-соблазнительного своим дикарством анархизма. Описав круг в своих переживаниях, мысль снова обратилась к религиозной истине. Но религиозная Истина, будучи неизменна по существу, изменчива для нас, благодаря неодинаковому состоянию нашей психики. Реакция Христианства на время дает разные результаты, и с этими результатами следует считаться. «Многое сказал бы вам, но вы не поймете. И вот пошлю к вам Утешителя, Духа Истины, который и наставит вас»...²³⁸ В этом смысле религиозная Истина подвержена эволюции. Обратившись к религии после отрицания, мы усложнили способы касания этой истины. Схематизирую свою мысль:

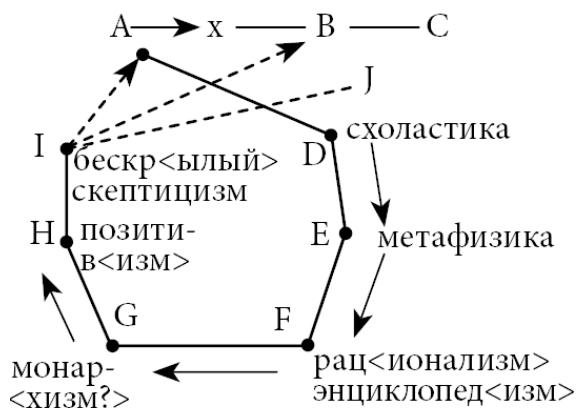

под заглавием «Отрывки из 4-й симфонии» (М., 1903. С. 52–61). См.: *Симфонии*. С. 372–381.

²³⁶ Имеется в виду рецензия на «Симфонию (2-ю, драматическую)», напечатанная в рубрике «Книги за неделю». Приведя в ней слова Полония о Гамлете («Это безумие, однако же в нем есть что-то систематическое»), автор продолжал: «Тысячи молодых людей, которым лень быть логическими и здравомыслящими, рядились, рядятся и будут рядиться в это якобы систематическое безумие, криво улыбающееся, подмигивающее, делающее вид, будто оно таит, себе на уме, нивесть какие глубины и тайны. Но клубок не делает человека монахом, а в мантии, украденной у Гамлета, может щеголять и несомненно претенциозный болтун о выведенном яйце, и хлыщ Хлестаков, и даже просто пасквилянт. К глубочайшему сожалению, приходится отметить, что какие бы смыслы ни крылись в „Симфонии“ г. Белого, но пасквиль-то сквозит в ней несомненной прозрачностью – и, притом, даже не пасквиль, но мелкий, местный, московский пасквилек, обличитель никому за пределами тесного московского кружка неизвестных человечков» (Новое Время. Иллюстрир. прилож. 1902. № 9456, 3 июля. С. 9. Подпись: В. А. Л.).

²³⁷ С. А. Андреевский изложил свою критическую точку зрения на современное состояние русской поэзии в статье «Вырождение рифмы (Заметки о современной поэзии)» (Мир Искусства. 1901. № 5). См.: *Андреевский С. А. Книга о смерти* / Изд. подгот. И. И. Подольская. М., 2005. С. 449–468 («Литературные памятники»).

²³⁸ Ср.: «Еще многое имею сказать вам; но вы теперь не можете вместить» (Ин. 16: 12); «Когда же придет Утешитель, Которого Я пошлю вам от Отца, Дух истины, Который от Отца исходит, Он будет свидетельствовать о Мне» (Ин. 15: 26).

«А С» – направление эволюции религиозной Истины.

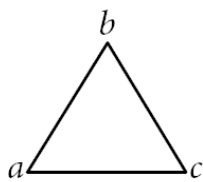
«В» – точка, в которой находится религиозная Истина в момент нашего возвращения.

Выйдя из «А» и описав окружность «А D E F G H I», человечество снова подошло к «А» – но с другой стороны; сама же Истина тем временем переместилась в «В» и так вот уже перед нами трилемма: 1) или считать Истину за «А», или 2) за В... Но если считать Истину за «А», то мы можем двояко рассматривать ее: непосредственно как «А» или же 3) сквозь туман прожитого (I H G F E D A). Отсюда возникает тройное отношение к религиозной Истине, тройкий путь. (1) Путь «I H G F E D A B» – путь теософский, где метод согласования пройденного с религией выступает на первый план; отсюда важная роль «ума», отсюда умственность, схематичность теософов. (2) Путь «I A B» – путь христиан церковников, где простор чувству и наоборот скованность воли и ума, (3) и наконец путь I B неохристиан, теургический, минуящий религиозную Истину в прежней ее исторической формулировке (в той формулировке, которую она имела в момент удаления от нее) и берущий ее в окончательной или современной формуле. Отсюда резкое различие церковников и теургов и невозможность согласия между ними в *данный момент*, хотя пути их в конце концов сходятся (быть может), но у самих церковников нет того же отношения к религии, как и у первых христиан (т. е. отношения к «А» из «А» же)... Да кроме того Истина переместилась уже в «В» и «А» является ее *периферическим*, а не *внутренним* толкованием. Церковники, претендуя на одинаковость своего созерцания с созерцанием христиан первых веков, забывают, что отношения между людьми и обоими *Пришествиями* изменились, а такая перемена положений не может не оказать глубокого влияния на характер созерцания. (Если сперва было так

1-ое при<шествование> христиан<ство> 2-ое пр<ишествование>

то теперь, скажем, так 1-ое _____ 2-ое пр<ишествование>
христ<ианство>

Следовательно, безусловное значение *церковности и только* в деле нашего приобщения Истине – не вполне основательная монополия, а сопровождаемая насилием над духом и угрозами, она теряет часто даже и то, что принадлежит ей по праву. Из неодинаковости трех путей (быть может, истинных) вытекает разногласие, которое мы всюду встречаем, когда церковник чуждается теософа и теурга, а эти последние презирают церковника, не соглашаясь в свою очередь друг с другом. Между тем, если каждый путь имеет свою долю истины, то не являются ли необходимыми эти три теперь уже начавшие определяться русла христианства? не все ли

равно, как прочесть треугольник abc (или bac или cba) – этот вечный треугольник – равноугольный и равносторонний (Отец, Сын, Дух – Воля, Ум, Чувство –).

Вот почему я *свободно* отношусь ко всем трем направлениям: будущее укажет, какое из них наиболее истинное и что в нем истинно. Не следует забывать, что все мы младенцы в деле религии... Не лучше ли нам воздержаться от причисления непонятного и нового к лику Демона? а то как раз попадешься впросак («Взявший меч от меча погибнет»...²³⁹ «Не судите, да не судимы будете...»²⁴⁰) Я не хочу этим сказать, что теософы или теурги стоят на более верном пути, я сам склоняюсь к церковности и знаю, что, минуя «А», теург рискует промахнуться и попасть в «Х» или «У», но всякий путь вырабатывает и методы проверки, и с осторожностью можно сравнительно безопасно для себя плавать по «иноземным морям и открывать Африку».

Я предоставляю желающему замыкаться – замкнуться и расставить вокруг себя ширму собственной усталости, но протестую против навязывания и другим этой усталости; к сожалению, церковники питают нас не церковностью в глубоком, утверждающем смысле, а суррогатом ее – неврастений...

«Ныне мы дети Божии, но неизвестно, что будем» (Иоанн)²⁴¹. Что ближе к этим радостным словам Евангелиста: нищевское ли «*Die Welt ist tief*», или приводимое ниже стихотворение с. – петербургского молодого поэта А. Блока (нигде еще не напечатавшего своих замечательных стихов), в котором гениально выражено настроение этой ложной церковности?

Однако заканчиваю длинное до возмутительности письмо. В Москве я буду 18, 19-го или 20-го августа и вряд ли успею воспользоваться Вашим любезным приглашением, хотя буду у Вас в Москве в конце августа (если позволите). Быть может Вы напишете мне сюда до 17-го или в Москву после 17-го... Лыщу себя надеждой услышать игру Вашего брата, от которой я многое ожидаю. Пока же до свиданья. Еще раз спасибо за письмо. Остаюсь готовый к услугам

Б. Бугаев.

Р. С. Пользуюсь оставшимся местом для переписки стихотворений А. Блока – самого талантливого поэта «из молодых» (это мое убеждение)²⁴². <...>

Не правда ли, какое проникновение куда-то скрывается под этой слегка корявой, неповоротливой формой? И до чего современны, до чего страшны такие стихи?

Б. Бугаев.

РГБ. Ф. 167. Карт. 1. Ед. хр. 1. Помета красным карандашом: «I». Фрагмент опубликован: ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 184.

Ответ на п. 1.

²³⁹ Мф. 26: 52 («...все, взявшие меч, мечом погибнут»).

²⁴⁰ Мф. 7: 1; Лк. 6: 37.

²⁴¹ См. выше, примеч. 9.

²⁴² Далее следуют списки стихотворений А. А. Блока «Брожу вдоль стен монастыря...», «Предчувствую Тебя. Года проходят мимо...», «Ищу спасенья...», «Одинокий, к тебе прихожу...», «Элины, боги бессонные...» (две заключительных строфы стихотворения «В полночь глухую рожденная...»). См.: Блок. Т. 1. С. 108, 60, 41, 42. Списки восходят к автографам стихотворений Блока, высланным в Москву семейству Соловьевых (см.: Котрелев Н. В. Неизвестные автографы ранних стихотворений Блока // Литературное наследство. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 1. М., 1980. С. 244–245).

3. Метнер – Белому

2 сентября 1902 г. Москва²⁴³

Жду Вас во вторник 3-го сентября к 7 ч. веч<ера> (Чернышевский переулок, дом Духовского).

Э. Метнер.

РГБ. Ф. 167. Карт. 4. Ед. хр. 2.

4. Метнер – Белому

24 сентября 1902 г. Москва

Жду в воскресенье и<ли> в понедельник²⁴⁴. Советую 27-го быть в симфоническом концерте Горелова из-за симф<онии> и Полета Валькирий²⁴⁵.

Э. Метнер

РГБ. Ф. 167. Карт. 4. Ед. хр. 3.

Открытка. Датируется по почтовому штемпелю: Москва. 24. IX. 1902.

Отправлено по адресу: «Угол Арбата и Денежного пер., д. Обухова».

5. Метнер – Белому

4 октября 1902 г. Москва

Жду Вас завтра в субботу 5-го октября к 7 ч. вечера, – непременно!

Э. Метнер.

РГБ. Ф. 167. Карт. 4. Ед. хр. 4.

Открытка. Датируется по почтовому штемпелю: Москва. 4 X. 1902.

Отправлено по адресу: «Угол Арбата и Денежного пер., д. Обухова».

---

²⁴³ Открытка. Датируется по почтовому штемпелю: Москва. 2. IX. 1902. Отправлено по адресу: «Угол Арбата и Денежного пер., д. Обухова».

²⁴⁴ 29 и 30 сентября.

²⁴⁵ 27 сентября 1902 г. в Большом зале Московской консерватории состоялся симфонический концерт: под управлением дирижера Александра Леонтьевича Горелова (1863–1937), директора Астраханского музыкального училища, были исполнены 6-я симфония П. И. Чайковского и «Полет валькирий» Р. Вагнера (оркестровое начало 3-го действия музыкальной драмы «Валькирия», 1870). См.: Ю. Э. <Энгель Ю. Д.> Симфонический концерт оркестровых музыкантов // Русские Ведомости. 1902. № 267, 27 сентября. С. 2.

6. Метнер – Белому

18 октября 1902 г. Москва

Уезжаю в начале той недели²⁴⁶. Жду в субботу, 19-го, в 6 ч. вечера.

Э. Метнер.

РГБ. Ф. 167. Карт. 4. Ед. хр. 5.

Открытка. Датируется по почтовому штемпелю: Москва. 18. X. 1902.

Отправлено по адресу: «Угол Арбата и Денежного пер., д. Обухова».

7. Метнер – Белому

15 ноября 1902 г. Нижний Новгород

Н. Новгород 15 ноября 1902 г.

Дорогой Борис Николаевич!

Да будет это письмо мое исключительно деловым, т^как^к если до приезда Анюты²⁴⁷ я был занят по горло визитами, приемом, поисками квартиры и вступлением в исполнение обязанности²⁴⁸, все время не переставая страдать удушьем, то теперь с приездом Анюты я занят с нею устройством нашего гнезда. *Адрес мой:* Угол Телячьей (?) улицы и Вознесенского (!?) переулкa, дом Абрамова... Сообщите его Алексею Сергеевичу²⁴⁹ и скажите ему, что я вскоре напишу ему.

Получил письмо от Духовецкого²⁵⁰. Он пристаёт ко мне, чтобы я дал ему фельетон. Мне сейчас некогда. Я уже говорил Вам, что *Приднепровский Край* охотно напечатает все, что я ему рекомендую. Пишите скорее критическую статью о чем угодно: о Лестнице, Моне Ванне, Пане²⁵¹, о московских и иных декадентах. Пишите, как можно оригинальнее, и отправляйте

---

²⁴⁶ Речь идет об отъезде в Нижний Новгород по месту исполнения цензорской службы.

²⁴⁷ А. М. Метнер, урожд. Братенши; приехала в Нижний Новгород после венчания с Метнером в Москве. Ср. дневниковую запись Метнера от 2 января 1903 г.: «...я был обвенчан в 11 ч. утра 23 октября 1902 года. Шаферами были Борис Бугаев и Алексей Петровский, Коля и оба брата Анюты <Н. К. Метнер, Александр Михайлович Братенши и Андрей Михайлович Братенши. – *Ред.*>. <...> Бугаев и Петровский были восхищены Анютою и всячески старались...» (РГБ. Ф. 167. Карт. 23. Ед. хр. 9. Л. 56 об., 57 об.).

²⁴⁸ См. примеч. 6 к п. 1.

²⁴⁹ А. С. Петровский.

²⁵⁰ Федор Аркадьевич Духовецкий весной 1902 г. стал редактировать екатеринославскую газету «Приднепровский Край» (в письме от 20 апреля 1902 г. он предлагал Метнеру место помощника редактора // РГБ. Ф. 167. Карт. 14. Ед. хр. 8). Упоминается письмо от 9 ноября 1902 г., в котором Духовецкий сообщал о конкурирующей екатеринославской газете «Вестник Юга» («стал выходить <...> под либеральным флагом и провозглашает юдофильство своим принципом») и просил Метнера участвовать в «Приднепровском Крае»: «...поддержите: пишите, ради Бога, что-нибудь хорошее» (Там же). В «Приднепровском Крае» Метнер напечатал (за подписью: Э.) в 1903–1904 гг. цикл статей «Школа и образование» и ряд статей на эстетические и литературные темы.

²⁵¹ «Лестница» – поэма А. Л. Миропольского (наст. имя Александр Александрович Ланг; 1872–1917); «Монна Ванна» (1902) – драма Мориса Метерлинка; «Пан» (1894) – роман Кнута Гамсуна. Подразумеваются прежде всего книги, вышедшие в издательстве «Скорпион»: *Миропольский А. Л. Лестница. Поэма* / Предисл. Валерия Брюсова. М., 1902; *Гамсун Кнут. Пан* / Предисл. К. Д. Бальмонта. Пер. с норв. С. А. Полякова. М., 1901. Первый перевод драмы Метерлинка: Монна

в Екатеринослав, „Приднепровский Край“ Редактору Ф. А. Духовецкому. Я его уведомлю о Вашем нашествии. Можете свою статью не сопровождать никаким письмом, если последнее Вас затрудняет... *Lucidum intervallum*²⁵² в мрачных первых трех неделях пребывания²⁵³ моего в резиденции «Великого Хама Земли Русской» (так Дмитрий Сергеевич, кажется, называет Горького)²⁵⁴ были три дня, проведенные мною с Гелиосом музыки, Гофманом, с которым я не виделся 4 года; он дал здесь два концерта, но нижегородская мразь оценить его не могла: для нее он... холоден²⁵⁵; его холод такой температуры, когда он производит то же действие, что и огонь²⁵⁶: жжет; но только не смердяковские сердца, ибо они хотят тепленького. Я рад был его видеть (не только слышать); он тоже видимо был приятно поражен сюрпризом встретить меня в Нижнем. Мы много с ним говорили; он просил меня устроить сближение между ним и Колей, которого он слышал только один раз, на ученическом концерте (причем Коля играл самую трудную вещь новой фортепианной литературы, *Исламея* Балакирева); Гофман говорил мне, что он сколько ни бился, не мог ее сыграть так, как Коля, и поэтому бросил ее...²⁵⁷ Мне просто не верится в его искренность... Гофман (слышали ли Вы его?) – это безусловно первый пианист в настоящее время; даже далеко первый... По характеру это Моцарт, Пушкин; Аполлон в искусстве, он мечтает быть Дионисом; по этому поводу он очень грубо и глупо сострил: аполлониювское он производит от *a* и *pollution*²⁵⁸, говоря, что такое искусство не может вызвать сильных эмоций; дионисианство же слишком распушенно, распутно, недостаточно ритмично или же слишком ритмично, грубо ритмично... Непременно ступайте на все концерты Гофмана; это огромная школа для развития истинно непорочного музыкального вкуса. [Как только получите письмо от Мережковского] Сообщите мне о различии текста журнала и отдельного издания²⁵⁹. Вышлите также наложенным <платежом> журнал *Новый Путь*²⁶⁰. Пишите, мой милый друг! Кланяйтесь родителям.

Ваш Э. Метнер.

РГБ. Ф. 167. Карт. 4. Ед. хр. 6.

Ванна / Пер. Л. Голыштейна. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1902.

²⁵² Светлым промежутком (*лат.*).

²⁵³ В автографе написано дважды.

²⁵⁴ Д. С. Мережковский. См. п. 1, примеч. 7.

²⁵⁵ Концерты И. Гофмана состоялись в нижегородском коммерческом клубе 5 и 7 ноября. Вопреки мнению Метнера, они получили высокую оценку в местной печати («Публика с величайшим интересом следила за дивной игрой г. Гофмана и восторгалась его изумительной техникой, поражающей своею легкостью и простотой передачи труднейших пассажей»), лишь было отмечено, что при исполнении музыки Шопена Гофману «не достает увлечения и страсти» (Волгарь. 1902. № 305, 7 ноября. С. 3; см. также: К – о. Концерт г. Гофмана // Нижегородский Листок. 1902. № 306, 7 ноября. С. 2–3).

²⁵⁶ Его холод ~ что и огонь (*подчеркнуто Белым*).

²⁵⁷ Речь идет о Н. К. Метнере. Он исполнял «Исламея» М. А. Балакирева 6 февраля 1900 г. в концерте учащихся Московской консерватории в пользу их недостаточных товарищей (комментарии З. А. Апетян в кн.: Метнер. С. 41). Узнав из письма Метнера о его встрече с И. Гофманом в Нижнем Новгороде и делаясь (в письме к Метнеру от 11 ноября 1902 г.) впечатлениями от его игры, Н. Метнер добавлял: «...хотя, конечно, Гофман меня по одному исполнению „Исламея“, этой пустынькой пьесы, не мог узнать, как музыканта, и поэтому все, что он говорил тебе обо мне, приводит меня только в тупик и заставляет подозревать его в неискренности (в особенности „техника“, моя „техника“!!!!!!!), – но я так хочу сам познакомиться с ним, что решил непременно завтра в его концерте отправиться к нему в круглый зал» (Там же. С. 40). О последующих контактах Н. Метнера с Гофманом подробно рассказал в письмах к Эмилию Метнеру отец, К. П. Метнер (см.: Там же. С. 41–42).

²⁵⁸ Осквернение; непроизвольное извержение семени (*фр.*).

²⁵⁹ Речь идет о книге Д. С. Мережковского «Л. Толстой и Достоевский» (см. примеч. 3 к п. 1), впервые опубликованной в журнале «Мир Искусства» (1900. № 3–22; 1901. № 1–12; 1902. № 2).

²⁶⁰ Журнал «Новый Путь» был начат изданием с января 1903 г.

8. Белый – Метнеру

17 ноября 1902 г. Москва

Москва. 17 ноября 1902 года.

Многоуважаемый и горячолюбимый Эмилий Карлович,
Сию минуту получил Ваше письмо. Немедленно отвечаю.

Очень благодарен за «*Приднепровский Край*». На днях постараюсь написать статью по поводу книжки Файгингера о Ницше с чисто внешней стороны²⁶¹, т. е. с точки зрения законности его появления после Шопенгауэра (Ницше в связи с современным неоидеализмом). Быть может, это будет чуть чуть деловито, даже суховато, но следует «*пристреляться*» к фельетону²⁶². О «*Лестнице*» не могу: надо бранить, а бранить неловко²⁶³. Что касается до Мережковского, то, несмотря на мое письмо, в котором я спрашиваю о характере изменений в его книге и кой о чем другом, – они прелегкомысленно ответили мне совсем о другом²⁶⁴. Поэтому я, не ожидая их ответа об этом, сам проверил текст книги с текстом журнала и нашел, что изменений очень мало – почти нет: в иных местах лишь несущественные перестановки (кроме того: заключение 2-ой книги сделано *вступлением*). Я не советовал бы Вам покупать книги: не стоит. Как только выйдет «*Новый Путь*» – я Вам его вышлю, а он выйдет, вероятно, в конце ноября, в начале декабря²⁶⁵. Обещает быть интересным: со статьями Розанова «*Жизнь и религия*», Перцова «*О новых путях*», Мережковского²⁶⁶ и др.; а главное, с отчетами религиозно-философского общества²⁶⁷ (в последнем заседании религиозно-философского общества в СП<б> Зинаида Николаевна предложила архиереям и др<угим> по древнему обычаю *омыть ноги*...).

Посетил недавно Николая Карловича: наслаждался его игрой; он был настолько любезен, что играл для нас с Алексеем Сергеевичем²⁶⁸. Я совершенно влюблен в его музыку, так что даже хвалить... *совестно* (хвалить – это «*тепло*»...). 1-ая пьеса 2-го альбома²⁶⁹ произвела на меня неизгладимое впечатление, совсем не такое же, как и соната²⁷⁰. Здесь – высший покой, высший и желанный, желанная, *вопрошающая* тишина, после того, как *всё* совершилось – ничего

²⁶¹ Имеется в виду кн.: *Файгингер Ганс*. Ницше как философ / Пер. со 2-го нем. изд. А. А. Малинин. М., 1902.

²⁶² Статью на обозначенную тему Белый в «*Приднепровский Край*» не представил.

²⁶³ Тем не менее позднее Белый написал предисловие к книге А. Л. Миропольского, состоявшей из двух поэм: «Ведьма. – Лестница» (М.: Гриф, 1905).

²⁶⁴ «Они» – Д. С. Мережковский и З. Н. Гиппиус. Имеется в виду, видимо, письмо З. Н. Гиппиус от 29 октября 1902 г. (РГБ. Ф. 25. Карт. 14. Ед. хр. 6).

²⁶⁵ Январский выпуск «Нового Пути» за 1903 г. вышел в свет во второй половине декабря 1902 г.

²⁶⁶ Имеются в виду открывавшее № 1 журнала редакторское предисловие П. П. Перцова «Новый Путь» (С. 1–9) и начатая печатанием в нем книга Д. С. Мережковского «Судьба Гоголя» (С. 37–81; окончание – в № 2 и 3 за 1903 г.; отд. изд. – под заглавием «Гоголь и черт» (М., 1906), 2-е изд. – «Гоголь. Творчество, жизнь и религия» (СПб., 1909)). Статья В. В. Розанова под указанным заглавием в «Новом Пути» не появилась; возможно, это – предварительное обозначение авторской рубрики Розанова в журнале («В своем углу»), в которой помещались его аналитические и публицистические произведения с № 2 за 1903 г.

²⁶⁷ В 1903 г. в «Новом Пути» (№ 1–12) были напечатаны (с отдельной пагинацией) «Записки Религиозно-философских собраний» – стенографические отчеты о двадцати заседаниях. См.: *Записки петербургских Религиозно-философских собраний. 1901–1903*. М., 2005.

²⁶⁸ Н. К. Метнер и А. С. Петровский. 11 ноября 1902 г. Николай Метнер сообщал Эмилию: «...Бугаев и Петровский уже успели один раз побывать у меня. Играл я им очень много. Они обещали заходить» (*Метнер*. С. 40).

²⁶⁹ Видимо, имеется в виду № 1 («Русалка») из цикла Н. Метнера «Три импровизации» для фортепиано (ор. 2).

²⁷⁰ Соната для фортепиано f-moll (ор. 5). Н. Метнер работал над нею в 1902–1903 гг.

уже нет, кроме вечных водопадов, *водопадов Вечности* (...Пропел петух – пахло старинным...)... И «чаяния, слишком чаяния» смягчены, неназойливы...

Бывают минуты (для меня наступили они) когда многие «ви́дения» перестают удовлетворять, заподозриваешь и «ви́дения»: хочется раз навсегда пристально взглядеться, чтобы окончательно и безвозвратно (чтобы уже не вернуться обратно) «увидеть»... Сама переоценка ценностей является в такие минуты лишь произвольной переклейкой ярлычков, а «ви́дения», «чаяния», сопряженные с ограничением (*цветом*), смахивают на галлюцинации или на близорукие «ви́дения» – на паутину, сплетенную над бездной; здесь *тоже* могут смущать бездны, но бездны *нарисованные*, плоскостные, плоские, – лабиринты, но лабиринты зеркальные. Три измерения – измерения длины, широты и глубины – произвольно выбранные. Можно обратно: измерение ширины (плоскостное) углубить, сравнив (или приняв) глубину за плоскость...

И вот пахло – вся эта паутина колыхается, рвется... тысячи разорванных лоскутков (а «*все это*» казалось когда-то глубиной) уносит ветер – этот ревущий водопад глубины, водопад Тихой Вечности, Усмиренной... (пропел петух – пахло смертным). До-временное и после-временное – «одно, навек одно» (В. Соловьев)²⁷¹. Надо стать во времени за временем, *пристально взглядеться*, чтобы навсегда увидеть.

Всем этим задела меня 1-ая пьеса 2-го альбома Вашего брата, которого я полюбил не только как музыканта, но и как человека. Третья часть сонаты (мажорная) поразительна: 2-ая тема получает²⁷² такую гибкость (она, очищенная, не боится разнообразия путей), что при всей глубине своей становится всеобщей: музыкальное пространство 3-ей части буквально напитано ей, а от первой темы остаются лишь обрывки (здесь ее роль кончена). Как только выйдет альбом Николая Карловича, я постараюсь написать о нем что-нибудь (разумеется, не с абсолютно музыкальной точки зрения, ибо здесь я – профан) в «*Мире Искусства*»²⁷³: я познакомился с Дягилевым и с Александром Бенуа на только что открывшейся выставке «*Мира Искусства*»²⁷⁴, так что теперь мне отнюдь не неловко послать что-нибудь для этого журнала.

Кстати: колоссальная выставка!.. Впервые я увидел Врубеля полно представленного («*Сирень*», «*Фауст*», «*Демон*» и др.²⁷⁵). Это в буквальном смысле гигант; впечатление от его картин – подавляющее; вначале он даже неприятен, потому что слишком «крупен» (и в буквальном, и в переносном смысле слова). Когда я вошел в зал, где помещались его картины, мне казалось – меня забросали обломками. А. Бенуа мне говорил, что *теперь*, по его мнению, выше Врубеля нет никого и он жалеет, что в своей истории русской живописи²⁷⁶ он отвел Врубелю слишком скромное место.

Приму в соображение все, что Вы говорите о Гофмане: я уже слышал его и еще услышу во вторник²⁷⁷. Он произвел на меня, конечно, огромное, чистое, сильное впечатление (особенно своим исполнением Бетховена (4-ый концерт))²⁷⁸.

²⁷¹ Начальная фраза стихотворения «Знамение» (1898). См.: Соловьев. С. 119.

²⁷² В автографе слово написано дважды.

²⁷³ В журнал «Мир Искусства» Белый статью о творчестве Н. Метнера не представил. О его фортепианном цикле «Восемь картин настроений» («Acht Stimmungsbilder», op. 1) Белый отзывался в статье «О теургии» (Новый Путь. 1903. № 9. С. 114–119).

²⁷⁴ Выставка картин журнала «Мир Искусства» открылась в Москве 15 ноября 1902 г. в доме Грачева на углу Петровки и Столешникова переулка и продолжалась до 1 января 1903 г.; Белый посетил ее в один из первых дней. О состоявшемся там его знакомстве с С. П. Дягилевым и А. Н. Бенуа см.: *НВ*. С. 217–218.

²⁷⁵ На московской выставке «Мира Искусства» демонстрировались декоративное панно М. А. Врубеля «Фауст и Маргарита в саду» (1896), картины «Сирень» (1900), «Демон» и др.

²⁷⁶ «История русской живописи в XIX в.» А. Н. Бенуа (СПб., 1902) вышла в свет в июне 1902 г.

²⁷⁷ 19 ноября. В этот день в Москве состоялся второй концерт И. Гофмана в Большом зале Благородного собрания; первый концерт состоялся там же 12 ноября. Гофман дал в Москве еще один концерт – 27 ноября. С исполнением Четвертого концерта G-dur (op. 58) Бетховена Гофман выступал в симфоническом собрании Русского музыкального общества 9 ноября; концертом дирижировал В. И. Сафонов (см.: Отчет Московского отделения Русского музыкального общества. 1902–1903. М., 1903. С. 6–7).

Но пока довольно... Тороплюсь.

Простите за это слишком внешнее и пестрое письмо: надеюсь, в скором времени напишу обстоятельней.

Благодарю Вас за память. Лышу себя надеждой, что как-нибудь Вы вспомните обо мне и напишете. Буду ждать письма. Да хранит Вас Господь!..

Остаюсь искреннепреданный и глубокоуважающий Вас

Борис Бугаев.

Р. S. Мой нижайший поклон и уважение Анне Михайловне²⁷⁹.

Р. P. S. Позволяю себе послать Вам несколько своих стихотворений; не *узнаете* ли Вы их?..

(Немецки-подмигивающее)

1

В дремучем лесу ветер злился.
В плащ кутаясь, гном запоздалый
В пещере лесной приютился,
Надвинув колпак яркоалый.

Гном плакался горько: «За что же,
Настигнутый в чаще ненастьем,
Всю жизнь одинок я, о Боже!..
Умру – не помянут участием...»

Все ждал, не промчатся ли тучи.
Морщины чело бороздили.
Чредой неизменно тягучей
И дни, и года проходили.

Все ждал, не повеет ли счастьем.
Притих, одинокий, усталый.
Над скорченным гномом с участием
Качался колпак яркоалый.

2

Не слышно зловещего грома.
Ненастье прошло – пролетело.
Лицо постаревшего гнома

---

²⁷⁸ См.: Ю. Э. <Энгель Ю. Д.> Концерт Иосифа Гофмана (12-го ноября) // Русские Ведомости. 1902. № 316, 15 ноября. С. 2–3.

²⁷⁹ А. М. Метнер.

В слезах заревых огневело.

Сказал он: *«Довольно, довольно...»*
В лучах борода серебрилась.
Сказал – *засмеялся невольно.*
Улыбкой лицо просветилось.

И вот вдоль заросшей дороги
Неслась песнь старинного гнома.
«Несите меня, мои ноги
Домой: заждались меня дома!»

Так пел он, смеясь сам с собою.
Лист вспыхнул сияньем червонца...
...Блеснуло вечерней каймою
Зеркальное золото солнца.

1902 ноябрь²⁸⁰.

Утешение

Я знаю – ты загнан людьми.
В глазах не сияет беспечность.
Глаза к небесам подними:
С тобой бирюзовая Вечность.

С тобой, над тобою она:
Ласкает, целует беззвучно.
Омыта лазурью весна.
Над ухом звенит однозвучно.

С тобой, над тобою она:
Ласкает, целует беззвучно...
Хоть те же всё люди кругом,
Хоть так же и ты меж людьми сер, –

О, смейся и плачь: в голубом
Рассыпаны тучки, как бисер.
Закат догорел полосой.
Огонь там для сердца не нужен:

Там матовой, узкой каймой
Протянута нитка жемчужин...

---

²⁸⁰ Первоначальная редакция стихотворения «Гном», опубликованная в «Альманахе книгоиздательства „Гриф“» (М., 1903. С. 45–46) без нумерации частей, в цикле «Возврат». Варианты – 1-я часть, строфа II, ст. 1: «Роптал он и плакал: „За что же“»; 2-я часть, строфа I, ст. 1: «Все тихо... Ни бури, ни грома»; строфа IV, ст. 3: «Блеснуло прощальной каймою». Вошло (1-я часть – в переработанной редакции) в кн.: *Андрей Белый. Золото в лазури*. М.: Скорпион, 1904. С. 161–162. См.: *СП* – I. С. 147–148, 429–430.

... Там матовой, узкой каймой
Протянута нитка жемчужин.

1902 ноябрь²⁸¹.

Ясновидение

Милая, – знаешь ли – вновь
Я тебя видел во сне?
В сердце проснулась любовь.
Ты улыбалась мне...

...
Где-то в далеких лугах
Ветер вздохнул обо мне.
Степь почивала в слезах...
Ты замечталась во сне...

...
Ты улыбалась, любя,
Помня о нашей весне...
И вспоминая тебя,
Был я весь день как во сне...

1902 май²⁸².

РГБ. Ф. 167. Карт. 1. Ед. хр. 2. Помета красным карандашом: «II».

Ответ на п. 7.

В архиве Белого сохранился черновик начальной части этого письма. Приводим его текст (РГБ. Ф. 25. Карт. 30. Ед. хр. 10):

Многоуважаемый и горячо любимый Эмилий Карлович,

Сию минуту получил Ваше письмо. Оно меня несказанно обрадовало. Я уж хотел Вам писать, осведомившись о Вашем адресе у Алексея Сергеевича. Еще раз спасибо Вам. Немедленно отвечаю. Очень благодарен за «Приднепровский Край». На днях постараюсь написать статью по поводу книжки Файгингера о Ницше с чисто внешней стороны, т. е. с точки зрения законности его появления после Шопенгауэра (Ницше в связи с современным неоидеализмом). Быть может, это будет чуть-чуть деловито, даже суховато, но... надо ведь *пристреляться* к фельетону. Что касается до Мережковского, то, несмотря на мое письмо, в котором я спрашивал у Дмитрия Сергеевича о характере изменений в его книге и кое о чем другом, – они прелегкомысленно ответили мне *совсем о другом*. Поэтому я сам сверил текст книги с текстом из журнала и нашел, что изменений очень мало – почти нет: в иных местах лишь несущественные перестановки; я посоветовал бы Вам не покупать книги: *не стоит*... Как только выйдет «Новый Путь» – я Вам вышлю

---

²⁸¹ Первоначальный вариант 3-го стихотворения цикла «Бальмонту» (Андрей Белый. Золото в лазури. С. 5–6). Варианты – ст. 1: «Поэт, – ты не понят людьми»; ст. 12: «ты – вечный, свободный, могучий»; ст. 14: «как бисер, рассыпаны тучи». См.: СП – I. С. 80.

²⁸² Впервые опубликовано: Андрей Белый. Золото в лазури. С. 256. Варианты – строфа I, ст. 2: «видел тебя я во сне?..»; строфа III, ст. 3: «Благословляя тебя». См.: СП – I. С. 174.

его, а он выйдет, вероятно, в конце ноября, в начале декабря. Обещает быть интересным: со статьями Розанова «Жизнь и религия», Перцова «О новых путях», Мережковского «Судьба Гоголя» и т. д. и главное с отчетами религиозно-философского общества. «О Лествице» не могу: надо бранить, а бранить неловко... Недавно посетил Николая Карловича: много наслаждался игрою, он был настолько любезен, что играл для нас с Алексеем Сергеевичем. Я совершенно влюблен в его музыку, так что даже хвалить... *совестно* (что тут хвалить?)... 1-ая пьеса 2-го альбома произвела на меня *неизгладимое* впечатление, едва ли не такое же, как и соната. Высший покой, высшая тишина, где уже ничего нет, кроме... водопадов Вечности (пропел петух – пахло старинным) и чаяния... *слишком чаяния* смягчены, не назойливы... Бывают минуты (а со мной теперь происходит нечто подобное) <На этом текст обрывается.>

9. Белый – Метнеру

23 ноября 1902 г. Москва

Москва. 1902 года ноября 23.

Многоуважаемый Эмилий Карлович,

пишу Вам на этот раз сухо, деловито. Статью о Ницше я написал, но переписывать нет времени²⁸³. Один хороший знакомый сказал, что слишком серьезно, «в» умно. Есть у меня старая статья: «Интеллигенция и Церковь». Ее хочу я послать: мне важно к Рождеству, чтобы было напечатано. Статья внешняя, не «оттуда», но и не сухая. Быть может, годится. Но я не решаюсь послать ее сам: а вдруг это *совсем не то*... Посылаю ее Вам: Вы решите. Если она годится, я очень прошу Вас, – пошлите... Если же нет, зашвырните: не присылайте обратно, не нужна она мне²⁸⁴.

Далее: псевдоним А. Белый не годится. Пусть будет *Старый*... Или все равно... Во-вторых (и это между нами, конечно) я собираюсь до Рождества послать еще статью... хлеба ради. Мне ужасно важно, чтобы в случае напечатания мне заплатили (все равно сколько). Поэтому сообщаю свой адрес: Москва. Арбат, д<ом> Богдановой. Кв. № 11. Борису Николаевичу Бугаеву. В-третьих (это *тоже* между нами): *Самый удобный адрес мой следующий: Импер<аторский> Моск<овский> Университет в химическую лабораторию, швейцару лаборатории с передачей Б. Н. Б.*

---

²⁸³ См. п. 8, примеч. 1. Статья Белого о книге Г. Файгингера не была опубликована и, видимо, не сохранилась.

²⁸⁴ Статья Белого «Интеллигенция и Церковь» (По поводу доклада В. А. Тернавцева, читанного на первом заседании Религиозно-философского общества) была опубликована в двух номерах газеты «Приднепровский Край» (1902. № 1680, 16 декабря; № 1682, 18 декабря. Подпись: Б. В – ев – явно ошибочное воспроизведение авторской псевдонимной подписи Б. В – ев (т. е. Б. Бугаев) или Б. Н – ев, предполагавшей расшифровку «Борис Николаев», достаточно прозрачную для идентификации с настоящим именем и отчеством автора). См.: Затерянная статья Андрея Белого / Предисл. и публ. А. В. Лаврова // *Studia slavica* (Budapest). 1988. Т. XXXIV. С. 223–235; Лавров А. В. Андрей Белый. Разыскания и этюды. М., 2007. С. 335–350. Своевременно о публикации статьи не были оповещены ни Белый, ни Метнер. 17 февраля 1903 г. Ф. А. Духовецкий отвечал на запрос Метнера: «Дело в том, что Вы очевидно проглядели статью Бугаева. Она у меня напечатана до Нового Года <...>» (РГБ. Ф. 167. Карт. 14. Ед. хр. 8). 4 марта 1903 г. Метнер писал А. С. Петровскому: «Оказалось, что моя заметка о *Новом Пути* и статья Бугаева (Б. Н – ев) о Тернавцеве как раз прошли в тех номерах, которые я не получил. Все это обнаружилось на днях. Как только получу гонорар, перешлю его Бугаеву» (РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 7).

Простите за сухость тона. Скоро напишу Вам. Жду письма.

Остаюсь глубокопреданный Борис Бугаев.

Р. S. Мое уважение Анне Михайловне²⁸⁵.

РГБ. Ф. 167. Карт. 1. Ед. хр. 3. Помета красным карандашом: «Ш».

10. Белый – Метнеру

30 ноября 1902 г. Москва

Москва. 1902 года. Ноября 30.

Многоуважаемый и близкий мне Эмилий Карлович,

Пользуюсь свободным временем, чтобы побеседовать с Вами. Мне приятно Вам писать о том, на что я лишь косвенно намекал Вам – *подавал знак* (не знаю, поняли <ли> Вы его). Буду говорить, как будто я вижу Вас лицом к лицу; как будто нет пространства. Мой внутренний путь каким-то странным образом слагается в сторону теософии; определяю ближе теософию эту, не как теософию вообще, а как *теософию волюнтаризма*, отличную и от теософии в сторону теургии, и от теургии в сторону теософии. Это как бы равнодействующая между теософией и теургией – все тот же узел между символическим и «*воплощенным*», перемещающийся в сторону символического с объективацией этого «*воплощенного*» (теургического) на степень идеи. Ясно ли?..

Всевозможные «*чаяния*», возлагаемые мною на современность, начинают принимать все более и более идеальный характер: объективируются во мне самом, выделяются в особое я – обитающее «там», «*по ту сторону всякого конца*» – в старом... (Посмотришь в окно – всё домишки да мужичишки... Вот идет полковник; у него блистает эполета... «*И всё*»... «*И – старое*»... Как близко это открывающееся зрению, это – «там»... Близко и мягко: точно на пуховых подушках.) Чего желать и к чему стремиться, когда в душе исполнилось «*все*», разыгралось все до конца, *о-кон-ча-тель-но*: растворились царские двери, пропустили меня куда-то и бесповоротно захлопнулись, совершилось отделение моего «*самого главного*», «*духовного*» от душевно-телесного, которое навсегда *здесь*...

И вот когда все цвета спектра после «7» слились в *белый луч* сверкнувшего солнца, начинается область, по отношению к которой сама белизна – кожа; «*это*» состояние я символически называю о «8» -м. И невольно повторяешь за Давидом слова 8-го псалма: «Не много Ты умалил его (человека) пред ангелами...»²⁸⁶ Вот тут-то я начинаю постигать грандиозную истину, заключающуюся в теософской схеме о разнице в нашем существе между личным (конечным, феноменальным) и индивидуальным (вечным, неразрушимо проходящим сквозь *все* перевоплощения). Сознав это духовным опытом, не остается ничего иного, кроме опытных стараний поставить личность под непосредственный контроль индивидуальности: Слить то, что лежит за «7» -ю цветами, с тем, что лежит до этих цветов – слить суровую *бесцветность* вечного небытия с мягкой бесцветностью от избытка, так чтобы хаос ультра-<кра>сного (черного) наполнился ультра-фиолетовым (черным же, но по-иному). Тогда не останется никаких нетерпеливых ожиданий, или, верней, *всё*, оставшись, мягко притаится у сердца – и вот заглянешь в окно:

---

²⁸⁵ А. М. Метнер.

²⁸⁶ Пс. 8: 6.

«Всё домишки, всё мужичишки; вот идет господин и кланяется с проходящим полковником: у полковника блестит эполета, а у прохожего – сверкнувшая лысина... „И всё“... И старинное, мягкое, теплое, и „Я и Отец – одно“...»²⁸⁷

Путь к этому длинный... 1) Надо сперва «вообще» «увидеть» (общебанальные «видения» дыр и провалов или популярно-доступное преддверие к нашему пути у Метерлинка в его «тишине» и т. д.).

2) «Увидев», ужасаешься (признак, что начинаешь приближаться к *первой* цветности спектра, к огненно-кроваво-красному: это «око» сквозит сквозь мрак пессимизма: сюда апокалиптическая мертвенность, дымка, подозрительные мещане (Достоевский)).

3) Мучительно-бредовое горение багряницы страданий (бунт Карамазова, «*вверх пятами*»²⁸⁸, о «моральных проблемах», некоторые стороны Ницше в «Заратустре» и «Веселой науке»...²⁸⁹ «Бог есть огонь поедающий»...²⁹⁰ «Мысль о конце», «о всеобщем пожаре»).

4) Розовые стадии. Церковь, как Небесная Невеста, София, Душа Мира, влюбленность в конец... Уже белые просветы, Благовещение – благая весть о том, что гибельный рубеж внутренних созерцаний и срывов пройден.

5) Сумеречная область, где *розовое* переходит в белое... Тихое успокоение... Счастливое ожидание.

6) Белый момент «*как снежное серебро*», но оно тает сейчас же и, тая, сквозит голубым.

7) Еще более краткий момент *голубого*, не просто голубого, а углубленного белым – остатки талого снега, но они тают и –

8) Старинно[бесцветное], возвращение к 1-ой стадии бесцветности, возвращение, вносящее в это бесцветное всю сумму потенциально накопленного (прошлое не умирает) пережитого.

А кругом этой лестницы из 8 ступеней – желтошафранные волны болотных испарений²⁹¹; когда оступаешься на ступенях, попадаешь в эту трясику ужаса, так что существует единственный путь по этой лестнице, а то – заблудишься.

И раньше бывают ощущения невидимой близости, но встреча с Господом происходит, как я это недавно узнал от мужа Олениной-д'Альгейм²⁹² (глубоким каббал<истом> и теос<офом>²⁹³) не при «7» (белое) и даже не при восьми, а при переходе от 9 к 10, т. е. к 1 <?>.

Если числа обозначают психологические ступени переживаний, внутренние восхождения духа от себя к Богу, то «*всё*» нами переживаемое, и именуемое, символически обозначаемое, непонятно, условно, временно: мы должны прийти к *девяти*. *Девять* окончательно осветит нам тот путь, в который мы пустились от мира, и «*всё*» просветится единым окончательным светом.

Итак, пока мы понимаем друг друга условно (мы *не* знаем, о том ли перестукиваемся и перекрикиваемся из-за бесконечности, ибо между каждым человеком и другим – бесконечность), но да не смутимся: посохи в руки – и в путь, в путь: к «9» – ти! Да хранит Вас Господь!..

²⁸⁷ Ин. 10: 30.

²⁸⁸ Слова Дмитрия Карамазова («Братья Карамазовы», ч. 1, кн. 3, гл. III): «...если уж полечу в бездну, то так-таки прямо, головой вниз и вверх пятами <...>» (Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1976. Т. 14. С. 99). Ср. заглавие гл. V той же книги романа: «Исповедь горячего сердца. „Вверх пятами“» (Там же. С. 106).

²⁸⁹ «Веселая наука („la gaya scienza“») («Die froehliche Wissenschaft», 1882) – книга Ф. Ницше.

²⁹⁰ Втор. 4: 24 («Ибо Господь, Бог твой, есть огонь поедающий, Бог ревнитель»).

²⁹¹ Ср. признания А. С. Петровского в письме к Э. К. Метнеру от 6 января 1903 г.: «Мне вот тоже всё снятся метерлиновские ужасы: „кто-то за дверью“, „кто-то за окном“ и т. д. Я уже давно пережил эту стадию и сознательно, наяву давно уже ничего этого не боюсь, да и во сне давно перестал видеть. А теперь вот опять пошли и у Бугаева тоже. Это „желтые испарения астрального болота“, мерзость, которую надо побеждать. А лучше проходить мимо. Только хорошо это говорить. Вспоминайте в такие минуты старца Серафима» (РГБ. Ф. 167. Карг. 16. Ед. хр. 26).

²⁹² Барон Пьер (Петр Иванович) д'Альгейм.

²⁹³ Так в автографе.

*Остаюсь глубокопреданный и любящий
Борис Бугаев.*

Р. S. Мой глубокий привет и уважение Анне Михайловне²⁹⁴.

Что касается «Нового Пути», то отдельных книжек продаваться не будет: нужно записаться: посылаю Вам адрес «Нового Пути»: Контора и редакция: С. Петербург, Невский 88. Литературная Книжная Лавка.

Цена за подписку с пересылкой за год 7 рубл<ей>. Советую записаться *только на ½ года* (4 р.) (Дальше – сомнительно существ<ование> журнала.)

Спасибо за отсылку статьи Духовецкому²⁹⁵.

Р. Р. S. Считаю нужным присоединить к сказанному выше два важных знания у теософов.

1) Низшие ступени *астральной области* окутаны клубами туманных испарений, по воззрению совр<еменных> теософов, так что нужно опытное руководство для прохождения этих ступеней. (См.: мою формулировку: «*желтошафранное*»). Русские, по мнению Ледбитера, Безант и др., очень *подвинуты в знаниях* и способны, но им нужно помочь в *астральном* (каждый человек имеет, по теософии, как бы 4 оболочки: тело физическое, астральное, мысленное и «*causale*», т. <е.> причинное: как только человек *впервые* прозревает, он видит из *астрального*, а низшие ступени *астрального* в *тумане*; отсюда опять-таки понятен мой личный опыт о дымке, ужасе, мертвенности «*оттуда*»; этот мой опыт санкционирован и теософскими эзотерическими теориями; слова Ледбитера: «*России нужно помочь теперь в астральном*» – получают вещий смысл, если Вы вспомните совр<еменное> положение дел и тучу, надвинувшуюся над нашей страной... Эту тучу, между прочим, видит и бар<он> д'Альгейм, заехавший налётом.

2) Путь от личного к индивидуальному, путь к различению личного от индивидуального или, по-моему: путь от 1 к 8-ми был путь к первому посвящению в *мудрость* у египетских жрецов в их мистериях. Включал ли этот путь выше перечисленные стадии (Душа Мира, дымка и т. д.) во всей их совокупности или нет – не знаю, но во всяком случае, придя к «*восьмому*», можно наверное знать, что *первое посвящение* совершилось.

Бессознательное *знание* акта посвящения в мудрость – вневременное, вненародное таинство, оставляющее в душе неизгладимую печать.

Не относится ли банально называемая «*трагедия Ницше*» к нежеланию отделить личное от индивидуального; Ницше индивидуально белый только лично, временно *очернился*... Его отрицание морали не относится ли к «*этому*», не прилежит ли все это к «*одному*»? Как Вы думаете?..

Итак до свиданья. Жду письма.

РГБ. Ф. 167. Карт. 1. Ед. хр. 4. Помета красным карандашом: «IV».

11. Метнер – Белому

3 декабря 1902 г. Нижний Новгород

Н. Новгород 3 декабря 1902 года.

---

²⁹⁴ А. М. Метнер.

²⁹⁵ См. п. 9, примеч. 2.

Получил Ваше письмо от 30 н<оября> и, хотя я в долгу у отца, Коли²⁹⁶, которые тоже писали мне и до сих пор не получили ответа, я пишу Вам, дорогой мой Борис Николаевич, не с тем, чтобы скорее ответить Вам на Ваши письма, в особенности на последнее, в котором я еще порядком и не разобрался, а чтобы не забыть Вам передать кое-что из своих переживаний... Вы ничего не знаете о моих отношениях к Анюте²⁹⁷, которую я знаю с 1895 года, а сблизился с 1898 года... Если бы Вы знали, то, конечно, удивились бы, что я за последние 1½ недели 3 раза испытывал в промежутках между закатами (*фиолетово*²⁹⁸ -красными) и восходом *полной* луны настроение необычайно нудное, тяжелое, давящее и явно *не* феноменальное (ибо 1) без удушья и 2) не было сходства с тем состоянием *удрученности*, которое обыкновенно предшествует удушью); Анюта, которая всегда способна, если не снять совсем, то облегчить тяжесть моего самочувствия – тут ничего не смогла сделать. Настроение это проходило само собою вдруг, и после него я не ощущал никакой слабости, никакого *физического* следа. Настроение это в более легкой степени я испытывал и раньше, но смешивал до сих пор его с другими, внешне похожими на него. В последний раз оно навестило меня в особенности сильно в позапрошлый вечер. Я с глухим тупым отчаянием лег в постель, взял Заратустру и по совершенно роковой случайности (?) раскрыл след<ующее> место; да! я забыл сказать, что луна (должно быть, это было полнолуние) светила нестерпимо зловеще и освещала «домишки и мужичишек», и на луну, сидя посреди улицы, выла собака; представьте мою радость (и ужас Анюты), когда я нечаянно раскрыл след<ующее> место Заратустры: «Da ploetzlich, hoerte ich einen Hund nahe heulen. <...> Und als ich wieder so heulen hoerte, da erbarmte es mich abermals». Часть третья, глава вторая Vom Gesicht und Raethsel²⁹⁹. – Как только прочел я это место, мне стало сразу легко, хотя и не менее страшно, и я вспомнил следующее стихотворение Гёте (аналогичное лесной тиши Беклина³⁰⁰): «Meerestille»:

Tiefe Stille herrscht im Wasser,
Ohne Regung ruht das Meer,
Und bekummert sieht der Schiffer
Glatte Fläche ringsumher Это умеет
Keine Luft von keiner Seite! дать Никиш.
Todesstille furchterlich!
In der ungeheuern Weite
Reget keine Welle sich³⁰¹.

...Собака перестала лаять...

Я так оглушен событиями, что все еще не в состоянии углубиться во что-нибудь намеренно и сознательно. Мое назначение, женитьба, отъезд, устройство и, наконец, встреча с Гофманом и его встреча с Колей, его отзыв о Колиной сонате, *как о самом крупном произведении всей музыкальной литературы последнего времени*³⁰², – все это я еще не переварил, не перера-

²⁹⁶ Н. К. Метнер.

²⁹⁷ А. М. Метнер.

²⁹⁸ Вписано сверху: сиренево

²⁹⁹ «Так говорил Заратустра», ч. 3, «О призраке и загадке», 2. В переводе Ю. М. Антоновского: «И вдруг вблизи услышал я вой собаки. <...> И когда я опять услышал этот вой, я вновь почувствовал жалость» (*Ницше*. Т. 2. С. 113).

³⁰⁰ Подразумевается цикл из трех живописных полотен Арнольда Бёклина («Schweigen im Walde», 1898–1899).

³⁰¹ Стихотворение «Морская тишь» (1795). В переводе М. Л. Михайлова: Тишь глубокая над морем, Недвижимо лоно вод, –И на гладь морскую смотрит, Озабочен, мореход. Хоть одно бы дуновенье Среди мертвой тишины! Хоть бы где в дали безбрежной Показался всплеск волны! (Михайлов М. Л. Собрание стихотворений. Л., 1969. С. 195 («Библиотека поэта». Большая серия)).

³⁰² См. примеч. 8 к п. 7. Речь идет о сонате для фортепиано f-moll (ор. 5) Н. Метнера. В письме к Э. Метнеру от 28 ноября 1902 г. К. П. Метнер сообщал о визите Н. Метнера к И. Гофману (27 ноября): «Он пошел к нему в 4 часа и вернулся в 6½

ботал и потому прошу извинить меня, что не касаюсь пока тех важных вопросов, какие затронуты Вами в Ваших письмах; не смущайтесь этим и продолжайте писать мне, как только что Вам придет в голову... Скажу только: не усугубляйте в себе того опасного любопытства, которое сквозит в Вашем последнем письме; не подталкивайте его каббалистическими баронами; пусть оно *шаг за шагом* приведет Вас туда, куда Вам суждено прийти; *не перепрыгивайте!!* Стихотворения мне очень нравятся³⁰³; а Аня прямо в восторге от них и шлет Вам искренний привет. «Немецки-подмигивающее»³⁰⁴ написано как будто в параллель следующей композиции брата:

Вот что я «узнал» в этом стихотворении; быть может, Вы ждали, что я еще что-то узнаю, ибо подчеркнули «Довольно, довольно», «засмеялся невольно», «несите меня, мои ноги, домой, заждались меня дома»; тогда объясните... «Утешение» – лучшее из трех; не нравится мне только рифма «*людьми́ сер – как бисер*» – слишком изысканно! Обязательно переделайте этот стих³⁰⁵. Вот и все, что я пока могу Вам написать. Пора кончать. Покажите Коле эти три нотные строчки; он сыграет Вам эту вещь... Сохраняйте, если Вам не трудно, мои письма; это необходимо для меня. Я люблю «наводить справки». Я, конечно, храню Ваши. До свиданья, дорогой мой, мой милый Борис Николаевич.

Ваш Э. Метнер.

РГБ. Ф. 167. Карм. 4. Ед. хр. 7.

Ответ на п. 10.

12. Белый – Метнеру

11 декабря 1902 г. Москва

1902 года. 11 декабря. Москва.

Многоуважаемый и дорогой мне Эмилий Карлович!

Несказанно рад был получить Ваше письмо. С большим сожалением прочел о «*нуменальной*» тягости, которую Вы испытывали. Знаю ее. Знаю *многое* о полной луне, когда она «*как глыба раскаленного металла*» показывается на зловеще тяжелом, *хотя и безоблачном* горизонте. Знаю *луну*, потому что одно время слишком часто обращался к ней – за *помощью*; одно

часов в чрезвычайно радужном настроении. Гофман сперва с ним беседовал, то на немецком, то на русском языке, угостил его чаем. «...» Коля сыграл ему свою Сонату «...» когда Коля кончил, то он его попросил сыграть Сонату еще два раза, слушал с большим вниманием и, наконец, выразил свое полнейшее восхищение этим произведением «...» он «...» вправе сказать, что Колина Соната представляет собою самое значительное явление из всех знакомых ему современных фортепианных пьес. «...» Он хвалил Сонату чрезвычайно: „Sie ist wie aus einem Guß“ «„Она отлита из одного куска“» – было его характерное изречение» (примечания З. А. Апетян в кн.: *Мемуар.* С. 41–42).

³⁰³ Подразумеваются стихотворения Белого, посланные при п. 8.

³⁰⁴ Авторская характеристика стихотворения «В дремучем лесу ветер злился...» (см. п. 8).

³⁰⁵ Белый последовал совету Метнера (см. примеч. 20 к п. 8).

время (года два тому назад) я был лунатиком. Я затворял свою комнату. Я опьянялся луной. *Разговаривал*. Результаты были печальны. С остатками этого всего я считаюсь и теперь. Я боюсь луну, когда она полная, хотя в полнолуние испытываю прилив бодрости (и почти всегда забываю о полнолунии, когда спрашиваю себя: «Почему я весел? Ах, – *полнолуние*...»); когда же она на ущербе, что-то гнетет меня. Что-то недоброе связывает меня *еще даже и теперь* с луной, хотя я делаю вид, что не причем, а она (луна) мне подмигивает: «А помнишь старое наше знакомство? Старого не выкинешь... Мы – два заговорщика, а в чем наш заговор – не скажу...»

В последнее время заговорили о лунатизме, об астартизме; внесли *все это* в вопросы религиозные. Я молчу и пугаюсь... Значит, неспроста все мы *кое-что знаем о луне*?.. Самый главный ужас заключается иногда в том, что вдруг 2-ая тема Вашего брата³⁰⁶ зазвучит для иных *лунностью, лунатизмом*... Это – ужас. Ужас двойника второй темы. Если 2-ая тема Вашего брата – мировая, то и двойник, *прикинувшийся*, тоже мировой. Если 2-ая тема – розовость, восхищает зорью, то двойник ее, *прикинувшись*, внезапно ужасает *луною*. Собаки более чутки: «*den Hunde glauben an Diebe und Gespenster*»...³⁰⁷ О, я прекрасно понимаю Ваше настроение, как будто сам испытал его.

В довершение о луне позвольте привести один отрывок из моей 4-ой симфонии, где для меня самого выражено мое личное теперешнее отношение к луне.

«1. Деревянные кресты торчали из-за блеклых трав. Ущербная луна пронизала ночь воздушной зеленью.

2. Он склонился на ее могиле, обнимая памятник. Одежда его казалась матово-черной от луны.

3. Он тихо плакал, а над ним распахнулись бездонные объятья, наполненные зеленым трепетом.

4. Он шептал, прижавшись к кресту: „Воскресни, родная“.

5. Встал над могилой. Поднял руку, совершая пассы. Воскрешал, пронизанный лунным могуществом...

6. И вот *Она* стояла над своей могилой – тонкая, бледная. Глядела на него и дружески, и чуждо.

7. Но Андрей испугался, шепча: „Это не она: это – Астарта“...»³⁰⁸

Но довольно о *луне*...

Дорогой Эмилий Карлович, спасибо за теплое участие ко мне; Вы предупреждаете меня об опасности любопытства, подталкиваемого каббалистическими баронами. Стараюсь не перепрыгнуть. Не думаю, чтобы со мной *это случилось*. Я всегда жду, когда «*оно*» само ко мне приходит и дается легко. Вот почему при всех моих безумствах и дикостях (быть может, кажущихся) я в высшей степени уравновешен, счастлив и спокоен. Я подписываюсь под словами Ницше о *любви к року*...³⁰⁹ Это мое самое отдаленное (с детства) «*знание*», самое постоянное, не раз спасавшее меня. Я сам никуда не пойду. В «*нуменальном*» я не хожу: меня «*возят*» люди добрые. Я передвигаюсь самочинно только по улицам Москвы...

Вот почему у меня есть путь, свой, определенный... В «*нуменальном*» невозможно *пути от себя*, а только от *других*... Иначе заблудишься, завязнешь, сойдешь с ума. Сумасшествие – нераспутанный клубок всех ступеней «*знания*», ералаш из всех ступеней внутренних переживаний, закопченный желто-шафранными испарениями; сумасшествие бывает почти всегда

³⁰⁶ Подразумевается Соната f-moll (ор. 5) Н. Метнера.

³⁰⁷ Цитата из «Так говорил Заратустра» (ч. 3, «О призраке и загадке», 2). В переводе Ю. М. Антоновского: «собаки верят в воров и призраков» (*Ницше*. Т. 2. С. 113).

³⁰⁸ С приведенным фрагментом отчасти соотносится фрагмент («Они пришли к одинокому деревянному кресту...») из 2-й части, опубликованной в составе «Отрывков из 4-й симфонии». См.: *Симфонии*. С. 372.

³⁰⁹ Amor fati (*лат.*) – выражение Ф. Ницше: «Amor fati: пусть это будет отныне моей любовью!» («Веселая наука», 4-я кн., фрагмент 276). См.: *Ницше*. Т. 1. С. 624.

от неумения выразить свое собственное отношение к переживаниям; если есть *контроль над самим собой* – нет ничего страшного. Со мной бывали примеры забавные: я, как Вы знаете, самый *не страшный* из людей, *саавсеем* не страшный... А мне случалось, *шутя*, ужасать людей, которые из ужасов *переживаний* сделали себе несчастное *profession de foi*³¹⁰, причем сам не покидал своей позиции «*уравновешенности в нумеральном*»...

Представьте себе: об отзыве Гофмана о сонате Николая Карловича *я впервые узнал от Вас*, хотя за это время видался с Николаем Карловичем. Вы не можете представить, до чего мне было приятно узнать подробности от Карла Петровича³¹¹. Да, *самое интимное* для меня вложено в этой сонате... И вот – она объявлена лучшим музыкальным произведением всей литературы. Об отзыве Рахманинова Вы, конечно, знаете...³¹²

Я как-то лично горжусь Вашим братом...

Предвкушаю удовольствие услышать Николая Карловича в концерте 13-го: тройное удовольствие 1) игра Вашего брата, 2) аккомпанемент Никиша, 3) концерт Чайковского³¹³.

Вообще нас, москвичей, балуют это полугодие 1) Никиш, 2) Гофман (нечто невероятное *по отчетливости выражаемых глубин*), 3) Оленина. О последней я не мог удержаться, чтобы не послать заметки в «*Мир Искусства*», написав нечто «*дичайшее*», так что даже Дягилев (Брюсов передавал) ужасался, хотя и поместил (она идет в следующем №)³¹⁴.

...В заключение я позволю себе привести здесь два своих последних стихотворения: что Вы о них скажете? (Меня в последнее время интересует *ужас среди голубого дня*. Оба стихотворения разрабатывают, кажется, именно это *одно...*)

Встреча

Янтарный луч озолотил пещеры.
Я узнаю тебя, мой друг старинный.
Пусть между нами ряд столетий длинный –
В моей душе так много детской веры.

Из тьмы идешь, смеясь: «*Опять свобода,
Опять весна и та же радость снится...*»
Суровый гном, весь в огненном, у входа
В бессильной злобе на тебя косится.

Вот мы стоим, друг другу улыбаясь...
Мы смущены всё тем <же> тихим зовом.
С тревожным визгом ласточки, купаясь,
В эфире тонут бледнобирюзовом.

³¹⁰ Исповедание веры (*фр.*).

³¹¹ К. П. Метнер, видимо, сообщил Белому те сведения о встрече Н. Метнера с И. Гофманом, которые содержатся в его письме к Э. Метнеру от 28 ноября 1902 г. (см. примеч. 6 к п. 11).

³¹² 6 декабря 1902 г. К. П. Метнер писал Э. Метнеру: «...Весть о его <Н. Метнера. – *Ред.*> Сонате уже успела распространиться, и вчера Рахманинов попросил Колю познакомить его с ней. Нынче вечером Коля приглашен для этой цели к Рахманинову» (примечания З. А. Апетян в кн.: *Метнер*. С. 42).

³¹³ 13 декабря 1902 г. в Большом зале Московской консерватории состоялся симфонический концерт под управлением А. Никиша, данный в пользу Общества вспомоществования учащимся Строгановского училища; Н. К. Метнер исполнил Концерт b-moll op. 23 П. И. Чайковского. См. об этом в письме К. П. Метнера к Э. Метнеру от 24 декабря 1902 г. (Там же. С. 46).

³¹⁴ Имеется в виду лирический этюд, навеянный впечатлениями от выступлений М. А. Олениной-д'Альгейм, – статья «Певница» (*Мир Искусства*. 1902. № 11. С. 302–304).

О этот крик из бездн, всегда родимый!
О друг, молчи, не говори со мною:
Я вспомнил вновь завет ненарушимый,
Волной омыт воздушно-голубою.

...

Вскочил, стуча ногой о крышку гроба,
Кровавый карлик с мертвенным лицом.
«Все улетит. Все пронесется сном.
Вернетесь вы в свои могилы оба»...

...

И я проснулся. Старые мечтанья.
Бесцелен сон о пробуждении новом.
Бесцельно жду какого-то свиданья.
Касатки тонут в небе бирюзовом.

1902 года. Ноябрь³¹⁵.

Уж этот сон мне снился...

На бледнобелый мрамор мы склонились.
И отдыхали после долгой бури.
Обрывки туч косматых проносились.
Сияли пьяные куски лазури.
В заливе волны жемчугом разбились.

Ты грезила. Прохладой отдувало
Сквозное золото волос душистых.
В волнах далеких солнце утопало.
В слезах вечерних, бледнозолотистых
Твое лицо искрилось и сияло.

Мы плакали от радости с тобою,
К несбыточному счастью проснувшись...
Среди лазури огненной бедою
Опять к нам шел скелет, блестя косою,
В малиновую тогу запахнувшись.

Опять пришел он. Над тобой склонился.
Опять схватил тебя рукой костлявой.
Тут ряд годов передо мной открылся...
Я закричал: «*Уж этот сон мне снился*»...
Скелет веселый мне кивнул лукаво...

---

³¹⁵ Опубликовано в «Альманахе книгоиздательства „Гриф“» (М., 1903. С. 46–47) под заглавием «Старинный друг» в цикле «Возврат»; вошло в книгу Белого «Золото в лазури» (М., 1904) как 2-я часть стихотворного цикла «Старинный друг», посвященного Э. К. Метнеру; незначительные варианты. См.: *СП – I*. С. 138, 530.

И ты *опять* пошла за ним в молчанье.
За холм скрываясь, на меня взглянула,
Сказав: «Прощай, до *нового свиданья*...»
И лишь коса в звенящем трепетанье
Из-за холма, как молния, блеснула.

У ног моих вал жемчугом разбился.
Сияло море пьяное лазури.
Туманный клочок в лазури проносился.
На бледнобелый мрамор я склонился
И горевал, прося грозы и бури...

Да, этот сон когда-то мне уж снился.

*1902 года. Декабрь*³¹⁶.

– Есть ли тут «*немецки-подмигивающее*» и «*не гейневское*»?..

Недавно вышла новая скорпионовская книжка «*Драма Жизни*» Кнута Гамсуна³¹⁷. Очень советую Вам прочесть. Едва ли она не лучшее, что появлялось у нас за последние года в России, кроме «*Пана*», «*Когда мы мертвые пробуждаемся*» и «*Михаила Крамера*»³¹⁸. Не знаю, быть может я вообще слишком очарован Гамсуном, – но «*Драма Жизни*» произвела на меня редкое впечатление³¹⁹. Я как-то уж давно не увлекался ничем (да и можно ли чем-нибудь увлекаться в драматической литературе после Ибсена), даже мало читал (невозможно читать «*маленьких великих людей*», вроде Артура Шницлера, Теодора Винклера (быть может, есть и такой)³²⁰ и К^о). И вот с недоумением пережил редкое художественное наслаждение. Очень советую приобрести «*Драму Жизни*»... Далее: пожалуйста, если можно, советуйте новгородцам выписывать «*Новый Путь*», у которого всего 102 подписчика³²¹: я пока здесь стараюсь пропагандировать, где можно. От количества подписчиков будет зависеть судьба «*журнала*»...

Кстати о Мережковских: относительно них что-то решается или они *что-то решают*... В будущем Мережковскому грозит отлучение, или... или?.. *Сойти на нет* – не думаю, чтобы они были на это способны... Вообще церковь «*начинает их узнавать*»... Иногда мучительно тревожусь за них, потому что люблю их, как людей... В образе Д. С. есть «*при всем*» что-то, напоминающее «*рыцаря печального образа*»³²² и невольно располагающее, а в образе виденных

³¹⁶ Опубликовано в «Альманахе книгоиздательства „Гриф“» (С. 47–48) в цикле «Возврат»; вошло в книгу Белого «Золото в лазури» с посвящением А. П. Печковскому. См.: *СП – I*. С. 143–144.

³¹⁷ Имеется в виду кн.: *Гамсун Кнут. Драма жизни* / Пер. с норв. С. А. Полякова. М.: Скорпион, 1902.

³¹⁸ См. примеч. 5 к п. 7. Последняя драма Генрика Ибсена «Когда мы, мертвые, пробуждаемся» (1899) была выпущена двумя изданиями («Когда мы, мертвые, проснемся». М., 1900) издательством «Скорпион» в переводе с норвежского Ю. К. Балтрушайтиса и С. А. Полякова, поставлена в ноябре 1900 г. Московским Художественным театром. Драма Гергарта Гауптмана «Михаэль Крамер» (1900; рус. пер.: <СПб.>, 1901) была поставлена в октябре 1901 г. Московским Художественным театром. См. отзывы Белого об этой драме и ее постановке в его дневниковых записях (*Лавров А. В.* Юношеские дневниковые заметки Андрея Белого // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1979. Л., 1980. С. 124, 129–130).

³¹⁹ Белый написал рецензию на упомянутое выше издание «Драмы жизни» Гамсуна; см.: *Новый Путь*. 1903. № 2. С. 170–172.

³²⁰ Известен немецкий писатель Карл Готтфрид Теодор Винклер (Winkler; псевдоним – Теодор Гель, Hell; 1775–1856), автор стихотворений и драматических произведений, издатель сочинений композитора К. М. Вебера; нет уверенности, однако, что Белый здесь подразумевает именно его.

³²¹ Общая величина подписки на «Новый Путь» в 1903 г. – 2558 платных подписчиков; из них на Петербург приходилось 445, на Москву – 247 (*Максимов Д.* «Новый Путь» // Евгеньев-Максимов В., Максимов Д. Из прошлого русской журналистики. Статьи и материалы. Л., 1930. С. 165–166).

³²² «Рыцарь Печального Образа» – прозвище, которым наделяет Дон Кихота Санчо Панса в гл. XIX романа. См.: *Сервантес*

мною на собрании у Л. А. Тихомирова представителей духовенства при всем моем априорном расположении к духовенству я узнал только пустоту, увитую догматическими пеленами. Л. А. Тихомиров читал доклад об учреждении патриаршества, а я при всем моем расположении к патриаршеству как-то невольно подумал: «Над чем стараетесь? Для *кого* стараетесь?..» Мне стало грустно от моих невольных мыслей...³²³

Но довольно...

До свиданья. Желаю Вам всего лучшего.

Мое искреннее расположение и глубокий поклон Анне Михайловне³²⁴. Да будет благословение Божие над Вами!

*Остаюсь глубокопреданный и искренне любящий
Борис Бугаев.*

Р. С. Еще вот: почему Вы пишете мне в лабораторию? Мне было бы приятнее, если бы Вы писали на дом. В лаборатории я не всегда бываю. Письмо может залежаться.

Адрес мой: Москва. Арбат, д<ом> Богдановой. Кв. № 11. Б. Н. Бугаеву.

Если я писал про лабораторию, то это относительно «Приднепровского Края»...³²⁵

*РГБ. Ф. 167. Карт. 1. Ед. хр. 5. Помета красным карандашом: «V».
Ответ на п. 11.*

13. Метнер – Белому

26–29 декабря 1902 г. Нижний Новгород

Н. Новгород 26 декабря 1902 г.

С великим праздником, дорогой и близкий мне Борис Николаевич!³²⁶ Надеюсь, что Алексей Сергеевич сообщил Вам содержание моего письма и Вы уже знаете, что я письмо Ваше получил³²⁷ и т. д. и т. д. Теперь и Вы, в свою очередь, что сочтете возможным, – передайте Алексею Сергеевичу. Так скажите ему, что сегодня я был у Назария³²⁸: он в восторге от статьи Льва Александровича³²⁹; вырезал ее и спрятал в своей библиотеке; что именно он говорит – неважно; важнее – принципиальное его согласие с Тихомировым; проистекает ли это согласие от его недалиновидности или недалиновидно объяснять это недалиновидностью, я не берусь судить. Если Вы меня сейчас не понимаете, то спросите Петровского, он разъяснит Вам, а еще... спать хочется.

Сааведра Мигель де. Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский. Т. I. М., 2003. С. 127 («Литературные памятники»).

³²³ Это собрание у Л. А. Тихомирова Белый описал в мемуарах; там среди участников упомянуты В. А. Грингмут, Е. Поселянин (Е. Н. Погожев), профессор А. И. Введенский, М. А. Новоселов, епископ Никон, художник В. М. Васнецов. См.: НВ. С. 161–162.

³²⁴ А. М. Метнер.

³²⁵ См. примеч. 2 к п. 9. Видимо, предлагая вести переписку с редакцией «Приднепровского Края» через университетскую лабораторию, Белый пытался скрыть от своих домашних факт сотрудничества в газете.

³²⁶ Поздравление с Рождеством.

³²⁷ Имеются в виду п. 12 и письмо Э. Метнера к А. С. Петровскому от 23–25 декабря 1902 г. (РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 6).

³²⁸ Митрополит Назарий (в миру Николай Яковлевич Кириллов; 1850–1928) – епископ Нижегородский и Арзамасский в 1901–1910 гг.

³²⁹ Подразумевается статья Л. А. Тихомирова «Запросы жизни и наше церковное управление» (Московские Ведомости. 1902. № 343–345, 13–15 декабря).

27 декабря. Я рассуждаю так: хотя я и *вижу*, что церковь Божья, святотатственной рукой Петра прикованная к подножью «власти суетной земной»³³⁰, избавлена таким образом от третьего соблазна, погубившего католичество, хотя я и *знаю*, что такое положение церкви есть исполнение пророчеств ее судьбы, но *действовать* я обязан против такого положения до последней капли крови, и лишь тогда входит в свои права *amor fati*³³¹. Быть может, во мне говорит энергичная германская кровь. *Валгала* есть прямая противоположность *Нирване*³³², элементов которой так много, к сожалению, в русских.

1) О *Коле* см. письмо Алексея Сергеевича³³³. 2) Андрей Павлович Мельников (сын Печерского) сказал мне, что ему передавали раскольники о Мережковских; Д. С. и З. Н. были, как Вы знаете, «в лесах и горах»³³⁴; их там приняли некоторые старые раскольники за Антихриста и Вавилонскую блудницу. Тот же Мельников рассказал мне, как Мережковский *совсем нечаянно* разыграл Хлестакова: в каком-то селении исправник и другие власти сочли его за какое-то важное лицо, посланное от правительства, и сообразно с этим рассыпались в чрезмерных любезностях; возили его всюду даром на земских лошадях чуть ли не цугом и во всяком случае с эскортом верховых урядников; все это факты, ибо исправник представил счет расходам по приему Д<митрия> С<ергеевича> с супругой³³⁵. Но – между нами! «Во всех нас есть нечто Хлестаковское». 3) Почему бы Вам не прочесть несколько стихотворений Ваших Коле; в особенности *В дремучем лесу* и *Уж этот сон мне снился*³³⁶; оба – немецки-подмигивающие и совсем оригинальные негейневские; последнее (откровенно скажу) лучше гейневских. Аня³³⁷ я знакомлю с Вашими поэтическими произведениями. Она в восторге. 4) Сегодня пришла Ваша карточка³³⁸. Спасибо за неизменную память; «сегодня» – уж 28 декабря. Пока до свидания.

«Странные явления наблюдались в Париже в ночь с (29 на 30) декабря н<ового> ст<и-ля>. Во многих местах вдруг остановились в 1 час 5 мин. пополудни стенные часы с маятниками. Многие люди вдруг почувствовали себя как бы близко к обмороку. В это же время директор парижского центрального метеорологического бюро г. Маскар сказал сотруднику «*Matin*», что не наблюдалось никаких особенных атмосферически перемен, которые могли бы считаться причиной упомянутых странных явлений. Не было также замечено и землетрясения. Последнее из землетрясений (очень слабое) в Париже наблюдалось в 1869 г. Вопрос

³³⁰ Строка из стихотворения А. С. Хомякова «Остров» («Остров пышный, остров чудный...», 1836). См.: Хомяков А. С. Стихотворения и драмы. Л., 1969. С. 107 («Библиотека поэта». Большая серия).

³³¹ См. примеч. 4 к п. 12.

³³² Валгалла (Вальхалла; *древнеисл.* «чертог убитых») – в скандинавской мифологии находящееся на небе жилище павших в бою воинов, небесное царство для избранных. Нирвана (*санскр.*; букв. «угасание») – в буддийской религиозно-мифологической системе наивысшее состояние сознания, состояние свободы, покоя и блаженства.

³³³ Н. Метнер. Подразумевается письмо Э. Метнера к Петровскому от 23–25 декабря 1902 г.

³³⁴ Обыгрываются названия романов П. И. Мельникова (Андрея Печерского) «В лесах» (1875) и «На горах» (1881), описывающих семейно-бытовой уклад старообрядческого Заволжья. Д. С. Мережковский и З. Н. Гиппиус совершили с 15 июня по 8 июля 1902 г. путешествие к местам народного паломничества – на озеро Светлояр (в Нижегородской губернии), скрывающее, по народной легенде, невидимый град Китеж. Очерк Гиппиус об этой поездке («Светлое озеро. Дневник») был опубликован в «Новом Пути» (1904. № 1, 2; вошел в кн.: Гиппиус З. Н. Алый меч. Рассказы. Четвертая книга. СПб.: Изд. М. В. Пирожкова, 1906). См.: Гиппиус З. Н. Собр. соч.: Алый меч. Повести. Рассказы. Стихотворения. М., 2001. С. 312–359. В записи очерка Гиппиус, помеченной 19 июня, упомянут «сын известного заволжского писателя-романиста М., милый, умный, тихий человек, хороший художник. Он хотел ехать с нами, отлично зная „Леса“ и „Горы“, описанные его отцом. Устроив наше завтрашнее отправление – пришел к нам, и мы долго беседовали о лесных жителях Заволжья и о скитском разорении начала прошлого столетия» (Там же. С. 314).

³³⁵ Ср. рассказ Гиппиус о торжественных приемах и увеселениях (30 июня – 3 июля), данных местными властями в честь ее и Мережковского (Там же. С. 348–358).

³³⁶ См. п. 8, примеч. 19, п. 12, примеч. 10.

³³⁷ А. М. Метнер.

³³⁸ Подразумевается фотопортрет Белого.

о причинах нынешнего явления остается таким образом открытым»³³⁹ (?). Волгарь Нижний Новгород № 354 1902 года 26 дек<абря>.

(* *) след<овательно>: старого стиля с 16-го на 17-ое; дорогой Борис Николаевич! Посмотрите в моем письме, где я сообщаю Вам о полнолунии и описываю настроение, приводя выдержку из *Заратустры* и стихи Гёте³⁴⁰; посмотрите, не было ли мое ужасное настроение в описываемую в прилагаемой заметке ночь, когда останавливались часы (Время!) и люди чувствовали себя «как бы» близко к обмороку. Это «как бы» – очень верно передает на обывательском языке нуменальность всего события.

28 декабря. Сегодня я зачеркнул в Нижегородском Листке, тщательно коллекционирующем все известия, могущие подорвать уважение к духовенству, – перепечатку из Волынских Епархиальных Ведомостей циркулярного предложения преосвященного Антония, в котором последний констатирует... впрочем, вот оно, это предложение: «До моего сведения доходит, что весьма многие священники, невзирая на строгое воспрещение епархиального начальства брать водку от прихожан за требы, продолжают допускать такое вопиющее безобразие, кощунственно оправдываясь словами писания: всякое даяние благо. Священный Синод предлагал приходским священникам устраивать общества трезвости, а здесь приходится разбирать дела о беспатентной торговле водкой в доме священника, что, впрочем, и весьма естественно и при составлении коллекции из сороковок и полуштофов за священные и божественные таинства. Да будет же известно подобным недостойным иереям, что на будущее время один *факт* принятия водки в благодарность за требу составит судебное дело и повлечет за собою эпитимию и увольнение с прихода...»³⁴¹ – Ну-с! Что скажете, дорогой Борис Николаевич?? Не правда ли, ужасно! Очевидно, это не единичные случаи, а глубоко укоренившееся зло. Что это такое? Некультурность, бессознательное варварство или сознательное не<го>дядство, вырождение, гниение, мерзость! Не стоит спасать!!

Дорогой Борис Николаевич, на оборотной странице находятся следы наших умственных прогулок в осенние вечера 1902 года³⁴². Вы были на этот раз моим проводником; но покинутый Вами на полдороге, я в направлении, указанном Вами, идти сам дальше не могу; вот почему я не могу судить обо всем парти-де-плезир³⁴³. Будьте любезны, если Вам не трудно, когда Вам будет угодно, возобновите со мною эту прогулку... Вообще пишите мне что хотите, как хотите и сколько хотите; но под одним условием: не обижайтесь, если я не сразу стану на все отвечать Вам. Подробности по поводу этого в письме моем А. С. Петров<скому>³⁴⁴.

28 декабря 1902 года. Боже мой! Дорогие мои, милые... мальчики; я обращаюсь к Вам обоим, телеграфировавшим мне о кончине Егорова!³⁴⁵ Неужели Вы думаете, что Зверев, кото-

³³⁹ Текст в кавычках – типографский набор (гранки газеты «Волгарь»), подчеркивания – красными чернилами.

³⁴⁰ См. п. 11 (от 3 декабря ст. ст.).

³⁴¹ Неточно приведена копия предложения Преосвященнейшего Антония, Епископа Волынского и Житомирского, от 12 ноября 1902 г. за № 707 Консистории для напечатания (Волынские Епархиальные Ведомости. 1902. № 35, 11 декабря. С. 798).

³⁴² На обороте – геометрические схемы с припиской Метнера: Узнаете? Помните?

³⁴³ Partie de plaisir (фр.) – развлечение, увеселение; увеселительная прогулка компаний.

³⁴⁴ Подразумевается письмо от 23–25 декабря 1902 г., в котором Метнер сообщал: «...вообще я получаю слишком много писем, для того чтобы можно было, не затрудняя себя чересчур, отвечать на них своевременно. Кроме того, у меня, как Вы знаете, на днях гостил Коля и я не хотел при нем тратить время на корреспонденцию. Свободно вполне у меня время лишь предобеденное; после обеда, т. е., после 3 часов> д<ня> начинают носить корректуры; в промежутках между чтением корректур я (по средам и субботам) принимаю редакторов, сотрудников, заведующих типографией и т. д. и просматриваю и подписываю отчеты и другие произведения печати, кроме газет; иногда удается и выгадать время (после обеда) для легкого чтения и корреспонденции. <...> Сообщите все это Борису Николаевичу, чтобы он не обижался на меня. Знайте оба, что пространные письма Ваши являются одним из главных моих утешений в изгнании и что они вдвойне будут производить свое действие, если чтение их не будет сопровождаться досадною мыслью о необходимости и в то же время невозможности скоро и столь же пространно отвечать на них».

³⁴⁵ Обращение – к Белому и Петровскому. Цензор Московского цензурного комитета по иностранной цензуре, статский советник Николай Георгиевич Егоров (1839–1902) скончался 25 декабря 1902 г.

рому необходим цензор в Н<ижнем> Новгороде, переведет меня сейчас же на место Егорова. Неужели Вы думаете, что я имею право без разрешения Зверева выехать в Москву. Я не имею права покинуть пост, пока мне не пришлют из Петербурга заместителя; если бы я заболел, то известил бы по телеграфу Зверева, и пока не прибыл бы мой временный заместитель, газеты не выходили бы. Вот как наказывал мне Зверев. Далее: неужели Вы думаете, что меня так скоро повысят и что кроме меня нет ни одного кандидата на место покойного. Да я не решусь даже заговорить об этом со Зверевым, а не только что выехать в Москву. Вот если бы Богу угодно было продлить дни Егорова еще в течение 1½ – 2 лет; тогда другое дело. Но все-таки спасибо Вам за телеграмму: она практически лишняя, но полна глубокого значения для меня: по ней я вижу, как Вы ко мне расположены. Если Вам придет фантазия в голову опять отправить мне подобную депешу, то, ради Ваших кошельков, пишите: *Н. Новгород Цензору Метнеру*.

Адрес для телеграмм: Н. Новгород цензору Метнеру.

29 декабря. Сейчас получил письмо от Коли³⁴⁶; он собирается в Нижний числа 4–5 января... Когда-то Вы с Алексеем Сергеевичем приедете??? У нас, конечно, дело не обошлось без елки, я разумею: у нас в Нижнем; я слишком немец, чтобы лишиться себя Weihnachtsbaum'a³⁴⁷, в усеянной свечами и блестящими игрушками елке есть что-то бесконечно милое, какая-то очаровательная смесь земного с небесным, волшебного с священным. Коля, как Weihnachtskind³⁴⁸ (см. письмо Петровскому)³⁴⁹, конечно, в особенности чувствует поэзию елки. Он, обыкновенно, совсем особенно играет в этот вечер, т. е. 24 дек<абря>; и я глубоко сожалел, что я первый раз в жизни был вне дома родителей в этот вечер... Давно я собираюсь Вас спросить: какое слово следует в стихотворении Блока за словами: меня пугает сонный (?)³⁵⁰. Тут у Вас нечто крайне неразборчивое. Я как-нибудь перечитаю Ваши письма сначала, а то я их только пробежал, а не прочитывал за недосугом. Тогда я кое о чем Вас переспрошу. С своей стороны я буду лишь тогда в состоянии сообщать Вам из области моих умствований, когда несколько успокоюсь от всех неожиданностей последних месяцев и впаду в прежнюю колею своих занятий (конечно, нецензорских), но Вы, не смущаясь, продолжайте писать мне... От редакции «Нового Пути» я получил несколько листов объявлений с просьбой – распространять. Стараюсь. Анята Вам кланяется. Привет Вашим родителям от меня. С новым годом. Да хранит Вас Господь.

Ваш Э. Метнер.

РГБ. Ф. 167. Карт. 4. Ед. хр. 8.

³⁴⁶ Имеется в виду письмо Н. Метнера от 26 декабря 1902 г. (*Метнер*. С. 45–46).

³⁴⁷ Рождественская елка (*нем.*).

³⁴⁸ Рождественский младенец – Иисус (*нем.*).

³⁴⁹ В цитированном выше письме (фрагмент от 24 декабря) Метнер сообщал Петровскому о Н. К. Метнере: «Сегодня день рождения Коли; он родился в сочельник в 8 часов вечера, вследствие чего у нас, помню! в этот день не было елки, за что мы, т. е. я, Каля и Зяська (Соня была еще слишком мала) были в страшной претензии на новорожденного братца. Итак, Коля – Weihnachts-Kind; „надеюсь, что Вы поймете сие событие символически“». (Упомянуты братья Метнера Карл и Александр, а также сестра Софья, в замужестве Сабурова).

³⁵⁰ Подразумевается строка «Меня пугает сонный плен» из стихотворения «Брожу вдоль стен монастыря...» (в окончательном тексте: «Брожу в стенах монастыря...»); список его Белый выслал Метнеру с письмом от 7 августа 1902 г. (см. примеч. 35 к п. 2).

14. Белый – Метнеру

31 декабря 1902 г. – 1 января 1903 г. Москва

Москва. 31 декабря 1902 года.

Многоуважаемый и дорогой Эмилий Карлович!

Вы говорите о том, чтобы я напомнил Вам наш незаконченный осенний разговор, для уяснения которого прибегал к моему любимому методу – графическому. Все это так трудно в письме. Требуется множество звеньев мысли, предшествующих этим схемам, – звеньев мысли философской, исторической, экзотерически-религиозной, гаммы чувств, определенно звучащих. Вся эта совокупность должна быть фиксирована в один намек; психологическая глубина без потенциала пройденных ступеней окажется плоской и мои графические чертежи, опирающиеся на *многое иное*, неумело высказанными, краткими, схоластичными. Вот почему я предваряю эти схемы, заложив минимальный фундамент, чтобы основание нижесказанного опиралось хотя бы на крошечный материал, предшествующий, обычно – мыслимый. С ужасом думаю, сколько мне придется писать, но... героически решаюсь начать *«ab ovo»*³⁵¹.

Буду сперва непомерно скучен, намеренно пошл, чтобы дальнейшие безумия не упали прямо с неба.

Итак...

Следует ясно знать отличие в общеупотребительных понятиях, сферы которых заходят друг к другу настолько, что ими пользуются уже как синонимами. Эти часто лишь внешне-однозначные понятия необходимо прояснить, выяснить себе их объем и содержание. Пусть этот объем и это содержание разнятся от обычных определений – дело не в звуковых обозначениях (они – ярлыки), *дело в отличии их друг от друга*, в резком проведении границ (всякий формальный синтез и заключается в упорядочении взаимных отношений в необработанном материале, т. е. в взаимноограничении). Как скоро ярлычки (обозначения) отстают от обозначаемого – все путается, начинаются бесконечно-фельетонные споры о «народничестве», «марксизме», «либерализме», «консерватизме», «символизме», «декадентстве». Сюда же я отношу путаницу, взаимное слияние общеупотребительных обозначений рассудка, ума, разума, мудрости.

Как скоро центр тяжести перенесен от метафизического определения рассудка, ума, и т. д. (пример – несовпадение этих понятий у Канта и Шопенгауэра) к просто-напросто разграничению главных этапов нашего сознания, снимается ответственность в правильном обозначении «α» – рассудком, а не разумом, «β» – разумом, а не рассудком; важно, чтобы главным ступеням сознания соответствовали бы разные словесные знаки (условно или безусловно, это все равно).

Мне хотелось бы расположить этапы сознания в зависимости от влияния нашей психики на познавательную силу человеческого духа.

1) *Рассудок* заведует механизмом нашей познавательной способности; функция его – вывод из данных оснований неизбежного следствия. Доказательность определяет состоятельность всякого рассудочного положения, причем правильность того, что мы доказываем, является конечным звеном среди ряда умозаключений. Сложность рассудочного механизма дости-

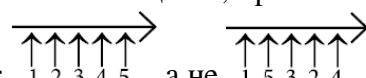
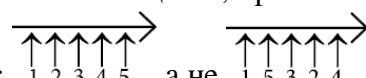
---

³⁵¹ «От яйца», т. е. с самого начала (лат.).

гает там своего формального развития, где мы устанавливаем теоретическую связь какого-нибудь наиконкретнейшего явления с общим принципом (например: когда мы движение неправильного тела связуем с основными тремя принципами движения Ньютона). Тут работа наиболее сложная, наиболее трезвый логический контроль. Логика наиболее чуждается всего личного, конкретного, психологического, проявляется ли она как *диалектика* или теснее, как эристика. О реторике ничего не скажу: реторика не исключительно рассудочна. Рассудок – противоположен, полярен физиологическому ощущению.

• ощущение • рассудок

2) Довольствуясь исключительно правильностью вывода, не обращая внимания на верность оснований, рассудок играет чисто служебную роль. Он ручается лишь за правильность вывода, а не за действительность выведенного. А между тем в умственной деятельности *важно копить* наш багаж знаний, а также *соединять накопленное, ткать наше отношение к действительности*. Важно, чтобы отдельные доказательства, слагаясь в общую *ткань*, пополняли друг друга. Мы нуждаемся в такой форме познавательной способности, которая, сохраняя нам раз выведенные доказательства, контролировала бы их взаимным сопоставлением. *Это – функция ума*. Выбор и контроль требуют личного почина, между тем как логические формы рассудка *абсолютно безличны, мертвенны*. Ум окрашивает умствование. Отдельные доказательства, графически изображаемые ↑↑↑↑↑, обрывочны, пока не связаны, не *сотканы* умом

↑↑↑↑↑ в одно связное целое, причем соблюдена правильность в расположении отдельных доказательств: а не

Каждый человек не совпадает в своем взгляде на окружающее с другими, ибо 1) не относительно всех в мире явлений сделал соответствующие выводы, 2) неодинаково расположил свои доказательства, не в том порядке соткал свою умственную схему. 3) Если присоединить еще разнообразие в логических ошибках, то понятен весь индивидуализм умственных схем сравнительно с формализмом логических доказательств. Отсюда самоуверенная ограниченность логиков («Д. С. Милль – обидная ясность» Ницше³⁵²) и разнообразие и шаткость научных гипотез, философских систем и т. д. В выборе и соединении обрывков доказательств в сложное целое играет уже роль мое *личное*, чувственно-психологическое отношение к действительности, которое оказывает давление на составление моего отношения к миру. Но... меня зовут встречать новый год... Обрываюсь...

1-го января 1903 года. 2 часа ночи. С Новым годом, Эмилий Карлович. Ночь ясна... Радостно... Пенно-пирное шампанское бьет в голову... Какое-то мировинное пьянство!.. с туманом в голове продолжаю...

Сторонники рационализма скажут: «Если ум отдельной личности ограничен, то ошибки мыслителей могут быть исправлены последующими мыслителями и таким образом формальный объективизм будет одерживать всё большие и большие победы над личностью: взаимно противоположные ошибки, уничтожив друг друга, обнаружат истину»...

Пустая реторика!.. Общее место! Когда говорят *они* так, у меня *тоже* вырастают ослиные уши: это – невольный миметизм...

Достаточно сказать следующее: два взаимно противоположных писателя: один отклонился от истинного пути <На этом текст обрывается.>

РГБ. Ф. 25. Карт. 30. Ед. хр. 10. Л. 1 – 3 об.

Ответ на п. 13. Вероятно, не было закончено; не отправлено.

³⁵² В перечне «Мои невозможные» (в книге Ницше «Сумерки идолов, или Как философствуют молотом», 1888) значится: «Джон Стюарт Милль, или оскорбительная ясность» (Ницше. Т. 2. С. 594).

15. Метнер – Белому

31 декабря 1902 г. – 3 января 1903 г. Нижний Новгород

Н. Новгород 31 декабря 1902 года.

Дорогой Борис Николаевич!

Надеюсь, Вы получили мое калейдоскопическое письмо, в котором я говорю о чем угодно, только не отвечая на Ваши письма; о странных явлениях, замеченных в Париже; о запахах-шинкарях и т. п.³⁵³ Намереваясь кое о чем переспросить Вас, я взял Ваше первое письмо³⁵⁴. Вы упоминаете в нем об исследовании Мережковского. Хорошо было бы, если бы Вы снизошли до общедоступного и притом осторожного отзыва об этом исследовании с точки зрения религиозно-философской; тогда я бы написал о том же исследовании с точки зрения литературно-эстетической; получились бы две статьи двух авторов об одной книге, которые (статьи) дополняли бы друг друга³⁵⁵. Разумеется, это стоит сделать лишь в том случае, если Духовецкий, который сам же молил, чтобы ему присылали материалы, прекратит по крайней мере свое молчание.

1 января 1903 г. Вы – первый, дорогой Борис Николаевич, которому я пишу первое свое письмо в новом 1903-ьем году... Странно, что я сегодня и частью вчера в *Silvesterabend*³⁵⁶ чувствую себя так же тоскливо, как в сочельник и Рождество. Меня это несколько тревожит: не из-за себя, а из-за жены и родителей: они очень рады, что я устроился; было бы ужасно, если бы что-нибудь случилось. Будем надеяться, что это дурное самочувствие имеет значение (подобно тому сну, помните, о двух змеях, черной и белой) не личное, не интимное, а всеобщее... Вчера вечером за три, четыре часа до нового года я уронил свои часы; они остановились, я снес их часовщику; оказалось – сломан *маятник*. Опять-таки: что это означает? Обращаю этот эпизод в шутку (полушутку) и делаю предположение: перестану ли я *маяться*? Или вообще жить? Буду думать, что только первое. – А в прошлом году в то же самое время я нашел подкову! Она принесла мне счастье. Продолжаю читать Ваше первое письмо. С удовольствием перечитываю: «всякое забегание вперед, как церковников (с их Антихристом) и теософов, так и теургов à la Мережковские с их речами о соединяющем религиозном делании значительны только как попытки „нового мышления“, а не сами по себе». Читаю Ваше второе письмо³⁵⁷. Вы обещаетесь написать по поводу книжки Файгингера о Ницше (с точки зрения законности его появления после Шопенгауэра; Ницше в связи с современным неоидеализмом). Эта тема была бы более удобна, нежели о докладе Тернавцева³⁵⁸. Читаю в третьем письме³⁵⁹: оказывается, что статью о Ницше Вы написали, но переписывать нет времени. Быть может, теперь найдется время;

---

³⁵³ Имеется в виду п. 13.

³⁵⁴ Имеется в виду п. 2.

³⁵⁵ Подразумевается возможная публикация этих статей в газете «Приднепровский Край».

³⁵⁶ Новогодний вечер (*нем.*).

³⁵⁷ Имеется в виду п. 8.

³⁵⁸ См. примеч. 2 к п. 9. Доклад В. А. Тернавцева «Русская Церковь пред великою задачей» был прочитан на первом, учредительном заседании Религиозно-философских собраний в Петербурге 29 ноября 1901 г., опубликован в № 1 «Нового Пути» за 1903 г. См.: Записки петербургских Религиозно-философских собраний. 1901–1903. М., 2005. С. 5–19.

³⁵⁹ Имеется в виду п. 9.

или присылайте непереписанную. Этот возмутительный Духовецкий не имеет обыкновения отвечать скоро на письма.

В своем IV письме³⁶⁰ Вы говорите, что Ваш «внутренний путь каким-то странным образом слагается в сторону теософии» и притом «волюнтаризма», «отличную и от теософии в сторону теургии и от теургии в сторону теософии». Но возможна ли «равнодействующая между теософией и теургиею»? Не есть ли «объективация» (спрашиваю Вас на Вашем же «жаргоне») «воплощенного (теургического) на степень идеи» только умственная игрушка капризного ребенка, пожелавшего идти дальше «символического»; на деле же подобное «воплощенное» ничем не отличишь от «символического»? – Вашу «лестницу» (1–8) я понимаю и в целом всю, чувствую же ее лишь до 7-ой ступени включительно; голубое мне очень, очень близко и знакомо; и просто голубое (бирюзовое с зеленоватым оттенком) и углубленное белым; недавно я родился 7-го декабря 1872 года; декабрь – месяц зимний, снежный и голубой в то же время; мне и белое (5-ая и 6-ая ступень) понятно лишь через голубое; я как-то перескочил или, вернее, быстро пробежал к голубому. Очень хорошо и верно до ужаса сказали Вы о «желто-шафранных волнах болотных испарений», распространяющихся вокруг лестницы... Я не раз оступался... О, я знаю, что значит «трясина ужаса»... Дальше об ощущении «невидимой близости Господа», о «Христовом чувстве» (как я это, кажется, нескладно называл) Вы, конечно, помните, наши мысли совпадают совершенно, еще дальше о «встрече с Господом» и переходе от 9–10, т. е. к 1 и т. д. все, что Вам поведал «муж знаменитый»³⁶¹, я не понимаю никак, ни чувством, ни умом, и *не принимаю!!* По-моему, это просто дерзость и амикошонство с Богом. Я согласен искать «9», но утверждать, что я там встречу с Богом, – это опасно! Я могу так увериться в этом, что, подойдя вплотную к 9-и, попаду в лапы Серого; на 8-ой – бесцветное (то же, что на первой), на 9-ой (мнимой) – огненно-кроваво-красное (то же, что на 2-ой); на 10-й – горение багряницы и «вверх пятами», как на 3-ей, только уже навсегда... *Опасно!*

Do-re-mi-fa-sol-la-si... D
1 2 3 4 5 6 7 8

середина клавиатуры – противный ток – представляется голубым, а на самом деле багряное.

Недостаточно ясно мне и учение теософов о четырех оболочках человека и об «астральной области»... Что касается «личного конечного» и «индивидуального, непреходящего», то это я вполне понимаю и еще давно при первом знакомстве с Ницше увидел в нем борьбу этих начал и их подчас безобразное смешение.

Верно: Ницше индивидуально-белый очернился лично. – Возвращаясь к голубому: один раз зимою (уже к весне, т. е. после святок) я шел из суда (это было в начале 1901 года или в конце декабря 1900 г.). Я громко один усмехнулся близ университета напротив Манежа; мне стало вдруг страшно весело и легко и все вокруг мне казалось голубым, углубившимся. Я был с полчаса словно сумасшедший. Потом этого не повторялось, но я уже прочно освоился с голубым. – Мне в эти полчаса казалось, что я что-то узнал и знаю, чего другие и не

³⁶⁰ Имеется в виду п. 10.

³⁶¹ Подразумевается П. д'Альгейм.

подозревают, и я ухмылялся хитро... подмигивал... В письме пятом Вы говорите, что «самый главный ужас заключается в том, что вдруг 2-ая тема Колиной Сонаты зазвучит для *иных* лунностью, лунатизмом»³⁶². Эти *иные* насчитывают в своем числе меня, самого автора, да и Вас, наверно; Вам только страшно признаться в том, что при своем первом появлении тема эта звучит лунностью; она словно облита вся насквозь во всех своих очертаниях густым расточительно-роскошным сиянием полной, не заслоненной никакими облаками луны. Страшного же тут ничего нет; представьте себе, что нечто бесконечно глубокое и широкое, нечто объективно и субъективно (для Вас) священное, одновременно общее и интимное уютное предстает пред Вами после дневных трудных размышлений ночью в тишине внезапно (потому *ночью*, чтобы в *тишине*, а не впотьмах) освещенное луною. Не «нечто» содержит в себе лунное, а луна вносит в «нечто» лунное, и надо удивляться высокой чистоте (*castitas*), целомудрию этого «нечто», что оно, облитое лунным светом (не боится оно лунного света), сохраняет свою высоту и заявляет о ней. –

Страшно (для меня) то, что иному эта тема в первом (лунном) своем освещении покажется пикантной, подобно тому как пикантна иному сластолюбцу развращенная девочка-подросток с ангельским личиком. – Вот что страшно! Очень рад, что Вы пишете «я сам в нумеральном никуда не пойду»³⁶³. Я очень тронут, что Вы пишете о Коле: «я как-то лично горжусь Вашим братом»³⁶⁴; но вот что, милый Борис Николаевич; мы с Вами гордимся, что соната Коли нравится Гофману³⁶⁵, что он ее теперь, быть может, разучивает; но не примешивается ли к этому чувству гордости какая-то ревнивая досада (или досадная ревность), что «нечто» интимное, *наше* (хотя и долженствующее стать всеобщим), уютно (хотя и при луне) представшее пред нами, то, в чем мы участвовали ночью в тишине, как заговорщики (хотя дело само доброе и не требует поэтому тайны), нечто мистериарное *<так!>* пока, вдруг перестало быть таковым; досадно! Не правда ли?.. Пришлите заметку об Олениной в Мире Искусства³⁶⁶, я Вам с Колей же обратно пришлю номер. – «Ужас среди голубого дня»!³⁶⁷ Да! Это *настоящий* ужас. И Вы великолепно дали его в обоих стихотворениях, но, кажется, в них есть что-то и помимо этого ужаса; они шире, чем этот ужас. До свиданья, дорогой Борис Николаевич; кланяйтесь от меня Вашим родителям и Алексею Сергеевичу³⁶⁸. Анют<а>³⁶⁹ приветствует Вас и желает Вам счастья в новом году. Христос с Вами!.. Любящий Вас Эмилий Метнер.

P. S. За неимением своих стихотворений приведу Вам Гётевское «Legende».

In der Wüsten ein heiliger Mann
Zu seinem Erstaunen tät treffen an
Einen ziegenfüßigen Faun, der sprach:
„Herr, betet für mich und meine Gefährt,
Daß ich zum Himmel gelassen werd,
Zur seligen Freud: uns dürestet danach“.
Der heilige Mann dagegen sprach:
„Es sieht mit deiner Bitte gar gefährlich,

³⁶² Имеется в виду п. 12 (протитировано неточно).

³⁶³ Подразумевается фраза из п. 12: «В „*нумеральном*“ я не хожу <...>».

³⁶⁴ Цитата из п. 12.

³⁶⁵ См. примеч. 6 к п. 11. 26 декабря 1902 г. Н. Метнер писал Э. Метнеру: «В Петербурге я отдал Гофману свою Сонату. <...> Теперь, по возвращении из Пет<ер>бурга, я принялся наконец за окончательное окончание своей Сонаты и хочу окончить ее к 28-му января, когда Гофман будет опять в Москве» (Метнер. С. 45–46).

³⁶⁶ См. примеч. 8 к п. 12.

³⁶⁷ Мотив, который, согласно Белому, разрабатывается им в стихотворениях, присланных в п. 12.

³⁶⁸ А. С. Петровский.

³⁶⁹ А. М. Метнер.

Und gewährt wird sie dir schwerlich.
Du kommst nicht zum englischen Gruß,
Denn du hast einen Ziegenfuß“.
Da sprach hierauf der wilde Mann:
„Was hat euch mein Ziegenfuß getan?
Sah ich doch manche strack und schön
Mit Eselsköpfen gen Himmel gehn“³⁷⁰.

Это мекфистофелевское стихотворение (ибо Гёте был в душе и Фаустом и Мекфистофелем в одно время) Вы найдете в отделе «Epische Dichtungen. Parabolisch»³⁷¹. – Обращаю далее Ваше внимание на фаустовское стихотворение «Im Voruebergehn»:

Ich ging im Felde
So für mich hin,
Und nichts zu suchen,
Das war mein Sinn.

Da stand ein Blümchen
Sogleich so nah,
Daß ich im Leben
Nichts lieber sah.

Ich wollt es brechen,
Da sagt' es schleunig:
„Ich habe Wurzeln,
Die sind gar heimlich.

Im tiefen Boden
Bin ich gegründet;
Drum sind die Blüten
So schön geründet.

Ich kann nicht liebeln,
Ich kann nicht schranzen;
Mußt mich nicht brechen,
Mußt mich verpflanzen.“

Ich ging im Walde
So vor mich hin;
Ich war so heiter,
Wollt immer weiter –

---

³⁷⁰ Стихотворение «Легенда» (1776) в переводе В. Левика: В пустыне, спасаясь, жил некий монах. Он встретил фавна на козых ногах, И тот, к его удивленью, сказал: «Хочу я вкушать блаженство в раю, Молись за меня и мою семью, Чтоб нас всевышний на небо взял». На это муж святой сказал: «То, что ты просишь, весьма опасно, И даже молиться о том напрасно. Тебя не пустят за райский порог, Когда увидят, что ты козлоног». И фавн ответил на это ему: «Пусть я козлоног, – что с того, не пойму! Иных, я знаю, с ослиной башкой – И то пускают в небесный покой».(Гёте Иоганн Вольфганг. Собр. соч.: В 10 т. М., 1975. Т. 1. С. 145).

³⁷¹ «Эпические стихотворения. Параболическое» (нем.).

Das war mein Sinn³⁷².

Вы знаете, что здесь есть частичка ужаса среди бела дня...

3 января 1903 года. Дорогой Борис Николаевич! Я уже второй раз рву конверт этого письма. Первый раз я забыл вложить первый клочок (добавление; стихи), второй раз сегодня утром, получив Ваше символически-египетское поздравление с новым годом...³⁷³ Тут и воющая собака, и кошка со спинкой колесиком, и «любит – не любит», и луна. Люди поставлены так, что нет никакой надежды им когда-либо увидеть друг друга... Во всяком случае, это не мы с Анютой... Мы живем с ней, говоря избитым языком, «душа в душу». Рядом с мушиною – собака, рядом с женщиной – кошка; мушина занят музыкой (собака тоже); женщина – цветами (кошка пластикой). Какая-то антитеза!.. Я забыл спросить Вас, дорогой Борис Николаевич, переписывается ли Мих<аил> Серг<еевич> Соловьев со здешнею сивиллю Шмидт³⁷⁴; дело в том, что Мельников сообщил мне, что Шмидт собирается ко мне ввиду того, что ей из Москвы сообщено, будто я мистик... Признаться, эстетично я боюсь этого посещения.

РГБ. Ф. 167. Карт. 4. Ед. хр. 9.

---

³⁷² Стихотворение Гёте «Im Vorübergehn» («Мимоходом», 1827); в подстрочном переводе А. В. Павловой: Я шел по полю Просто так, И ничего не искал, В этом и был смысл. Там стоял цветочек, Так близко, И я ничего на свете Не созерцал с большим умилением. Я хотел его сорвать, Но тут он сказал: «У меня есть корни, Которые мне родные. Мои корни уходят Глубоко в землю, И потому мои лепестки Так прекрасно округлы. Я не умею кокетничать, Я не умею лицемерить. Ты меня не ломай, Ты меня пересади». Я шел по лесу, Просто так, И я был весел, И меня тянуло все дальше, В этом и был смысл. Позднее Н. Метнер написал музыку на текст этого стихотворения («Девять песен В. Гёте» для голоса с фортепиано, ор. 6, № 4).

³⁷³ Это «поздравление» в подборке писем Белого к Метнеру отсутствует.

³⁷⁴ См. примеч. 11 к п. 2.

1903

16. Белый – Метнеру

4 января 1903 г. Москва

Москва. 4-го января 1903 года.

Многоуважаемый и горячо любимый

Эмилий Карлович,

с большим удовольствием читал Ваше глубокое и поучительное письмо. Читал, читал и... споткнулся, когда прочитал вторично вложенный листок... Ужаснулся, а потом и обиделся. Величайшим ужасом я считаю всякую «bizarretie»³⁷⁵, я давно уж *буквален*, а не символичен, не аллегоричен, а Вы мне приписываете, по-видимому, *bizar*'ность самого *пошлого, серого, дурного*, средне-высшего тона. Надеюсь – в письмах мы лицом к лицу, а не за перегородками. Вот уже *между нами* проделка Серого. Если мы понимаем «7» ступеней, то мы должны ужасаться *призрачной дымкой первой или второй стадии*, зловеще-коварными, злыми, *рысиными* огонечками, вспыхивающими в словах. Это – призрак, и этот призрак получает *вновь жизнь, силу и власть* с расстоянием, когда люди не могут высказываться словесно, а следовательно труднее им снять паутину, которую плетет между ними *Серый*...

Вам померещилась галлюцинация – знаете ли Вы, какого низкого мнения Вы обо мне?

Повторяю: я слишком *аристократичен в нуменальном*, чтобы допускать всякую «bizarretie». Если Вам эта «bizarretie» чудится в моих словах – знайте, она от Серого. Надеюсь, все сказано. Я и не стал бы говорить так пространно, если бы усумнился в том, что Вы мне безусловно верите.

Кстати: о Сером. Понимаю Ваше состояние удрученности, потому что у нас в Москве были признаки, что «*Колдун опять появился в наших местах*»...³⁷⁶ Да будет крестная сила над нами!..

Да, были признаки. Я не боюсь Его, потому что слишком верю Другому, в Его близость, но «береженного Бог бережет». Во всяком случае я констатировал. Особенно сильно было вторжение из «*трясин ужаса*» в сочельник, и в первые два дня Рождества; да и теперь «*не без*»... Признаюсь: два раза я пугался (слегка; это отблески прежнего), но я не боюсь: мне весело...

По поводу духовенства и... между нами: имел случай увидеть у Л. А. Тихомирова собрание церковников (Грингмут, Введенский, Погожев, Трифановский, Новоселов, Фудель, викарии Анастасий, Никон, В. Васнецов и др.), когда он читал свой реферат, – и... плевался три дня... Этим все сказано...³⁷⁷

Боже мой, как *все* печально!..

---

³⁷⁵ Странность (*фр.*).

³⁷⁶ Неточная цитата из повести Н. В. Гоголя «Страшная месть» (гл. I): «Колдун появился снова!» (Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. Т. I. <Л.>, 1940. С. 245).

³⁷⁷ См. примеч. 17 к п. 12.

Вы вот боитесь вторжения Анны Николаевны Шмидт, а между тем эта самая Анна Николаевна гнездится и в недрах церкви. Я говорил Михаилу Сергеевичу³⁷⁸ о Вас, а он говорил ей (она была в Москве) о *новом нижегородском цензоре*, причем она крайне заинтересовалась.

Это письмо пассивное: ответчательное. Буду пунктуален. 1) Письмо Ваше получил³⁷⁹. Вы пишете о чертежах. Так трудно напомнить на расстоянии. Попытаюсь, но не теперь. Сейчас у меня голова болит и легкое нездоровье. Ничего не пишется... 2) Я могу написать о книге Мережковского с религиозно-философской точки зрения. Я могу слить *это* с тем, что написал о Ницше и неоидеализме, сократив первый фельетон, так что получится одно целое³⁸⁰. 3) То, что Вы пишете о сочельнике и Рождестве, вполне совпадает с моим заключением о «*возвратном появлении*» – заключении, к которому руку приложили Алексей Сергеевич³⁸¹ и Михаил Серг<еевич> Соловьев, так что тут, кажется, нечто *всеобще-тягостное*. Не обращайтесь внимание на маятник; это было бы *суеверием и только...* 4) О равнодействующей между «*символическим*» и «*воплощенным*» следовало бы высказать так: равнодействующая между «*началом символического*» и «*воплощенным*», т. е. различные стадии символического и были бы подходом к *воплощенному*, которое само собой *явилось бы нам* как последняя стадия *символизации*, как «*святое святых*», «*эзотеризм эзотеризма*». Существенной разницы (пропасти) между теософией и теургией нет: пути их сливаются в конечном. Когда я говорю, что мой путь между теософией и теургией, это следует относить не к абсолютной теософии и теургии, а к современным теософам, среди которых знаю я только *теософфутиков*, в сочинениях которых (Паскаль, Безант) сквозит вместе с истинной теософией, Божественной Мудростью, Софией Премудростью Божией, Розой, Душой Мира, воплощающей Логос, и *теософфутика*, т. е. бескровно-схоластическое чириканье *о глубоком*. В равной степени касаясь теургии, я сейчас же представляю и современных теургов, которых искренне люблю, в которых сквозит и *теургофутика*, т. е. пересол в активности, да и то, кажется, больше в проповеди. Говоря о равнодействующей между той и другой инстанцией видений, я высказываю самодовольную мысль о попытке избегать крайности пересола в теософии и теургии; поскольку *эзотеризм эзотеризма* (ядро теософии) и есть цель, постольку здесь сливается теософия с теургией. 5) О «*мнимости*» 9-го и «*о вечном горении вверх пятнами навсегда*» в 10-м – Вы прекрасно говорите. Я разделяю Вашу точку зрения. 6) Мне знакомо все то, что Вы говорите о голубом. Тут действительно *знаешь* то, чего *иные* и не подозревают. И это не тягостно, а свободно, легко. Останавливаясь, смеешься – утешаешься *бездумным знанием, вечным разговором*. 7) Об астартизме второй темы: я потому смущен, что ведь тут глубочайший узел. Вечный вопрос об оправдании, искуплении мира и о вечном проклятии первородного греха. Тут пункт расхождения у нас с Ал<ексеем> Серг<еевичем>. Да и в самом деле: ведь страшна не лунность: это – символ, а то, что укрыто под этим символом. Если вторая тема может быть между прочим истолкована, как грядущее *приближение Вечной Женственности, Мистической Розы, Души Мира* (халдейское сказание): «*Знай же – Вечная Женственность ныне в теле нетленном на землю идет*», Вл. Соловьев³⁸² – то наше отношение к ней чуть чуть мистически-влюбленное. Душа Мира в связи с тем, что Мережковский пишет о рыцарстве Средних Веков, Великой Матери, – это как бы Афродита Небесная... А стоит только вспомнить, *что сюда нихает Розанов!!* Далее. Недавно на религиозно-философском собрании по поводу воззрения на *Ewig-Weibliche*³⁸³ Мережковского иер<омонах> Михаил встал и прямо в упор обратился к Мер<ежковскому>, обвиняя

³⁷⁸ М. С. Соловьев.

³⁷⁹ Имеется в виду п. 13.

³⁸⁰ План статьи, объединяющей эти две темы, не был Белым реализован.

³⁸¹ А. С. Петровский.

³⁸² Цитата из стихотворения «Das Ewig-Weibliche. Слово увещательное к морским чертям» (1898). См.: Соловьев. С. 121.

³⁸³ Вечная женственность (нем.).

его в проповеди «*греха содомского*», причем он говорил, что понимает этот грех не в грубо-мерзком смысле, а весьма утонченно. Мы не знаем, как относится наша официальная Церковь к «*Ewig-Weibliche*» Гёте, Соловьева и т. д. В один прекрасный день она все это может обозвать грехом содомским... Далее: «*Более серьезных оговорок требуют два другие произведения: Das Ewig-Weibliche и Три свидания... Не вносится ли здесь женское начало в самое Божество? Не входя в разбор этого теософского вопроса... я должен... заявить следующее: перенесение плотских животнo-человеческих отношений в область сверх-человеческую есть величайшая мерзость и причина крайней гибели (потоп, Содом и Гоморра, глубины сатанинские последних времен)*» (Вл. Соловьев)³⁸⁴. Культ Астарты отличался жестокой чувственностью; астартизм – символ чувственности... Нет, вопрос об астартизме того или иного, понимаемого мистически, самый серьезный, самый страшный вопрос. *Тут неразрубленный узел*. И то, что этот узел не разрешен, а лишь запутывается, усугубляет мистические опасения...

8) О «*ревнивой досаде*» по отношению к сонате Ник<олая> Карловича Вы верно. 9) Номер «*Мира Искусства*» не мой, а чужой. Заметка ничтожная. Кажется, я могу выслать оригинал. У знакомых есть список. Но право, не стоит. 10) В моих стихах, кажется, есть «и не только ужас». В общем они убоги. 11) Пока ничего не говорю о Гётевских стихах. Не особенно хорошо понимаю (много незнакомых слов, а переводить – ломит голова). То, что понял, – восхитительно, сильно.

Скоро я Вам напишу подробнее, а пока до свиданья, дорогой мне Эмилий Карлович. Призываю на Вас благословение Господа.

Остаюсь любящий Вас и глубокоуважающий

Борис Бугаев.

Р. S. Мой искренний привет и глубокое уважение Анне Михайловне, а также и Николаю Карловичу, который по моим расчетам находится у Вас³⁸⁵. К сожалению, я еще не слышал от Ник<олая> Карловича той вещи, ноты которой Вы так любезно наметили в письме ко мне³⁸⁶: один раз Ник<олай> Карлович готовился к концерту. Я не мог ему мешать; а второй раз он очень устал.

Р. P. S. Позвольте привести некоторые стихотворения А. Блока (из новых)³⁸⁷. <...>

Вышел «*Новый Путь*»³⁸⁸. Намеренно тускл, сух, серьезен. Это – пока. Прикидываются. Так хочет Перцов. Интересен рассказ «*Вымысел*» – Л. Денисова³⁸⁹ (З. Гиппиус)³⁹⁰. Религиозно-философская хроника. Записки Р<елигиозно->Ф<илософского> Общества. К досадному изумлению узнал, что они без моего ведома напечатали отрывок из моего письма, кое-что переделав³⁹¹. Жалею. Уж я пенял Перцову, когда он был в Москве³⁹², да было поздно. Просят рас-

³⁸⁴ Сокращенная цитата из авторского предисловия к 3-му изданию Стихотворений Владимира Соловьева (СПб., 1900). См.: Соловьев Владимир. Стихотворения. Изд. 7-е / Под ред. и с предисл. С. М. Соловьева. М., 1921. С. XII–XIII.

³⁸⁵ Ср. сообщение в письме Н. Метнера к Э. Метнеру от 26 декабря 1902 г.: «Теперь собираюсь к Тебе, а потом... опять в Петербург» (Метнер. С. 45).

³⁸⁶ См. п. 11.

³⁸⁷ Далее приведены списки стихотворений А. Блока «Мне страшно с тобою встречаться...», «По улицам ходят тени...», «Осанна! Тыходишь в терем...», «Я, отрок, зажигаю свечи...», «Сбежал с горы и замер в чаще...». См.: Блок. Т. 1. С. 131, 112, 113; Т. 4. М.; СПб., 1999. С. 171. Списки восходят к автографам и спискам стихотворений Блока, высланным в Москву семейству Соловьевых, – за исключением списка стихотворения «Осанна! Тыходишь в терем...», источник которого неизвестен. См.: Котрелев Н. В. Неизвестные автографы ранних стихотворений Блока // Литературное наследство. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 1. С. 233, 245, 246.

³⁸⁸ См. примеч. 5 к п. 8.

³⁸⁹ Кстати: что значат сии два инициала «Л» и «Денисов»?

³⁹⁰ «Вымысел. Вечерний рассказ» З. Н. Гиппиус был опубликован (под псевдонимом: Л. Денисов) в первых двух номерах «Нового Пути» (1903. № 1. С. 138–149; № 2. С. 42–59); вошел в 4-ю книгу рассказов Гиппиус «Алый меч». См.: Гиппиус Зинаида. Собр. соч.: Алый меч. Повести. Рассказы. Стихотворения. С. 219–242.

³⁹¹ Имеется в виду публикация под рубрикой «Из частной переписки»: *Студент-естественник*. По поводу книги Д. С.

сказ, да я не дам. «Симфония» моя тоже будет напечатана не у них, а у «Скорпиона»³⁹³. Дорогой Эмилий Карлович, если можно, советуйте новгородцам покупать «Новый Путь». Подписчиков пока едва перевалило за 400³⁹⁴. Это мало. Существование журнала еще не упрочено вполне. Вот бы Вам написать о «Н~~овом~~ П~~ути~~» в «П~~риднепровском~~ Крае»?³⁹⁵ В самом деле? Вот написали бы Вы? Это дало бы им несколько десятков подписчиков. Все же суть журнала симпатична, потому что они *допускают всякое мнение*, серьезно высказанное. Они в первом номере вовсе не о *своих пунктиках*, а об идеализме вообще... Если сопоставить их с их противниками-церковниками <нрзб> у Тихомирова я слушал, как их ругали глупо, «мимо», люди бездарно-бесцветные, среди которых были и такие, которые мне показались в общем еще и «прохвостами» (Введенский, Грингмут, Погожев). В общем эта кучка (Минский, Мережковский, Розанов, Перцов, Брюсов и др.) искренних, талантливых людей, у которых есть вера; если они глубоко и ошибаются в чем-либо, то это прощается им уже в силу количества противников (все пошло-толстые, глупые журналы их врагов, официальные мистики и церковники – враги). Журнал им необходим. Для этого необходимы подписчики. Подписчиков мало. Толстые журналы их будут замалчивать. Многие даже не узнают о возникновении «Нового Пути». Дор~~огой~~ Эм~~илий~~ Карл~~ович~~ – напишите что-нибудь. Лично я буду Вам так благодарен!

P. P. P. S. Не могу кончить...

Быть может, Вы пошлете в ред~~акцию~~ «П~~риднепровского~~ Края» объявления о «Н~~овом~~ П~~ути~~»? А? Для сего высылаю Вам несколько объявлений бандеролью.

Я, лично, потому так заинтересован в успехе их предприятия, что глубоко уверен в пользе для них заняться журналистикой. Они хотят «дела». Вот им и будет *ближайшее дело*. Они люди увлекающиеся. Увлечутся – отвлекутся от всякой любви к «bizarrerie». Я их люблю. Мне было бы жалко видеть их гибель. Все, что Вы писали о Мережковском – принял, понял, *просмаковал, оценил* – и с улыбкой простил. «Мы все Хлестаковы» – ведь это можно оценить с точки зрения детскости. Тут что-то добродушное, в этой <1 сл. нрзб>

РГБ. Ф. 167. Карт. 1. Ед. хр. 6. Помета красным карандашом: «VI». Фрагмент опубликован: ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 194.

Ответ на п. 15 (которое сохранилось не в полном объеме: упоминаемые в п. 15 и 16 добавления – «первый клочок», «вторично вложенный листок» – не выявлены).

17. Белый – Метнеру

Не ранее 5 января 1903 г. Москва

Горячо любимый и дорогой мне Эмилий Карлович,

Пишу Вам неожиданно для себя по какому-то внутреннему побуждению, даже приказанию. И о том, что у меня на сердце. Не удивляйтесь. Я чувствую, мне нужно Вам напомнить, что величайшее счастье человечества незаметно подкралось когда-то, тихо пришло. Просияло.

Мережковского «Л. Толстой и Достоевский» (Отрывок из письма) // Новый Путь. 1903. № 1. С. 155–159.

³⁹² «Я обязан быть в Москве 17-го. Поэтому ждите наверняка», – писал П. П. Перцов В. Я. Брюсову 14 декабря 1902 г. (РГБ. Ф. 386. Карт. 98. Ед. хр. 9).

³⁹³ Имеется в виду «Симфония (1-я, героическая)» (М.: Скорпион, 1904), вышла в свет в середине октября 1903 г.

³⁹⁴ См. примеч. 15 к п. 12.

³⁹⁵ Статьи Метнера о «Новом Пути» (за подписью: Э.) были напечатаны в «Приднепровском Крае» 7, 10 и 13 марта 1903 г.

Улетело. Навсегда оставило оно налет сладкой грусти везде и на всем. Это счастье – Христос. Христос для всех. Никого Он не забывает. Молю себе несчастий, чтобы приблизиться к Нему. Молю искушений, чтоб стать достойным молиться Ему. Дорогой Эмилий Карлович – Вы *это* знаете. Не забывайте нашего Солнца. Оно близко. Оно всегда рядом. «*Се стою у дверей. Кто ми отверзет?*»³⁹⁶

Не знаю – но мне кажется, придут дни (они близки), когда мрак охватит все, на чем нет отражения близости Его. Мне кажется, каждый человек будет иметь что-нибудь или в глубине своего духа, или *во внешнем* тяжелое, трудное. И это для всех людей. Дорогой Эмилий Карлович, предупреждаю Вас как брат во Христе – не забывайте Его. Он – нас всех связывает навек. Он – наше Солнце.

Солнце близко.

Вижу, как собираются где-то тучи; идут на нас или проходят мимо – не знаю. Знаю одно – с Ним не боюсь. Знаю – с Ним не страшно. Знаю.

Главное – с Ним чувствуешь себя над пропастями не страшно; начинаешь жить как-то по ту сторону жизни – в вечном чуде и уже окончательно не удивляешься, когда все удивительно.

Знаете ли, в чем я убедился? Москва – своего рода центр – верую, верую. Мы еще увидим кое-что. Еще будем удивляться – радоваться или ужасаться, судя по тому, с Ним или не с Ним будем. События не оставят нас в стороне, дорогой Эмилий Карлович. Всё же мы званы поддержать славу Имени Его. Будем же проводниками света, и свет в нас засветит, и тьма не наполнит нас...³⁹⁷ И теперь, на расстоянии, мне приятно подать голос, окликнуть Вас и Анну Михайловну...³⁹⁸ Напомнить. Пространства не властны. Мы все вместе. Людям «*знающим*» нужно особенно быть вместе... один не спасешься. «*Где двое или трое во Имя Мое, там Я посреди их*»³⁹⁹.

В Москве уже потому центр, что уж очень просится в сердце то, чему настанет когда-либо время осуществиться. Открывается с поразительной ясностью, легко дается. Недавно был в Девичьем Монастыре. Восторг снегов превышал все меры. Снега заматали границу между жизнью и смертью. Сквозная сосна вопила о том, что тайно подкралось к душе. На другой день слушал в концерте Вашего брата. Он играл из *Stimmungsbilder* № 6, 7, 8⁴⁰⁰. Опять вопила метель. Радовался.

Между прочим: повсюду одно и то же. Московские оккультисты ждут в Москве рождение Мессии. Это факт. Только что узнал от Г. А. Рачинского. А. С. передавал слова Тихомирова о Мессии в городе Лионе; ему 14 лет⁴⁰¹. В «*Новом Пути*» читали о киевской синагоге?⁴⁰²

Все это имеет смысл. С этим нужно считаться. Разобраться в «*знаниях*», откуда они.

³⁹⁶ Откр. 3: 20: «Се, стою у двери и стучу. Если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему <...>».

³⁹⁷ Ср.: «И свет во тьме светит и тьма не объяла его»; «Он пришел для свидетельства, чтобы свидетельствовать о Свете, дабы все уверовали чрез него. Он не был свет, но был послан, чтобы свидетельствовать о Свете» (Ин. 1: 5, 7–8).

³⁹⁸ А. М. Метнер.

³⁹⁹ Мф. 18: 20 (неточная цитата).

⁴⁰⁰ «Восемь картин настроений» («*Acht Stimmungsbilder*») для фортепиано Н. Метнера (op. 1).

⁴⁰¹ А. С. Петровский. Ср. сообщение в письме Петровского к Э. Метнеру от 21 января 1903 г.: «В Москве есть кружок оккультистов, ожидающих рождения „мессии“ в Москве. Ждут со дня на день, имея очевидно на то веские основания. Мать неизвестна, а отец и подавно. В Лионе, говорят, тоже есть, уже 14 лет. Что если они подерутся?» (РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 26).

⁴⁰² Имеется в виду заметка в рубрике «Религиозно-философская хроника» о мальчике Аароне Дворжике из села Демиевка: «*Ожидание Мессии*. – 26-го октября площадь перед синагогой на Мало-Васильковской улице в Киеве была запружена евреями. Все были возбуждены, всем хотелось быть в синагоге, где должен был говорить 13-летний мальчик – о пришествии Мессии. <...> Мальчик – простой, бедной еврейской семьи, но не по летам начитанный в еврейском писании. Мальчику этому трижды являлся во сне один из ветхозаветных пророков с приказанием объявить всем о близком пришествии Мессии» (Новый Путь. 1903. № 1. С. 203).

Можем ли жить без обращения к Нему, когда нам начинает казаться, что времена и сроки исполняются? Вот, что мне безотчетно захотелось написать Вам, не знаю почему. Простите за глупый тон, но я от чистого сердца.

Получил от Блока письмо. Он тоже полагает, что центр в Москве⁴⁰³.

Прощайте, дорогой Эмилий Карлович. До свиданья. Не забывайте. Господь да хранит Вас и Анну Михайловну.

Любящий Вас

Борис Бугаев.

РГБ. Ф. 167. Карт. 1. Ед. хр. 7. Помета красным карандашом: «VII». Фрагмент опубликован: ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 194.

18. Белый – Метнеру

30 января 1903 г. Москва

Москва. 1903 года 30 января.

Многоуважаемый и дорогой мне

Эмилий Карлович!

Что за идиотский фельетон? Что за сумбур в голове? Что за слог? Что за зубоскальство?⁴⁰⁴

Большое спасибо за него. Для курьеза пошлю его в «*Новый Путь*». Пользуюсь случаем – пишу Вам эти несколько слов. Простите, что не больше. Масса дел, касающихся Университета, и своих собственных. Устаю. К тому же все еще не могу достаточно владеть своим спокойствием после кончины Соловьевых⁴⁰⁵.

В Москве удивительные дни. То вопли метелей, то ясная, талая, гадкая, лунная слякоть – теперь полнолуние. Луна бросает от всего неверные тени – откидывает, а в тених воры прячутся. К довершению истории на всех столбах расклеены рожи господина в цилиндре – мимиста Бернарди, удостоившего город своим подозрительным посещением⁴⁰⁶.

---

⁴⁰³ В тексте письма Блока от 3 января 1903 г. – первого его письма к Белому, положившего начало их заочного знакомства, – имеется указание не на Москву, а непосредственно на адресата: «...задаю я Вам вопросы и потому, что совсем понял, что центр может оказаться в Вас <...>» (*Белый – Блок*. С. 17). Белый откликнулся на эту фразу в ответном письме Блоку от 6 января: «Боже мой, что Вы говорите! Центр может оказаться во мне? Убедительно прошу Вас оставить эту мысль: не во мне, а в нас вообще, недалеко, быть может, от нас» (Там же. С. 27).

⁴⁰⁴ Какой текст, присланный Метнером, имеет в виду Белый, неизвестно.

⁴⁰⁵ М. С. Соловьев скончался в ночь на 16 января 1903 г.; тогда же его жена, художница и переводчица Ольга Михайловна Соловьева (урожд. Коваленская; 1855–1903), не перенесла случившегося, покончила с собой (см.: *НВ*. С. 223–226, 615–616). Похороны супругов состоялись 18 января в Новодевичьем монастыре. См. заметку В. Брюсова «Похороны М. С. и О. М. Соловьевых» (*Русский Листок*. 1903. № 19, 19 января) и некрологическую заметку о Соловьевых в «*Новом Пути*» (1903. № 2. С. 202–203). Смерть Соловьевых вызвала широкий общественный резонанс; ср.: «Умер М. С. Соловьев, и, не в силах пережить того, с кем прожила лучшее в жизни, тут же, у его трупa, оборвала свою жизнь О. М. Соловьева. Это страшно поразило. Несколько дней Москва только об этих двух смертях и говорила» (*Али <Эфрос Н. Е.>. Случайные заметки // Новости Дня*. 1903. № 7137, 21 апреля. С. 3).

⁴⁰⁶ Ср. газетное оповещение: «Первая гастроль знаменитого итальянского артиста трансформиста К. Бернарди и первая гастроль знаменитой итальянской придворной труппы мимистов Козантино» (*Русское Слово*. 1903. № 21, 21 января. С. 1).

Недавно был у Николая Карловича, который насмерть поразил меня восхищенной радостью финала своей сонаты. Это – небывалое явление, достойное 9-ой симфонии Бетховена (право)⁴⁰⁷. Весь день я был сам не свой и, кажется, обидел Ник<олая> Карловича глупо-неумеренной похвалой.

Дорогой Эмилий Карлович, я уж ничего не пошлю в «Приднепровский Край»: 1) некогда, 2) «Мир Искусства» чрезвычайно любезно просит меня присылать ему всевозможные рукописи, 3) у меня есть еще «Новый Путь», который я не утилизирую пока, потому что времени нет.

Как поживает Анна Михайловна?⁴⁰⁸ Мой привет и уважение. Как поживаете Вы? Жду от Вас голоса.

Кстати: прочли Вы биографию Ницше?⁴⁰⁹ Меня интересует Ваш отзыв о ней. Кто-то написал, что госпожа Ферстер-Ницше искажает факты. Меня заочно привели в негодование такие слова.

Не знаю.

Желаю Вам всего лучшего. Да хранит Вас Господь.

Остаюсь глубокопреданный искренне любящий

Борис Бугаев.

Р. С. Вышел Пшебышевский⁴¹⁰. Пшебышевский – скучен. Уныло скучен, однообразен – Пшебышевский. Пшебышевский.

РГБ. Ф. 167. Карт. 1. Ед. хр. 8. Помета красным карандашом: «VIII».

19. Метнер – Белому

31 января – 3 февраля 1903 г. Нижний Новгород

Н. Новгород январь 31 1903 год. 12 ч. дня. – Милый, дорогой мой Борис Николаевич! Собираюсь, окончив письмо Петровскому⁴¹¹, ответить и Вам. Сначала на письмо VI от 4 января. Оно начинается, если помните, «проделкой Серого». Не отрицая здесь вмешательства Серого, я все же пытаюсь объяснить недоразумение мое, Вас обидевшее, тутошнею причиною. Я как старший по годам и гораздо больше Вас страдавший (хотя и меньше познавший) решился

Представления проходили в театре «Аквариум» ежедневно с 21 января по 16 февраля 1903 г. – по свидетельствам прессы, с колоссальным успехом.

⁴⁰⁷ Н. К. Метнер и его Соната для фортепиано f-moll. 21 января 1903 г., в день прослушивания финала сонаты, А. С. Петровский писал Э. Метнеру о Н. Метнере: «Мы его так захвалили сегодня с Бугаевым, что он, кажется, не на шутку рассердился. Дело в том, что хвалили мы его, конечно, не с чисто музыкальной точки зрения, а под разными углами, напр<и-мер> богословским и т. д. Придется завтра пойти смягчать похвалы, особенно насчет ожидающего его Царствия Небесного. Говорил я это всерьез, но в шутиливой форме, и он не мог постигнуть, какая связь между написанием его сонаты и спасением его грешной души. <...> Наконец, скажу за себя и за Бугаева, что нам соната дала бездну уверенности в победе и силы, очень нужных в нынешнее скверное и опасное грозное время. Прослушав эту „радость праведных о Господе“ и несказанное дальнейшее, я готов на все идти, ничего не боюсь, готов все перенести, все простить и полюбить. Создание *такой* вещи не есть ли непомерная заслуга перед Богом и человечеством. Конечно, это *только один* угол зрения, более других мне доступный и других не исключающий» (РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 26).

⁴⁰⁸ А. М. Метнер.

⁴⁰⁹ Имеется в виду книга Элизабет Фёрстер-Ницше (Förster-Nietzsche), сестры Ф. Ницше и его душеприказчицы, «Жизнь Фридриха Ницше» («Das Leben Friedrich Nietzsches»). Том I вышел в свет в 1895 г., том II (часть 1) – в 1897 г.; вторая часть тома II – позднее, в 1904 г.

⁴¹⁰ Речь идет об издании: *Пшебышевский Ст. Homo sapiens*. Роман в трех частях / Пер. М. Н. Семенова. М.: Скорпион, 1903.

⁴¹¹ Имеется в виду письмо от 29–30 января 1903 г. (РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 7).

предостеречь Вас от каббалистического барона и от стремления скорее прийти (или быть приведенным «людьми добрыми») к 9-ти. Это мое предостережение в связи с очевидным теперь для меня неуловлением смысла нижеследующих Ваших слов и было причиной того, что Вы заподозрили меня в обвинении Вас в *bizarrierie*. Я знаю, что Вы «буквальны», и это особенно мне и нравится в Вас. Но Вы не всегда ясны даже для такого слушателя и читателя, как я. Впрочем, наши беседы устные, кажется, достаточно показали, до какой степени далеко мы прошли вместе (хотя и отдельно); так далеко, что несогласия между нами просто немыслимы; возможны лишь детальные особенности и недоразумения. Не уловил же я смысла следующих слов (начало Вашего IV письма⁴¹²): «Мой внутренний путь какимто странным образом склоняется в сторону теософии; определяю ближе теософию эту, не как теософию вообще, а как теософию волюнтаризма, отличную и от теософии в сторону теургии, и от теургии в сторону теософии. Это как бы равнодействующая идея между теософией и теургией – все тот же узел между символическим и воплощенным, перемещающийся в сторону символического с объективацией этого воплощенного (теургического) на степень идеи»... – Вот я, кажется, не поняв этого места, и выразил сомнение в том, чтобы можно было всегда отдать себе отчет, всегда различить *символическое* и *воплощенное*, *объективированное на степень идеи*, чтобы можно было безошибочно вести линию равнодействующую между теософией и теургией, не очутившись между двух стульев. Вот и все. Инцидент исчерпан. Если Вы забыли свое тогдашнее течение мыслей и сами уже не ясно представляете себе, что такое эта равнодействующая, то бухайте все в Лету, если же помните и видите мою ошибку, то, пожалуйста, объясните мне ее... Дорогой мой! Не может быть между нами такого, на что бы нам пришлось друг на друга обижаться... «Колдун опять показался в наших местах» – констатируете Вы 4-го января. Вы знаете, *как* я себя чувствую (нуменально) с самого сочельника. Подробности об этом раньше сообщал в предшествующих письмах, а теперь в письме к Алексею Сергеевичу, законченном вчера...⁴¹³ А сегодня я бодр, весел и свободно дышу во всех смыслах. Вчера было полнолуние. Вчера был Собор трех святителей⁴¹⁴. Вчера снята какая-то накипь. Накипит, конечно, опять. Но пока легче: *эта* очень подозрительная луна начала умирать. Духовецкий, очевидно, в отношении к религиозно-философским вопросам попал под влияние некоего Соколова, который, судя по его фельетонам, должен быть противником и притом не понимающим новопутейцев и вообще всего нового⁴¹⁵. Духовецкий просил меня настойчиво и не раз писать ему. Я написал обзор книжки «Сев<ерных> Цветов»; это было в июле, когда Соколова там еще не было, статья была немедленно же помещена⁴¹⁶. Затем вследствие занятий в Цензурном Комитете и приготовлений к отъезду я отложил свое сотрудничество на три месяца, в течение которых не раз получал от Духовецкого приглашения работать в его газете. На основании этих просьб я и обратился к Вам с предложением написать что-нибудь для *Приднепровского Края*. Сам же вскоре после

⁴¹² Имеется в виду п. 10.

⁴¹³ В упомянутом письме к А. С. Петровскому Метнер признавался: «Ваше последнее от 21 января письмо и последнее же Бугаева – пришли в один день и час и как самым появлением своим, так и содержанием пришлось весьма кстати, чтобы не сказать большего. Я всецело пребывал в когтях нуменальной тоски. Эти письма взбодрили меня. Но все же я окончательно сбросить с себя не могу чего-то липкого мерзкого. Такого подозрительного жуткого состояния макрокосма и микрокосма я давно не запомню <...>».

⁴¹⁴ Собор вселенских учителей и святителей – соборный праздник Православной церкви, посвященный памяти вселенских учителей Церкви Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста; совершается 30 января (12 февраля н. ст.).

⁴¹⁵ П. А. Соколов стал постоянным сотрудником «Приднепровского Края» с осени 1902 г., почти каждую пятницу в газете помещались его статьи «Женщина в философии» (№ 1600, 27 сентября; № 1607, 4 октября), «Веселое жизнепонимание» (№ 1614, 11 октября), «Два черта» (№ 1628, 25 октября), «Друг женщин и его советы молодым девушкам» (№ 1635, 1 ноября), «По поводу одного самоубийства и одной заброшенной науки» (№ 1642, 8 ноября; № 1649, 15 ноября), «Что такое красота?» (№ 1656, 22 ноября) и т. д.

⁴¹⁶ Имеется в виду статья Метнера «Северные цветы на 1902 год (Собранные книгоиздательством „Скорпион“»)» (Приднепровский Край. 1902. № 1538, 27 июля. С. 2–3. Подпись: Э.). В ней был дан подробный обзор содержания альманаха и делался вывод: «...сборник, как и почти все, издаваемое „Скорпионом“, заслуживает вполне внимания читающей публики <...>».

приезда Анюты⁴¹⁷ написал страшно длинную и страшно нескладную канитель о книге Жида «Гражданское положение женщины», которую (не женщину, а книгу) я цензировал и потому решил и рецензировать. Эту канитель Духовецкий всю без сокращений поместил⁴¹⁸, а Вашу статью, а также мою заметку о предстоящем выходе в свет первой книжки *Нового Пути* не напечатал⁴¹⁹. Между тем, по получении книжки, я написал обзор ее содержания, стараясь быть ясным и вполне цензурным. Видя, однако, что предварительной моей заметки не помещают, так же как и Вашей статьи, я бросил свой обзор «Нового Пути» и сделал запрос у Духовецкого, почему он ничего не хочет знать о «Новом Пути»?⁴²⁰ На запрос этот я до сих пор ответа не получил. Я напишу еще раз. Пока не будет получен ответ, не пишите ничего для *Приднепровского Края!* Мне страшно хотелось бы дать Вам заработок в этой газете: уже эгоистическая цель вынуждает меня хлопотать об этом: из первого же гонорара Вы должны отложить сумму, необходимую для путевых расходов из Москвы в Нижний и обратно. Я жду Вас в гости надолго летом... Некоторым ответом на страшный вопрос об астартизме, которого Вы касаетесь в своем VI письме⁴²¹, служит, по-моему, то, что Вы писали мне о сумасшествии и что Вы писали Мережковскому или Перцову («Новый Путь») об оргиазме; я думаю, что сумасшествие (не вследствие удара головой о тумбу), а Нитшевское, оргиазм Розановский суть явления психофизиологические и интеллектуалистические тою же сущностью астартизма. Астартизм же часто наблюдается на улицах Москвы; это схождение с рельс конки. Простите: я склонен сегодня говорить благоглупости. Но право же, отчасти это так. Движение духа по телеологическим рельсам, ведущим направо, коварно переводится стрелочником на рельсы параллельные (пока), но в конце концов приводящие налево; случается же это, когда кондуктор, полагаясь на Цель, притягивающую вагон (*Causa finalis*⁴²²), небдителен до такой степени, что не замечает легкого толчка, знаменующего перевод вагона на другие соседние рельсы, ведущие не к Космосу, а к Хаосу... Напрасно Вы называете свои стихи убогими и напрасно Вы некоторые из них не покажете Коле⁴²³. Очень жаль, что Вы не занимаетесь вовсе немецким языком. Немецкая поэзия и философия тесно связана с немецким языком и немецкой музыкой; гораздо теснее, нежели то наблюдается у других наций... Еще не так давно я читал *Zarathustra*, часть III *Vom Voruebergehen*⁴²⁴ и думал о Вас; чтобы оценить до конца не только философию, но и музыку этого параграфа, не только суть, но и дух речей Нитцше, – необходимо читать это по-немецки... Положительно так никогда ни один смертный не говорил *прозой*... – Из стихотворений Блока особенно сильное впечатление произвело на меня последнее: *Сбежал с горы etc.*⁴²⁵

⁴¹⁷ А. М. Метнер.

⁴¹⁸ Речь идет о статье Метнера «Из области „изящной“ юриспруденции» (Там же. 1903. № 1711, 21 января; № 1712, 22 января; № 1715, 25 января; № 1718, 28 января; № 1722, 1 февраля), представляющей собой отклик на книгу французского юриста и историка Поля Жида (Gide; 1832–1880) «Etude sur la condition privée de la femme»; в русском переводе: *Жид П. Гражданское положение женщины с древнейших времен* / Пер. с фр. под ред. и с предисл. проф. Ю. Гамбарова. М., 1902.

⁴¹⁹ См. примеч. 2 к п. 9.

⁴²⁰ Метнер не знал, что к тому времени его заметка «Новый Путь» была опубликована в «Приднепровском Крае» в рубрике «Библиография» (1903. № 1703, 13 января. С. 4); в ней приветствовалось новое издательское начинание: «Во всяком случае вполне определенное, слишком определенное старое насиженное место, которое покидают путники, настолько невыносимо тоскливо, серо, буднично, скучно, что нечто неопределенное, пусть даже опасное, неспособно их принудить к отступлению, а скорее привлечь новых путников, даже и не из числа любителей приключений, сильных ощущений и экстравагантного декадентизма». Сходным образом Ф. А. Духовецкий назвал 1-й номер «Нового Пути» «одним из отраднейших явлений нашего времени»: «...журнал появился на свет прекрасно вооруженным для следования по прокладываемому им новому пути, на котором ему предстоит немало опасностей и суровой борьбы» (*Духовецкий Ф. Беседа с читателями. XXVII. Новый путь* // Там же. 1903. № 1704, 11 января).

⁴²¹ Имеется в виду п. 16.

⁴²² Конечная причина (*лат.*).

⁴²³ Н. К. Метнер.

⁴²⁴ «О прохождении мимо» – фрагмент из поэмы Ницше «Так говорил Заратустра».

⁴²⁵ Стихотворение «Сбежал с горы и замер в чаще...» (21 июля 1902). См. примеч. 11 к п. 16; *Блок. Т. 1. С. 113.*

Это такой тонкий змеиный упоительный ужас, какой я не раз ощущал... И опрокинувшись заглянет мой белый призрак им в лицо...⁴²⁶ Кириллов за шкафом⁴²⁷, сон мой о двух змеях... Ужасный сон... Но я спокойнее, вспоминая его теперь.

«Новый Путь», говорите Вы, «намеренно тускл, сух, сериозен». И фатально не объединен в терминологическом отношении... Полон недомолвок. Приблизительных касаний. Заигрываний с партиями... Я очень строг; я придираюсь. Я злюсь. Вот где и *bizarrierie*, и смешение аллегорического с символическим, символического с воплощенным... Статья Мережковского в чтении понравилась мне больше, нежели выслушанная как лекция...⁴²⁸ Ваше «письмо»⁴²⁹, дорогой мой, при всей халатности, с которой Вы, изумленно озираясь, очутились среди публики, будучи неожиданным толчком выброшены из Ваших внутренних интимных апартаментов, при всей нечесанности и неотесанности эпистолярного «неглиже с отвагою» является самым умным, самым талантливым и самым сильным словом во всей книжке. Оно произвело на меня почти *зрительное* впечатление... Я смеялся и радовался в душе за Вас. Рассказ Леопарда Дионисова – «интересен»⁴³⁰. Он очень понравился Аняте, которая до тех пор терпеть не могла писанья Зинаиды Николаевны. Л. Денисов – есть такой составитель разных клерикально-колокольных книжек...⁴³¹ Какой это рассказ просит у Вас Перцов?? Скоро ли выйдет Ваша новая симфония?? Да! Отрывок из Вашей статьи об Олениной я прочел в «Волгаре», который перепечатал его и снабдил quasi-ядовитыми замечаниями и массою????!!!! –⁴³² Вы, конечно, получили от меня посланный Вам под бандеролью № „Волгаря“ со статьей о «Новом Пути»?!⁴³³ Обезьяна, совсем напрасно скрывающаяся под неподходящим прозвищем «Антропов», принадлежит к породе тех критиков, о которых Жан-Поль Рихтер так много и остроумно распространялся в своих сочинениях⁴³⁴. Что Вы хотите? Неужели Вы думаете, что наша «интеллигенция», которую хотят мирить с церковью, способна выйти из позитивистического нужника?

1 февраля. Сегодня у меня был в гостях преосвященный Назарий. Сегодня же по одному делу зашел ко мне городской голова Меморский⁴³⁵. Вот два человека: оба русские (по проис-

⁴²⁶ Заключительные строки стихотворения «Сбежал с горы и замер в чаще...».

⁴²⁷ Подразумевается эпизод из романа Достоевского «Бесы» (ч. 3, гл. 6, II): «У противоположной окнам стены, вправо от двери, стоял шкаф. С правой стороны этого шкафа, в углу, образованном стеною и шкафом, стоял Кириллов, и стоял ужасно странно, – неподвижно, вытянувшись, протянув руки по швам, приподняв голову и плотно прижавшись затылком к стене, в самом углу, казалось желая весь стусеваться и спрятаться» (Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Л., 1974. Т. 10. С. 475).

⁴²⁸ Имеется в виду начатая печатанием в № 1 «Нового Пути» книга Д. С. Мережковского «Судьба Гоголя» (см. примеч. 6 к п. 8). Лекцию о Гоголе Мережковский читал в Москве в Историческом музее 17 февраля 1902 г.

⁴²⁹ См. примеч. 14 к п. 16.

⁴³⁰ См. примеч. 13 к п. 16.

⁴³¹ Леонид Иванович Денисов – автор и составитель популярных религиозно-просветительских брошюр, многие из которых неоднократно переиздавались: «Великий пост» (М., 1898), «Жизнь и подвиги св. Алексия, человека Божия» (М., 1898), «Жизнь и страдания св. великомученицы Варвары» (М., 1899), «Ад и рай» (М., 1900), «День св. Троицы» (М., 1900), «Жизнь и покаяние преподобной Марии Египетской» (М., 1900), «Сказания о благодатных откровениях Господа Иисуса Христа святым» (М., 1902), «Жизнь апостола любви св. Иоанна Богослова» (М., 1902) и т. п.

⁴³² См. примеч. 8 к п. 12.

⁴³³ Имеется в виду статья Р. Антропова «Критические очерки. III» (Волгарь. 1903. № 20, 21 января. С. 2), в которой был дан резко критический обзор содержания 1-го номера «Нового Пути»: «Люди несомненно даровитые, писатели, которые могли бы оказать „нищим духом“ посильную помощь разумным словом, пускаются в роль Пифии, бессмысленно пророчествовавшей»; Мережковский, по мнению обозревателя, составляет „статьи-откровения“, с целью одурачить легковверную толпу и прослыть величайшим умником нашего милейшего сверх-времени», Розанов иронически аттестуется как «образчик русской философии»: «...вот вам наглядный пример, до каких благоглупостей можно дойти, устремляясь философской мыслью из черепа Валтасара», и т. д.

⁴³⁴ См., например, рассуждения о критиках и рецензентах в трактате Жан-Поля «Приготовительная школа эстетики» («Vorschule der Ästhetik», 1804) (Жан-Поль. Приготовительная школа эстетики. М., 1981. С. 313–329).

⁴³⁵ Александр Михайлович Меморский (1855–1913) – городской голова Нижнего Новгорода, бывший присяжный поверенный.

хождению из духовного сословия), оба умные (хотя с неба звезд не хватают); оба с высшим образованием; оба довольно светские люди; один производит впечатление изумительной культурности; другой, Меморский, «интеллигент», «прогрессист» – азиат в сюртуке. Он кричит о гласности, пока его не задели... А как задели, что оказывается менее терпим, нежели о. Назарий... Нет! Представители церкви, пожалуй, даже в массе более *гибки*, нежели представители интеллигенции. Ваше последнее *седьмое* письмо ко мне⁴³⁶, написанное «по какому-то внутреннему побуждению, даже... приказанию», обнаружило беспокойство обо мне, то же беспокойство, что охватило Алексея Сергеевича, о чем он и сообщил мне одновременно с Вами... Очевидно, оба Вы чувствовали, что я в опасности. Так это и было. Ваши письма пришли кстати. Теперь мне легче. Подробнее об этом в письме Петровскому⁴³⁷. Вы пишете: «События не оставят нас в стороне... Все же мы званы поддерживать славу Имени Его. Будем же праведниками света и свет в нас засветит и тьма не наполнит нас...» Тьма пыталась наполнить мою душу, и я особенно часто вспоминал свой «*Denkspruch*»⁴³⁸ (Первое послание Петра. Гл. вторая, стих IX⁴³⁹), который выпал на мою долю во время конфирмации, как руководящее изречение на всю жизнь... Об этом лютеранском обычае я рассказывал Алексею Сергеевичу... Я с Вами согласен в том, что Москва *один* из центров. Но кто знает: не было ли в царствование Августа в Риме, Афинах, Александрии у некоторых ощущения, что центр именно там, где они, имеющие уши, слышат???⁴⁴⁰

Пишите! Христос с Вами.

*Ваш Э. Метнер*⁴⁴¹.

Вот Вам образчик отношения нашей интеллигенции к такому важному вопросу как «ересь». Не только наши отцы и старшие братья, но и наши сверстники и младшие братья – безнадежны (*при жизни*)... Разве наши дети и внуки поумнеют. Мне жалко «Новый Путь», но едва ли он жизнеспособен. Нас очень немного, дорогой Борис Николаевич!

2 февраля 1903 года. Орывок из Фауста.

⁴³⁶ Имеется в виду п. 17.

⁴³⁷ В письме к Петровскому от 29–30 января 1903 г. Метнер сообщал о переживаемых им тяжелых психологических симптомах, которые каким-то образом соотносились с личностью адресата: «...бывало, что я Вас *боялся*. Мне казалось, что, если я с Вами не порву, то скоро умру. Самая мысль, что я недолговечен, приходила только в Вашем присутствии и при воспоминании о Вас. Конечно, ни Вы, ни я во всем этом ужасе – не виновны, или виновны косвенно, посредственно. Тут что-то „напыляло“, выражаясь языком „Симфонии“. В том же письме Метнер признавался в подверженности двум порокам – властолюбию и гневу.

⁴³⁸ Изречение (*нем.*).

⁴³⁹ «Но вы – род избранный, царственное священство, народ святой, люди, взятые в удел, дабы возвещать совершенство Призвавшего вас из тьмы в чудный Свой свет» (1 Петр. 2: 9).

⁴⁴⁰ Откр. 2: 7 («Имеющий ухо да слышит, что Дух говорит церквям»).

⁴⁴¹ *Далее на листе наклеены газетные вырезки: «<Редкое> небесное явление», «Молитва» (перечеркнута красными чернилами), «„Чудесный“ ребенок», «Нечто об еретиках» (перечеркнута красным карандашом).* Две из этой подборки заметок были опубликованы в газете «Волгарь»: «Редкое небесное явление» (1903. № 24, 25 января. С. 4), «„Чудесный“ ребенок» (1903. № 31, 31 января. С. 4). В первой заметке сообщалось о том, что в Сычевке Смоленской губернии 2 января на небе были замечены две радуги с обеих сторон луны, после чего между радугами образовался крест белого цвета: «получилось, как будто бы невероятно больших размеров крест стоит на земле». Во второй заметке рассказывалось об удивительных способностях мальчика-калеки в семье крестьянина Александра Кокаровцева: «где мальчик ни сядет, все предметы, находящиеся вблизи него, отлетают в сторону»; «крестьянин Кокаровцев, будучи сектантом, пригласил начетчика отчитывать нечистую силу, но и это не помогло». Две другие заметки (в гранках) не были допущены к печати. В заметке «Молитва» (рубрика «Смесь») сообщалось, что «в одном из селений <...> в глуши степей змиевского уезда взрослые, семейные и даже старики крестьяне, никто не знает молитвы Господней, при крещении детей восприемники не могут читать символа веры. <...> Вот та молитва, которую читал старик-малоросс: „Не ослаби, не остави, не припусти, не запусты, ны те то в колеси лежышь, оже есть ише трошки и увесь; око на небі, друге на земли; хліб наш на сішках, дай нам, Господи на выделках <...>“». Заметка «Нечто об еретиках» начиналась с сообщения: «Под таким заголовком напечатана статья в Спб. Вед., в которой отмечается стремление некоторых „блустителей православия“ наделять кличкой „еретиков“ всех мыслящих несогласно с ним. <...> Первым вздумал у нас поиграть этим словом наш поэт, г. Мережковский», назвавший «еретиком» В. В. Розанова; затем иеромонах о. Михаил заявил, что сам Мережковский – «вредный еретик», а его учение – «апофеоз оргийности», его проповедь – «дрянная проповедь» и т. д.

Die Hexe <...>
Du mußt verstehn!
Aus Eins mach' Zehn,
Und Zwei laß gehn,
Und Drei mach' gleich,
So bist du reich.
Verlier' die Vier!
Aus Fünf und Sechs,
So sagt die Hex',
Mach' Sieben und Acht,
So ist's vollbracht:
Und Neun ist Eins,
Und Zehn ist keins.
Das ist das Hexen-Einmaleins!

Faust:

Mich dünkt, die Alte spricht im Fieber.

Mephistopheles:

Das ist noch lange nicht vorüber,
Ich kenn' es wohl, so klingt das ganze Buch;
Ich habe manche Zeit damit verloren,
Denn ein vollkommener Widerspruch
Bleibt gleich geheimnisvoll für Kluge wie für Toren⁴⁴².

и т. д. и т. д. — до конца мепистофелевской реплики (Фауст, ч. I. Сцена в кухне ведьм).

Мне кажется, я недостаточно ясно в письме Петровскому сказал о девятой симфонии и Парсифале⁴⁴³. Мотив IV ч<асти> IX с<имфонии> при всем напряжении святости в нем не свободен от прометеевского элемента, присущего Бетховену, элемента, от которого лирик всегда себе верный и равный, как Бетховен, не мог и не намеревался освободиться. Основной же мотив *Парсифала* при таком же напряжении святости не свободен от некоторой искусственно-

---

⁴⁴² Фрагмент из сцены «Кухня ведьмы» («Hexenküche»), входящей в 1-ю часть «Фауста»: «Ведьма. <...> Пойми, как из одного выходит десять! а если прибавишь два, то вмиг выйдет три, и ты будешь богат! Прикинь четыре да слушай ведьму, и сделаешь из пяти и шести семь с восемью. Тут и делу будет конец! Девять станут одним, а десять ничем! Вот где единожды один ведьмы. Фауст. Мне кажется, что старуха болтает в бреду. Мепистофель. Дело еще далеко не кончено. Так написана вся ее книга. Мне это хорошо известно. Много потерял я над ней времени, потому что противоречие в подобном случае было и будет всегда такой же бессмыслицей как для умных, так и для глупых» (Фауст, трагедия Гёте / В переводе и объяснении А. Л. Соколовского. СПб., 1902. С. 68–69).

⁴⁴³ В письме Метнера к Петровскому от 29–30 января 1903 г. об этих произведениях идет речь в связи с Сонатой f-moll op. 5 Н. Метнера: «С Вашей богословской, что ли, точки зрения Вы совершенно правы, когда говорите, что это сверхгениально и т. д. и т. д. По „напряжению святости“ действительно этому равно только финал девятой симфонии Бетховена и Парсифаль Вагнера. Хотя в первом осталось что-то прометеевское, а второй, наоборот, звучит форсированным спокойствием, несколько (но только *несколько*) напускною покорностью воле Божьей. Uebermensch-Wagner сказал тут: *hочу покориться!* Но то и другое в Бетховене и Вагнере отразилось в их произведениях только в самой слабой дозе. У Коли ни того, ни другого вовсе нет. Те оба создали для выражения святости совсем новые раньше у них не бывшие темы. И в этих темах неизбежно сказались их „субъективизмы“: полнейшее неумение лицедействовать, чистейший лиризм Прометея Бетховена, не сумевшего написать ни одной драмы, кроме собственной, и театрал, шопенгауеровец Вагнер, смешивавший христианство с буддизмом, Царство Небесное с Нирваной и отразивший *несколько* и свою сценическую хватку и это смешение в Парсифале».

сти, к которой театрал и Uebermensch⁴⁴⁴ Вагнер прибег, дабы скрыть, замаскировать неистребимость в себе титанизма. Он принуждает себя дать святость до конца. Ясно??. До свиданья.

Р. S. Я забыл спросить Вас: получили ли Вы *оба* мои письма, которые я послал Вам одно вслед за другим в ответ на Ваше 5-ое?⁴⁴⁵

РГБ. Ф. 167. Карт. 4. Ед. хр. 10. Фрагмент опубликован: ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 195.

Ответ на п. 16.

20. Белый – Метнеру

14 февраля 1903 г. Москва

Москва 1903 года февраля 14-го.

Многоуважаемый и дорогой мне Эмилий Карлович!

Простите мое долгое молчание. Оно вызвано не от меня зависящими причинами. 1) Легкое нездоровье, парализовавшее *всю мою активность* и притом настолько, что я не мог даже написать Вам письмо – а это для меня *только удовольствие*. 2) «Мир Искусства» просил у меня статью, и надо было ее закончить. Я и так опоздал к мартовскому номеру, где будет только одно из моих *хождений на руках с разведением ног* к ужасу обывателей, если только «Мир Искусства» дерзнет напечатать сию дикую штуку. Так что статья, быть может, выйдет в апреле⁴⁴⁶. 3) Еще с незапамятных времен залежались у меня письма З. Н. Гиппиус и Блока⁴⁴⁷, так что нужно было сперва им ответить⁴⁴⁸. Все это отсрочило мой ответ. Но лучше поздно, чем никогда.

Эти дни были снежные вихри. Думается мне – замели они *пылевые столбы серых шалунов*, устраивающих жуткие шутки над Москвою, а может быть и над Россией. Хотелось бы отдохнуть для нового боя. А бой будет. Это заканчивается период, начавшийся с 1898 года. Это сводятся концы с концами – думается мне. Один из столбов замутил ясную поверхность между нами, прикинувшись «*здеишем*», но «*Да воскреснет Бог!*»⁴⁴⁹. Разве могут быть между нами какие-нибудь особенные несогласия! Это – немыслимо, а если бы даже и были – что ж из этого. Принцип никогда не облечается плотью и кровью; человек останется впереди всего. Выписка, сделанная Вами из моих довольно-таки неудачно-корявых слов, означает следующую для меня простую (но мной хитро высказанную) истину: Я никогда не удовольствуюсь Символом. Всякое религиозное событие для меня «*само по себе*», т. е. воплощено. Выражение

---

⁴⁴⁴ Сверхчеловек (нем.).

⁴⁴⁵ Имеются в виду п. 13, 15.

⁴⁴⁶ В первой половине 1903 г. в «Мире Искусства» статей Белого не появилось, но в приложении к журналу был опубликован его «манифест» «Несколько слов декадента, обращенных к либералам и консерваторам» (Хроника журнала «Мир Искусства». 1903. № 7. С. 65–67), который, видимо, здесь упоминает Белый как «дикую штуку».

⁴⁴⁷ Ближайшее по хронологии письмо З. Н. Гиппиус к Белому, сохранившееся в его архиве, – от 29 октября 1902 г. (РГБ. Ф. 25. Карт. 14. Ед. хр. 6); письмо Блока к Белому – от 3 февраля 1903 г. (Белый – Блок. С. 37–39).

⁴⁴⁸ Письмо Белого к Гиппиус, относящееся к первой половине февраля 1903 г. (как и большинство его писем к ней), вероятно, не сохранилось; письмо Белого к Блоку той же поры, видимо, не было написано и отправлено, лишь 24-м или 25-м февраля 1903 г. датируется очередное письмо Белого к Блоку, начинающееся словами: «Простите меня за мое долгое молчание» (Там же. С. 42–51).

⁴⁴⁹ Молитва на сон грядущим: «Да воскреснет Бог и расточатся врази Его, и да бежат от лица Его ненавидящие Его».

«объективация этого воплощенного на степень идеи» означает: я не принимаю никакого участия в *воплощении* религиозных истин; я не теург; но я извне созерцаю эти волевые движения, призывающие магически «*божественные вибрации*» (простите!); созерцаю их идею: ибо *воля* и *идея*, хотя глубоко не совпадают друг с другом, но лежат на одной плоскости по отношению к «*сократическому человеку*», о котором Ницше говорит, что его *время проходит*⁴⁵⁰. Если же принять во внимание все то, что В. Соловьев *почти* гениально говорит о классификации идей в «*Чтениях о Богочеловечестве*»⁴⁵¹, то *Мировая Идея* (София) будет почти у порога *сущности* (метафизической воли). Равнодействующая между теософией и теургией будет заключаться в расширении *идейности* в вещах до степени родовых и т. д. идей. А так как идея по существу своему *символична* (во временном вневременное – *σύμβολον*), то в расширении и углублении *символа* и будет заключаться это слияние теософии, как *начала* и теургии, как *конца*. Скажу далее: эзотеризм эзотеризма, т. е. символ символа уже близит к воплощению. Узел между символическим и воплощенным заключается в том, чтоб найти *меру* между этими оттенками сокровенного. Между теософией, понимаемой символически, и между теургией, понимаемой *окончательно* и *буквально* (т. е. соединенно до конца), есть узел, но не пропасть. Эта пропасть была бы в том случае, если бы теософия только занималась аллегориями. Но я верю, что она глубже, т. е. что она символична. Здесь касаюсь о четырех стадиях 1) как таковое, 2) как аллегория, 3) как символ, 4) как воплощение, т. е. опять-таки *как таковое*, но иную, истинной реальностью. Как будто здесь на *четвертом* понимании отпадают несовершенства первых трех стадий (придатки и отягощающие хвостики) и действительность является законченно цельной. Это опять-таки *возвращение* (везде возврат). При таком естественно-последовательном переходе от *образа* сквозь символ (т. е. музыку, ибо самый совершенный символ – музыкальное сочетание звуков, вопиющее к Вечности) к *новому образу* («*Новая земля, новое небо*»)⁴⁵² уничтожается бездна между феноменальным и нуменальным Канта. Между тем отсеченность *нуменального* как вневременно-внепространственного создает весь тягостный *ужас*, *зной без исхода* кантовской философии, понимаемой формально, т. е. логически. Вы понимаете – тут крышка, грозно нависающая – в этих априорных формах познания, не высвеченных символом. Это все еще только вторая стадия аллегорическая, завершаемая гносеологией, как наиболее совершенной и наиболее безнадежной философской формой изыскания. Отсюда – или 1) ужас отчаяния, 2) или последовательное умерщвление самого себя – разложение души с атрофией чувства и воли, 3) *или выход к символам*. В *символизме* мы уже стоим по ту сторону даже гносеологии; гносеология – это уже оставленная нами оболочка; мы имеем право на это всей историей философии. В символизме к пяти чувствам прибавляется и шестое – чувство Вечности: это коэффициент, чудесно преломляющий все; тут после душного, замкнутого пространства, ограниченного временем, пространством, причинностью, раздается радостно-освобожденный и вместе недоумевающе-испуганный возглас: «*Вижу, знаю*». Тут впервые появляется язык вершин, не боящийся противоречий – тут танец веков, тут уже не метр мира, тут чистый, божественный ритм (ах, как вы чудесно писали Ал<ексею> Серг<еевичу> о ритме и метре)⁴⁵³. Только с одним я не согласен: с необходимостью тысячелетий для уловления ритма

⁴⁵⁰ Положения, развиваемые Ницше в книге «Рождение трагедии из духа музыки» (1872) – в гл. 18: «...современный человек начинает уже сознавать в своем предчувствии границы этой сократической радости познания и стремится из широкого пустынного моря знания к какому-нибудь берегу»; «...теперь <...> сократическая культура с двух сторон потрясена и скипетр непогрешимости уже дрожит в ее руках <...> теоретический человек пугается того, что из него самого может воспоследовать, и, неудовлетворенный, не решается уже более вверять себя страшному ледяному потоку бытия <...>» (Ницше. Т. 1. С. 127, 129. Пер. Г. А. Рачинского).

⁴⁵¹ Учение об идеях обосновывается в чтениях 4-м и 5-м «Чтений о Богочеловечестве» (1881) Вл. Соловьева.

⁴⁵² Откр. 21: 1 («И увидел я новое небо и новую землю <...>»).

⁴⁵³ Имеются в виду развернутые размышления о ритме и метре в письме Метнера к А. С. Петровскому от 29 января 1903 г.: «Иногда метр совпадает с ритмом, иногда нет. Чаще не совпадает. Еще чаще настоящего ритма нет, а есть только метр. Это относительно композиций. <...> Правда, „ритм“ стремятся расширить; ритм исторического развития, ритм возвращения,

мира). Да и кроме того: при логических формах (аллегориях) оставаться нельзя еще и потому, что ведь помимо *ужаса гробовой крышки* – *кантовского ужаса* в истории философии дан теоретический выход отсюда еще Шопенгауэром, который различием форм познания мыслящего от откровенного (интеллектуального) обосновал и предоставил для потомства право пользоваться так называемым «*психологическим методом*» – выдал патент на него. Ницше этим пользуется с правом. Ницше не философ, но он *и философ*, ибо *и теоретически* кровно связан с Шопенгауэром – этим достойным продолжателем Канта. Ницше связан с Кантом. Да. Это так.

Между тем слепые глаза и тугие уши ничего не видят и не слышат, фальсифицируя современный идеализм разогретыми пережитками.

Да, кстати: я еще ничего не писал Вам о забавной для меня истории с моим рефератом в филологическом кружке⁴⁵⁴. Тут вышла целая история. Я рассматривал формы *как таковые*, т. е. на первой стадии, иногда выкрикивая в виде риторических отступлений из области символизма (третьей стадии). Я обошел вторую стадию, т. е. *гносеологический аллегоризм Канта*. В некоторых местах при выкрикивании из области 3-ей стадии я упомянул о «*нуменальном*», причем поставил этот термин в кавычках, ибо пользовался им условно; повторяю, центр реферата был на *первой стадии*. Я забыл при этом поставить всего две частицы: «*как бы*» *нуменальное* и поставил просто «*нуменальное*». Дурачки-кантята во главе с Фохтом уличили меня в незнании термина, употребленного Кантом!! А?! Тщетно я объяснял *тресмысленность* того не существенного для целого места – они ничего не поняли, и свели мой реферат к второй, аллегорической, т. е. *гносеологической* стадии, рассматривая его именно только с этой, единственно им доступной стадии. Теперь там вышел из-за реферата какой-то скандал, по поводу протокола Фохта, составленного о прениях по поводу его⁴⁵⁵. Впрочем, я ничего не знаю верного. Мне что-то передавали. Характерно, что Блок упрекает меня за другое (реферат с выбросом некоторых мест напечатан в № 12 «*Мира Искусства*»⁴⁵⁶): он пишет, что я недосказал многое, т. е. не свел всецело к Апокалипсису, т. е. он видит центр в этих *несущественных* отступлениях полу-мистического оттенка⁴⁵⁷. Вот что происходит, когда мистик и декадент вступает в сношения со студентами!!

Все это меня очень забавляет. Забавляет и лай доброго *барбоса* Трубецкого и бес- сильно-осторожные подтягиванья Льва Михайловича Лопатина, который плачет надо мной, ругает меня, а при встречах позорно кривит душою. Дело в том, что он прочел «*Симфонию*», где, быть может, узнал себя в профессоре, бегущем жуликом навстречу жулику⁴⁵⁸.

Дорогой Эмилий Карлович, большое спасибо за выдержки из Гёте. Прочел с большим вниманием и восхищался. А выдержка последняя про «*Hexeneinmaleins*» удивила и утешила,

---

вечности. И не без основания. Но кто же может, кроме Бога, ангелов и святых уловить этот ритм. <...> Нечего и говорить о ритме возвращений вечности. Ведь это мировой пульс. Кто же может его слышать? Ведь для того, чтобы уловить частичку ритма, надо, быть может, прожить несколько тысячелетий. <...> Это – несказанное и иррациональное. Вот почему остается радоваться множественности ритмов отдельных духовных (или душевных) единиц (личностей) вместо недостающего нам единого ритма» (фрагмент приведен в полном объеме в статье: *Богомоллов Николай А.* Эмилий Метнер и «закон Андрея Белого» // *Die Welt der Slaven*. 2015. Jg. LX, Heft 1. S. 2–4).

⁴⁵⁴ Подразумевается Студенческое историко-философское общество, организованное при Московском университете в марте 1902 г. под председательством С. Н. Трубецкого. См.: *Анисимов А. И.* Князь С. Н. Трубецкой и московское студенчество // *Вопросы философии и психологии*. 1906. Кн. 81 (1). С. 146; *Фохт Б.* Памяти князя С. Н. Трубецкого. Речь, произнесенная в заседании Московского психологического общества 7 октября 1905 г. М., 1906. С. 8–9.

⁴⁵⁵ Согласно позднейшему свидетельству Белого в регистрационном своде «Себе на память», в прениях по его реферату о формах искусства (ноябрь 1902 г.) участвовали приват-доцент Д. В. Викторов, Б. А. Фохт, Б. А. Койранский, А. К. Топорков, А. В. Кубицкий, В. Ф. Эрн (ЛН. Т. 105. С. 698).

⁴⁵⁶ См.: *Бугаев Борис.* Формы искусства // *Мир Искусства*. 1902. № 12. С. 343–361.

⁴⁵⁷ См. письмо Блока к Белому от 3 января 1903 г. (*Белый – Блок*. С. 15–17).

⁴⁵⁸ Имеется в виду эпизод из части 1-й «Симфонии (2-й, драматической)»: «5. Это был заезжий жулик из южных провинций. 6. А к нему навстречу жуликом бежал профессор Московского университета с экзаменов. 7. Оба не знали, зачем существуют и к чему придут. Оба были в положении учеников, написавших „extemporalia“, но не знающих, какую получают отметку» (*Симфонии*. С. 68).

ибо я склонен рассматривать вопрос о 9-ом так же. Дело в том, что на *восьмом* приканчивается *все*. Если $9 = 1$, то значит здесь мы имеем лишь возврат опять-таки к первой стадии, т. е. *узнавание* все тех же истин и тайн разными путями. Это – опять-таки периодичность возврата. Это «вечные упражнения» духа – упражнения в Вечности. Теософы говорят, что среди «7» ступеней каждая *большая ступень* распадается еще на «7» малых. Если принять во внимание, что «8» есть возвращение к «*отчему лону*», Он и Отец – одно, при 7-ом – белоголубая – бледно-голубая встреча с Ним, то на символическом плане выступает все значение этого «*und Neun ist Eins*»⁴⁵⁹. Кстати «4» не есть ли 8/2, т. е. в малом, предварительном виде проекция «8-ми». Как на четвертом, воплощенном плане водворяется *совершенство*, так и на 8-ом – все земное сжигается и остается – *старинное*... Хотя последние слова мои – явная и сознательная натяжка, не опирающаяся на *ви́дения*.

Дорогой Эмилий Карлович, мне скорей было бы приятно, чтобы статья моя не была напечатана, ибо она очень и очень экзотерична, популярна⁴⁶⁰. У меня бы осталось чувство некоторого осадка. Так что я скорей доволен непомещением статьи. И во всяком случае не пошлю ничего больше в «*Приднепровский Край*». Мне очень приятно, что стихотворения Блока Вам нравятся. В III-ей книжке «*Нового Пути*» они будут⁴⁶¹. Очень рад, что Вам нравится отрывок из моего письма, без моего ведома и разрешения напечатанный (это – наглость). Меня всюду бранят за него, да и я сам себя браню. Да и потом: они произвольно выбросили многие важные места, освещающие и углубляющие то, о чем я говорю⁴⁶². И от всего этого получается какой-то глупо-непричесанный, мальчишеский оттенок, какое-то чириканье о глубоком. В результате это письмо – повод к моему «посрамлению» среди негодующих философутиков, которые узнали, что это – я. В результате я зол и на «*Н<овый> П<уть>*», и на свое письмо. Всякую нелепость отдела «*частной переписки*» теперь будут, чего доброго, приписывать мне. Вы спрашиваете – скоро ли выйдет моя «*Симфония*»? Да не ранее, как через год⁴⁶³. Она – в «*Скорпионе*», который медлителен и переполнен книгами. Туда же отдаю и свою «*Третью Симфонию*»⁴⁶⁴. В «*С<еверных> Цв<етах>*» 1903 г. будет мой драматический отрывок и стихи⁴⁶⁵. Надеюсь сорвать куш.

Благодарю Вас, Эмилий Карлович, за образчики интеллигентной тупости⁴⁶⁶. Безрадостно, безнадежно!.. Но надеюсь на... чудо?! Быть может, когда-нибудь, где-нибудь, что-нибудь будет в России... Когда-то Вы просили меня напомнить наш незаконченный разговор. Буду краток и субъективен, иначе пришлось бы увеличить письмо раз в двадцать. Итак, полагаюсь на чудо и на гений Вашей гибкости и тонкости в понимании.

Г) сначала было так; «ab» графический путь эволюции, где в «a» и в «b» касания человека с Богом.

⁴⁵⁹ «И девять есть единица» (нем.).

⁴⁶⁰ Подразумевается статья «Интеллигенция и Церковь» (см. примеч. 2 к п. 9).

⁴⁶¹ Цикл из десяти стихотворений Блока «Из посвящений» (Новый Путь. 1903. № 3. С. 48–59) – дебют поэта в печати.

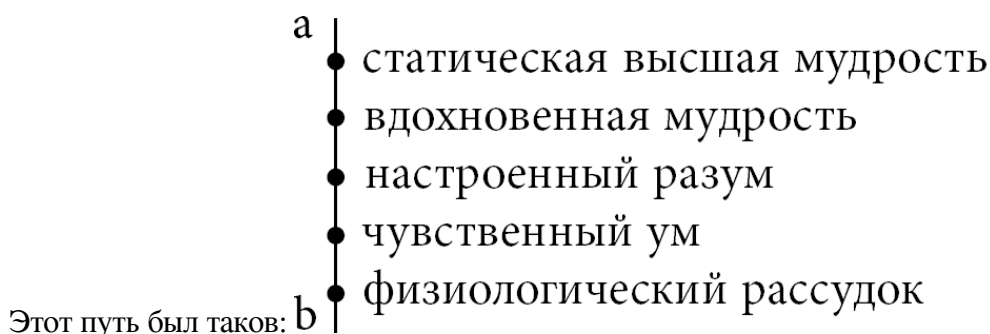
⁴⁶² Полный текст письма «студента-естественника», по всей вероятности, не сохранился.

⁴⁶³ См. примеч. 16 к п. 16.

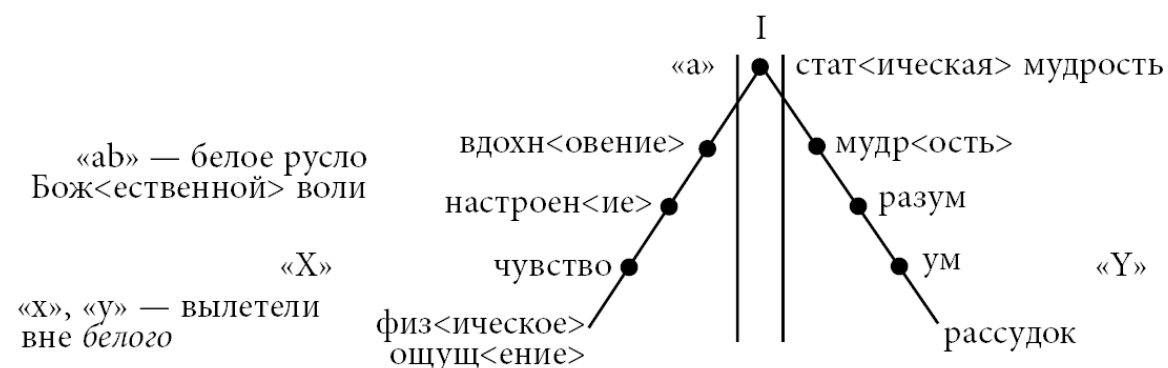
⁴⁶⁴ «Возврат. III симфония» Белого была выпущена в свет московским издательством «Гриф» в ноябре 1904 г. (на титульном листе: 1905).

⁴⁶⁵ Имеется в виду кн.: Северные цветы. 3-й альманах книгоиздательства «Скорпион». М., 1903 (вышла в свет в начале апреля 1903 г.). В ней были опубликованы «Пришедший. Отрывок из ненаписанной мистерии» Белого (С. 2–25) и его цикл из восьми стихотворений «Призывы» (С. 26–38).

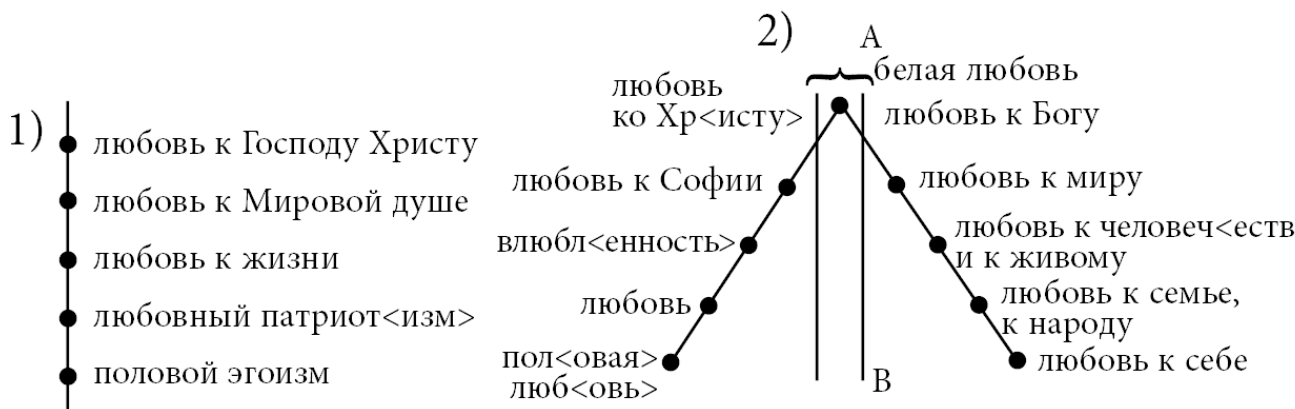
⁴⁶⁶ Подразумеваются газетные вырезки, приобщенные к п. 19.

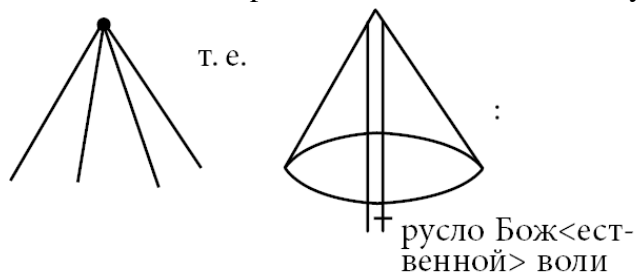
«ab» – русло Бож^{<естественной>} воли – *белое русло*. После грехопадения произошел раскол, раздвоение, но не до конца, а в самом глубоком, внутренне-грядущем осталось *соединение*. После раскола стало так

На стадии волевой имеем

Раскол A ⊥ B; вершина I налагается на 2; получаем

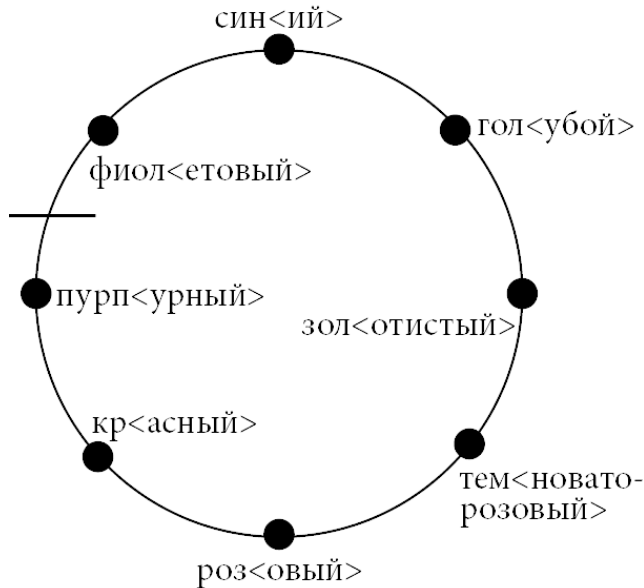

Вот что с одной стороны. С другой стороны имеем

- 1) Белое = полнота цвета = цвет Бож^{<естественного>} Бытия.
- 2) Черный = все противоположное.
- 3) *Серое* = воплощение небожеского в образ и подобие Божеского.
- 4) Красное = относительное = сверк^{<ающий>} белый луч сквозь серую пыль.
- 5) *Розовое* – очищение серого (все оттенки розового и золотистого, т. е. темновато-розового до полного обеления суть расчищение ужасной *стаи*).

6) *Голубое* = Внецветное, потуццветное (8) – сквозь белое (8). И чем тоньше цвет белого, тем *синее*, так что в небе имеем это двойственное, т. е. голубое (т. е. остатки тающего белого) и *внецветное* (*Отчее* символического плана). В небе намек на двуединство. *Здешнее* и *тамошнее*.

7) Белое = + 7 цветов спектра, т. е. цвет соединяющий. Пурпурное = цвет, соединяющий> линию спектра

= цвет нуменальный (*Отчее* на историческом (ветхозаветном) плане). Я и Отец – одно⁴⁶⁷; пурпурное (8) и белое (7) – не об одном ли? «Если дела ваши, как *пурпур*, как волну *убелю*»⁴⁶⁸.

отец — сын
 {
 одно в Духе

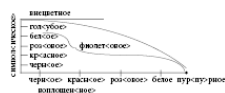
Если так на истор<ическом> – воплощен<ном> – теург<ическом> – плане, то на символ<ическом> плане не будет ли так:

Голубое (7) и *Внецветное* (8) не об одном ли?

8) Фиолетовое = Синее + Пурпурное = Внецветное + Голубое и Белое + Пурпурное. – Очень тонкий цвет. Тут как бы цветом дается какая-то *мера*, *соединение* между символич<еским> внутренне-религиозным путем и исторически воплощенным соединением, между «новыми» временами и пространствами и между вневременным и внепространственным. Здесь символизм и истор<ическое> воплощение на своих крайних ступенях как бы сливаются: это как бы два радиуса, выходящие на одну общую окружность.

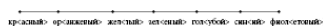
⁴⁶⁷ Ин. 10: 30.

⁴⁶⁸ Ис. 1: 18 («Если будут грехи ваши, как багряное, – как снег убелю; если будут красны, как пурпур, – как волну убелю»).

И внешний знак этого – *фиолетовое*. Вот почему если *красное* есть напряжение, то *фиолетовое* найденный здесь условный, досмертный *покой*; недаром оба цвета на краях спектра и как *крайние* – законны. Но вот

9) *зеленый* – символ (4-ый цвет спектра

земной срединности, подобно тому, как *серый* есть символ премирно-нуменально-чертовской срединности. Зеленое – символ земности. Не оттого ли *глухие, растительные организмы окрашены в зеленый цвет*?

10) Если 1-ое Пришеств<вие> Христа *багрянницей, жаром, огнем и кровию страдания*, то второе – белым. Символическая же встреча с Христом, постоянно стоящим перед нами, – в голубом. Но в Христе и Отец, а Отец познается *внецветным* и *пурпурным*. Итак, *априорно выводжу*: В лике Христа встречаются цвета – *Белый, Пурпурный, Голубой и Внецветный*.

Тут же скажу Вам тайну: *опытно я убедился, что в молитвенном созерцании Христа (мысленном) три цвета*: Белый, Пурпурный, Голубой.

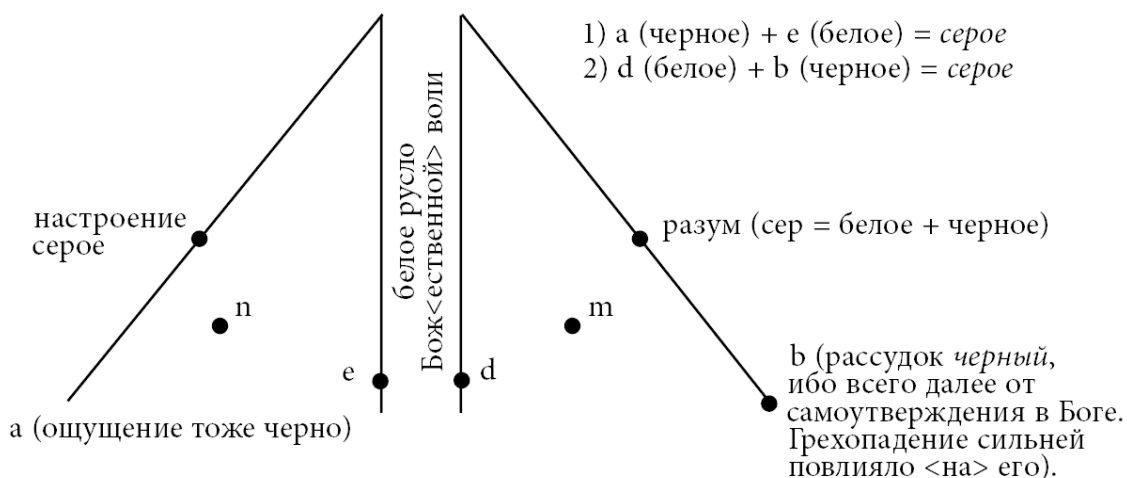
Христос пришел не водою (не голубым) только, но и кровию, и духом (белым). *Внецветность же («о восьмом»)*, т. е. «Я и отец – одно» как символ новозаветности – эта *внецветность есть умиленно-мягкий коэффициент послевременной, старинной довременности, который вставляется во всякую новозаветную формулу*.

Спешу заметить, что все, о чем я говорил по поводу цветов, то более, то менее (но всегда) *опирается на некоторую интуитивность*. Все это я не только внешне выводжу, но и «знаю», «вижу».

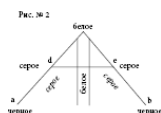
А теперь возвращаюсь к предыдущим схемам и вкратце совмещаю сказанное о стадиях рассудка и чувства со сказанным о цветах.

Рис. № 1

«с» белая эстетическая
(а не оргиастическая) высшая мудрость

Вставляя 1) и 2), т. е. *серое*, в его графическое место «m» и «n», получаю: рис. № 2.

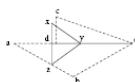

Соединение стадий *рассудка* и *чувства* на низших ступенях ведет к нуменально-смердяковски-карамазовской пошлости, а для глядения в *нижнюю бездну*, сверкающую, сквозь эту *тучу серости* порождает *огненно-красное*, т. е. либо *ужас огня*, либо <стра>дание<?>, а иногда и то и другое.

Исторический путь человечества от «а» к «d» и от «b» к «e» – ветхозаветен, труден – путь в гору. Линия *de* – момент взятия на себя грехов мира, и отсюда: первый момент христианства – красный, страдающий; второй – розовый, а *розовость* есть признак постепенного рассеяния ужасной, серой стаи, знамение того, что *искупление мира совершается непрерывно* – *обеление риз Кровию Агнца* (см. Апок<алипсис>)⁴⁶⁹. Еще радость впереди, но ужасы минуют: отсюда: розовая сентиментальность христианства позднейшего вплоть до самого последнего времени (да и теперь еще мы в *ви́дении* белого не можем отрешиться от бледнорозовых рефлексов). Перевал по ту сторону линии «*de*» – это Голгофа – крест, упразднивший неискупленный доселе ветхий завет, – крест же есть символ *четвертого* (т. е. среднего, ибо всех посвящений 7) посвящения в мистерии глубокой древности. До линии «*de*» человечество не имело милого, вечно грустно-задумчивого с оттенком довременной, старинной родины (8-ое), а после «*de*» *этот же оттенок и должен был занять первенствующее место*. Если этого не случилось – тут вина европейских варваров. Итак, чтоб показать перелом, ломаю треугольник «*acb*».

Получается фигура, напоминающая, что Δ «*abc*» как бы насажен в плоскости, перпендикулярной на некий треугольник «*xuz*», где «*x*» соединение в духе и Истине, где «*у*» соединение во Христе, а «*z*» в Отце, т. е. вечная св. *Троица*.

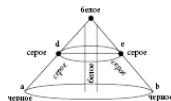

Соединение по треугольнику «*xuz*» – свято, а по Δ «*acb*» (треугольнику еще не очищенному, где «*а*» – черное, «*б*» – черное, и лишь «*с*» – белое – *серединно-нуменально-кошунственно*). *Здесь, срываясь, Мережковский впадает в ошибку, и эта ошибка коренная; и возражение о соединении не в том треугольнике было бы самым глубоким возражением Мережковскому, если бы его поняли, но... кто поймет?*

Тут зафиксированы головокружительные видения, открывающие путь в еще более головокружительное, для которого еще даже не настало время *графического метода*. Тут тайна. Но... понимаете ли Вы меня, дорогой Эмилий Карлович? Ведь я отдался субъективизму здесь, презрев *все решительно*, потому что иначе не мог бы говорить. Повторяю: здесь *всё* для меня *ви́дения и натяжек графических нет*. «*Это*» я всегда держу перед глазами, как азбуку «*метода искренности*», как константу теургически-теософского метода.

Повторяю рис. № 2

⁴⁶⁹ Откр. 7: 14 («...убелили одежды свои Кровию Агнца»).

«abde» увенчанный конус серого – первая стадия опытного богопознания страхом и ужасом, предшествующая 2-ой стадии опытного богопознания радостью и любовью, лежащая между абсолютным *невидением* и совершенным *видением*; в первой зоне – где прогоняют сквозь строй – характерны следующие цвета: *черное, серое, красный ужас, коричневое* (мера между черным и красным ужасом = красное + черное, не *желтошафранное ли?*). 4-ая стадия – Крест – красное страданием. Для второй зоны характерны цвета: розовый, белый, голубой, внецветный. Пролагаю это на символические стадии внутреннего пути.

0-ая — абсолютное неведение	}	Промежуточная зона
1) черный ужас		
2) чернокрасный ужас		
3) огненнокрасный ужас		
4) Крест — красное страданием		

(Мысли о Сатанаиле – старшем брате Христа⁴⁷⁰; зло = добру и т. д.

Секты: Манихеи, Богомилы, Гностики, Альбигойцы, элементы сектантства у Мережковского, Розанова и др.)

5) Розовое	}	2-ая стадия Богопознания
6) Белое		
7) Голубое		
8) Внецветное		

Господь с Вами, дорогой и милый Эмилий Карлович. Остаюсь любящий и уважающий Вас

Борис Бугаев

Р. S. Мой глубокий поклон и уважение Анне Михайловне⁴⁷¹. Посылаю несколько стихотворений. <...>⁴⁷²

⁴⁷⁰ Сатанаил – старший сын Бога и брат Иисуса Христа, творец материального мира (согласно верованиям средневековых богомилов).

⁴⁷¹ А. М. Метнер.

⁴⁷² На отдельном листе – список стихотворений А. Блока «Страх» («Здесь ночь мертва. Слова мои дики...») и «Запевающий сон, зацветающий цвет...». Блок. Т. 1. С. 143–145. Автографы обоих стихотворений Блок выслал Белому вместе с письмом от 3 февраля 1903 г. (см.: *Белый – Блок*. С. 41).

Возврат

Я вознесен, судьбе своей покорный.
Над головой полет столетий быстрый.
Привольно мне в моей пещере горной.
Лазурь, темнея, рассыпает искры.

Мои друзья упали с выси звездной.
Забыв меня, они живут в низинах.
Кровавый факел я зажег над бездной.
Звездой дальней блещет на вершинах.

Я позову теперь к вершинам брата.
Пусть зазвучат им дальние намеки.
Мой гном, мой гном, возьми трубу возврата!..
И гном трубит, надув худые щеки.

Вином волшебств мы встретим их, как маги.
Как сон мелькнет полет столетий быстрый.
Подай им кубки пенно-пирной влаги,
В которой блещут золотые искры.

Колпак слетел, но гном трубит, как сонный.
В провал слетели камни под ногою.
Трубою машет. Плащ его зеленый
Над бездною полощется седою...

Шепну тебе: из стран обетованных
В долину скорби суждено уйти им...

...

...

...

...

Цветами, гном, осыпь гостей желанных,
Зеленый плащ под ноги расстели им⁴⁷³.

Мое.

Пир

---

⁴⁷³ Четвертое стихотворение цикла Белого «Возврат», опубликованного в «Альманахе книгоиздательства „Гриф“» (М., 1903. С. 48–49); в книгу Белого «Золото в лазури» вошло как первое стихотворение одноименного цикла, с вариантами: строфа IV, ст. 2: «Как сон, мелькнет поток столетий быстрый»; строфа V, ст. 1: «Колпак слетел, но гном трубит – ученый» (СП – I. С. 140–141).

Поставил вина изумрудного кубки.
Накрыл я приборы. Мой стол разукрашен.
Табачный угар из гигантовой трубки
На небе застыл в виде облачных башен.

Я чую поблизости поступь гиганта...
К себе всех зову я с весельем и злостью.
На пир пригласил горбуна-музыканта.
Он бьет в барабан пожелтевшей костью.

На мшистой лужайке танцуют скелеты
В могильных покровах неистовый танец.
Деревья листвою золотою одеты.
Меж листьев блистает закатный багрянец.

Пахучей гвоздикой мой стол разукрашен.
Закат догорел среди облачных башен.
Сгущается мрак... Не сидеть же во мгле ведь!
Поставил на стол я светильников девять.

Пришел, нацепив яркоогненный бант,
Мастито присев на какой-то обрубок,
От бремени лет полысевший гигант,
И тянет вина изумрудного кубок⁴⁷⁴.

Мое.

Р. Р. S. Как Вам нравится «Драма Жизни» Кнута Гамсуна?⁴⁷⁵

РГБ. Ф. 167. Карт. 1. Ед. хр. 9. Помета красным карандашом: «IX». Фрагмент опубликован: ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 196.

Ответ на п. 19.

21. Метнер – Белому

27 февраля – 4 марта 1903 г. Нижний Новгород

Н. Новгород 27 февраля 1903 г. (накануне полнолуния).

Оба Ваши письма (VIII от 30 января и IX от 14 февраля) я получил, глубокоуважаемый и дорогой Борис Николаевич! Последнее Ваше письмо пришло вместе с февральским номером «Нового Пути», что и помешало мне Вам вскоре ответить. С Вашей рецензией о *Драме Жизни*⁴⁷⁶ я согласен во всем, что касается производимого драмою впечатления, «нуменального»; но как *драма*, как *форма*, эстетически, это произведение Кнута Гамсуна не нравится мне; от *Пана*⁴⁷⁷ я был в диком восторге. Читая *Драму Жизни*, я восхищался редко, моментами,

---

⁴⁷⁴ Первая публикация – в «Золоте в лазури», где текст разделен на двуступишия; вариант (строфа IV, ст. 3): «Сгущается мрак... Не сидеть нам во мгле ведь?» (Там же. С. 136–137).

⁴⁷⁵ См. примеч. 11 к п. 12.

⁴⁷⁶ См. примеч. 13 к п. 12.

⁴⁷⁷ См. примеч. 5 к п. 7.

и часто (простите), очень часто зевал от скуки. На обороте этой страницы Вы прочтете стихотворения одного декадентского савраса из местных жителей⁴⁷⁸. Я не читаю Пшибышевского (Шибздик); читает его Аня⁴⁷⁹ и согласна с Вашим отзывом о нем в P<ost> S<criptum'a>x Вашего VIII письма.

28 февраля 1903 года. Видели Вы репродукцию бюста Ницше работы Макса Клингера?⁴⁸⁰ Это еще лучше, сильнее, нежели барельеф Курта Стевинга?..⁴⁸¹ Сестра Ницше и он сам (см. биографию⁴⁸²) свидетельствуют, что ни на одной фотографии не выходил Ницше – философ-поэт-музыкант, а Ницше-солдат. Но так как существует много фотографий и, притом, как профиль, так и фас, то талантливый художник, лично вдобавок видевший Ницше, может дать нам настоящего Ницше. Таким он является у Курта Стевинга (с орлом и змеей) и, в особенности, у Макса Клингера. Голова Ницше у Макса Клингера – нечто невероятное. Это самое замечательное лицо после Канта, Гёте, Бетховена. Ваше *хождение на руках с разведением ног* меня крайне интересует, и я намереваюсь абонироваться на *Мир Искусства*. Напишите мне, в каких №№ истекшего 1902 года были помещены Ваша заметка и реферат. Последний для меня важно прочесть. Ваше рассуждение об «объективации воплощенного на степень идеи» и о «равновесии между теософией и теургией» на этот раз вполне меня удовлетворило. Мне все только кажется, что Вы не совсем справедливы к Канту. Вы знаете его *Пролегомены* и *Критику*⁴⁸³. Но читали ли Вы его *Traume eines Geistersehers* и *Religion*?⁴⁸⁴ *Ergo Die Macht des Gemüths*?⁴⁸⁵ Канта, в особенности (также как Гёте и Ницше), надо узнавать в подлиннике; надо больше читать Канта, нежели о Канте. Даже Ланге не дает истинного понятия о Канте⁴⁸⁶. А Шопенгауэр? Он самым бессовестным образом, ради подтверждения своей философии, объявляет Канта – атеистом. Кант считал Ад, Землю и Рай точными философскими терминами (см. его *Religion* (Kehrbach-Reclam, стр. 60))⁴⁸⁷. «Пропасть» (вернее ров, непереходимый для слабых ходяков), которую Кант вырыл между «феноменом» и «ноуменом», сохранит вечно свое значение и назначение. Философистеры и философутики будут знать свой «шесток». Обла-

⁴⁷⁸ Имеется в виду поэт, прозаик и драматург Иван Сергеевич Рукавишников (1877–1930), уроженец Нижнего Новгорода, с 1896 г. печатавшийся в «Нижегородском Листке». На обороте – гранки (в рубрике «Отголоски печати») под заглавием «Поэт-декадент»: «А. Измайлов в „Новой Иллюстрации“ делает разбор сборнику „трудов“ поэта-декадента И. С. Рукавишникова и в целом ряде выдержек из „стихов“ изобличает „вывих дарования“ г. Рукавишникова». Далее приводятся пространные цитаты из «Стихотворений» (Кн. 2. СПб., 1902) Рукавишникова с оценками Измайлова и отсылкой к «Макбету» Шекспира: «Да, это все пузыри земли, пузыри литературы, от которых не останется ничего, как только дунет свежий ветерок». В гранках излагается статья А. А. Измайлова «Непомерные претензии» (Новая Иллюстрация. 1903. № 8. С. 61–63).

⁴⁷⁹ А. М. Метнер.

⁴⁸⁰ Известны восемь скульптурных портретов Ницше, выполненных М. Клингером в 1901–1904 гг. См.: *Krause Jürgen*. „Märtyrer“ und „Prophet“: Studien zum Nietzsche-Kult in der bildenden Kunst der Jahrhundertwende. Berlin; New York, 1984. S. 243–245 (Monographien und Texte zur Nietzsche-Forschung. Bd. 14).

⁴⁸¹ Бронзовый барельеф Ницше (с орлом) был заказан Курту Стёвингу в 1898 г. сестрой философа Элизабет Фёрстер-Ницше. С м.: Ibid. S. 260 (№ 140).

⁴⁸² См. п. 18, примеч. 6.

⁴⁸³ «Пролегомены ко всякой будущей метафизике» (1783) и «Критика чистого разума» (1781).

⁴⁸⁴ «Грезы духовидца, проясненные грезами метафизика» («Träume eines Geistersehers, erläutert durch Träume der Metaphysik», 1765; критический разбор теософии Э. Сведенборга) и «Религия в пределах только разума» («Die Religion innerhalb der Grenzen der blossen Vernunft», 1793).

⁴⁸⁵ Имеется в виду письмо Канта, адресованное Кристофу Вильгельму Хуфеланду: «Von der Macht des Gemüths, durch den blossen Vorsatz seiner krankhaften Gefühle Meister zu sein» («О способности духа силою только воли побеждать болезненные ощущения», 1798).

⁴⁸⁶ Речь идет о труде Фридриха Альберта Ланге «История материализма и критика его значения в настоящем» (Пер. с 5-го нем. изд. под ред. и с предисл. Владимира Соловьева. Т. 1–2. Киев; Харьков, <1899–>1900). Т. 1 – «История материализма до Канта»; т. 2 – «История материализма со времени Канта».

⁴⁸⁷ В трактате «Религия в пределах только разума» Кант в авторском примечании во вступлении к части 2-й («О борьбе доброго принципа со злым за господство над человеком») заключает: «Своеобразной особенностью христианской морали является представлять нравственно-доброе отличающимся от нравственно-злого не по аналогии отношению неба и земли, но неба и ада; это представление, хотя оно и претит своей картинностью, тем не менее по своему смыслу с философской точки зрения вполне правильно» (*Kant И.* Трактаты и письма. М., 1980. С. 128).

сти размежеваны. Друг другу никто не мешает. Опасность «смешать» и «смешить» ослаблена до *minimum*'а. На меня «отсеченность» нуменального никогда не производила впечатления «тягостного ужаса, зноя <?> без исхода», наоборот: чего-то освобождающего эту область от механичности <1 сл. *нрзб*> гносеологии. Шопенгауэр и Вл. Соловьев – представляются мне поэтому старомоднее Канта. Как *Ницше* – явление, возможное именно после освободительной строгости Канта (как в музыке строгий стиль предшествует свободному), – философ, поэт, музыкант и *Вагнер* – музыкант, поэт, философ вновь комбинируют, соединяют, символизируют то, что раньше «смешивалось», и что после Канта, его разумом обособленное друг от друга, способно стало к сочетанию не «смешному»... NB. В вагнеровской музыкальной драме (хотя я и очень плохо пока знаю ее) есть то, что Вы обозначили очень удачно «буквальностью в нуменальном». – Впрочем, дорогой Борис Николаевич, я не стою за верность моей мысли: я слишком плохо знаю и философию, и теософию (в широком смысле), чтобы претендовать на правильность своих заключений. Я знаю, Вам необходим Шопенгауэр, вернее, его волюнтаризм. Кроме того Вы, в качестве русского, ближе к Шопенгауэру, нежели к Канту, более германцу, нежели Шопенгауэр, в котором, говорят, было несколько капель славянской крови. Я же, как чистокровный немец, люблю Канта. *Ich liebe meinen gemuetlichen Kant*⁴⁸⁸. Впрочем, небольшой комментарий Вам дать могу, воспользовавшись вопросом о метре и ритме⁴⁸⁹; «Только с одним я не согласен», пишете Вы по поводу моей «теории ритма», «с необходимостью тысячелетий для уловления ритма мира». Смотри по тому, что разумеет под «уловлением»; я разумею: приблизительное, хотя бы, перенесение этого ритма (вернее: одного момента, невременного, конечно, этого ритма) *сюда* и включение его (хотя бы с натяжкой) в рамку метрики: например, 7/7, 9/9 и т. п. И вот для этого необходимы тысячелетия; и это человеку не под силу; ангелам – не надо. – Если бы Кант слышал меня, он со мною согласился, ибо он то же самое говорит о невозможности дискурсивного познания нуменального, гносеологии вещи в себе; интуицию он считает не познанием, а творчеством. И я полагаю, что ритм мира уловить можно творческим путем (как бы участвуя в творческом его движении), и для этого не надо тысячелетий; но другое дело, если Вы захотите передать субъективно уловленное другим; вот тогда необходим ряд проверок (вступает <?> гносеология, законы метрики) и тогда, тогда необходимо тысячелетие *личного земного бытия*...

1 марта 1903 года. Итак: Кант о вещи в себе (а я о ритме) верно говорит, утверждая, что она непознаваема. Непознаваема позитивистически; но возможны: «оправдания», «догадки», творческая аналогия; откровение; орган – интуитивный разум... «Творить – значит видеть» – сказал Г. Ибсен в своей речи студентам!⁴⁹⁰ Неужели он под словом *видеть* разумел обыкновенное зрение и обыкновенное сочетание зримого? Студенты, может быть, так и поняли! Итак: существует двоякое зрение. Кант вовсе не отрицал второго; он был только против смешения обоих видений в какую-то *bizarre* фантазмагорию, да и то в *науке*. Кант нигде не говорит, что невозможна разумная (*Vernunft*) интуиция, он говорит, что невозможна рассудочная (*Verstand*), так как рассудок в противоположность чувству, которое интуитивно, – дискурсивен. Канта всеми силами стараются (философутики) поставить на место надоевшего Канта. Кант служил верою и правдою, ибо его легко было окургузить, отшибив ему *мистическую* шишку; ну а Канта придется лишить головы, чтобы он мог продолжить роль философа-

⁴⁸⁸ Я люблю моего уютного Канта (*нем.*).

⁴⁸⁹ «Читая Ваши похвалы (чудесному (?) моему рассуждению о ритме и гению (?) моей гибкости и тонкости в понимании), «я несколько минут был причастен тяжкому греху – гордости» (отрывок из письма Загоскина Пушкину). Цитата из письма М. Н. Загоскина к А. С. Пушкину (20–25 января 1830 г.), впервые опубликованного в книге И. А. Шляпкина «Из неизданных бумаг А. С. Пушкина» (СПб., 1903. С. 133). См.: *Пушкин*. Полн. собр. соч. Т. 14. <Л.>, 1941. С. 60.

⁴⁹⁰ Подразумеваются слова о поэтическом творчестве, произнесенные Г. Ибсеном в речи к норвежским студентам 10 сентября 1874 г.: «...творчество это, в сущности, заключается в *умении видеть* – то есть видеть так, чтобы виденное сообщалось воспринимавшему именно так, как это видел сам поэт» (*Ибсен Генрик*. Собр. соч.: В 4 т. М., 1958. Т. 4. С. 653. Пер. А. и П. Ганзен).

ского «болвана», которую несколько десятилетий с успехом играл Конт. И выходит, что вся разница между старым и новым философским богом сводится к тому, что раньше кричали *о*, а теперь *а*.

—

Читая Вашу «явную и сознательную натяжку» $o\ 4 = 8/2$ (т. е. проекции 8-и; «все земное сжигается, остается старинное»), я сопоставил: старую ведьму, верхом на козле вылетающую в трубу на шабаш в Брокен в Вальпургиеву ночь⁴⁹¹, и «жил был у бабушки серенький козлик: вот как, вот как, серенький козлик? Бабушка козлика очень любила: вот как, вот etc.»⁴⁹², и Ваша *натяжка* не показалась мне уж чересчур таковою. – Вы пишете, что скорее довольны, что Ваша статья не была напечатана в *Приднeпровском Крае*, т<ак> к<ак> она очень и очень экзотерична. Я не разделяю Вашего удовольствия и вот почему. Эзотеричны Вы всегда будете и сами по себе. Вам надо упражняться в экзотеричности, если Вы придаете *серьезное* значение своему писательству. Работая в *Мире Искусства* или *Новом Пути*, Вы никогда не выработаете себе экзотеричности и никогда не приучите к себе публику. А Вам это необходимо хотя бы для того, чтобы не тратить драгоценного времени на добывание хлеба, работая в каком-нибудь департаменте или т. п.; Вам необходимо быть литератором по профессии (избегая, конечно, дурных сторон ее; впрочем, за Вас бояться нечего в этом отношении), а для этого надо научиться говорить с толпой. Конечно Ваш *Hauptwerk*⁴⁹³ будет эзотеричен; но *Hauptwerk* обыкновенно не дает дохода и меньше всего читается большинством, на которое следует смотреть отчасти как на дойную корову. Огромное спасибо за «продолжение начатого осенью в Москве разговора».

2 марта 1903 года. Сейчас перечитываю Вашу эзотерическую лекцию... Все понятно. Все очень хорошо. Поразительно! Поразительно – «три цвета – в молитвенном созерцании Христа»; я понимаю это; но *пурпурный* как-то исчезает из мыслей (у меня лично); остается белый и голубой; голубой особенный, нигде в природе не встречающийся, по котором я тоскую... Чудно сказано Вами о «милом, вечно-грустно-задумчивом, с оттенками довременной старинной родины»... Это Вы понимаете *так*, как никто из *живых* ныне людей, за исключением Коли...⁴⁹⁴ Говорю *живых*, ибо Гёте и Бетховен понимали все. *Ich ging im Walde*...⁴⁹⁵ и т. д. «Если этого не случилось», пишете Вы дальше (т. е. этот «оттенок» не занял подходящего места), то «тут вина европейских варваров». Не есть ли это вина *всего* человечества?.. Не сказало ли *тут* влияние Ницше на Вас? *Drang nach Sueden*?⁴⁹⁶ Ведь северяне глубже понимают южан, нежели наоборот. Впрочем: может быть, я Вас не понял? – «Срыв», «соединение не там», как «коренная ошибка» Мережковского указана Вами в Отрывке из письма, помещенного в «Новом Пути». Так, по крайней мере, я понял слова: «преждевременное соединение, когда ступени развития чувства и разума не пройдены до конца, ведет не к исполнению Св<ятым> Духом, а к оргазму»⁴⁹⁷. Разница в форме выражения: в письме ко мне Вы выразили эту мысль графически, а в письме к Мережковскому: психологически. Я с своей стороны прибавлю к ска-

⁴⁹¹ Образы из Хора ведьм в «Фаусте» Гёте (ч. 1, сцена 21 «Вальпургиева ночь»): «Летят ведьмы на Брокен! <...> Сидит наверху почтенный Уриан! Мчатся ведьмы на козлах чрез камни, чрез дебри! Смердят ведьмы, смердят и козлы» (Фауст, трагедия Гёте. В переводе и объяснении А. Л. Соколовского. С. 125). Брокен – главная вершина горной цепи Гарц, где, по народному поверью, собирается на шабаш нечистая сила.

⁴⁹² Начальные строки детской народной песенки, по-видимому, литературного происхождения. См.: Русская поэзия детям. Т. 1. СПб., 1997. С. 82, 662 (примечания Е. О. Путиловой) («Новая библиотека поэта»).

⁴⁹³ Главный труд (нем.).

⁴⁹⁴ Н. К. Метнер.

⁴⁹⁵ «Я шел по лесу» (нем.) – начальная строка стихотворения Гёте «Находка» («Gefunden», 1813).

⁴⁹⁶ Натиск на юг (нем.).

⁴⁹⁷ Цитата из «отрывка из письма» Белого «По поводу книги Д. С. Мережковского „Л. Толстой и Достоевский“» (Новый Путь. 1903. № 1. С. 157).

занному Вами только одно следующее свое впечатление. Мне крайне противно это: «начнем же делать!» Мережковского и «не до книг и не до больших статей теперь: время дышит нетерпеливо» Розанова; этот спех, эта гонка, эта торопливость («Вы, как русский, человек торопливый», пишет Бенуа Мережковскому⁴⁹⁸) ни к чему, кроме оргазма, не приведут. Это во сто крат хуже, чем, например, вакханалия чувственности у Рихарда Вагнера или богохульство и богоотрицание Ницше, ибо здесь кончается раздвоенность (лучшая часть Ницше и Вагнера стремилась к Небу и Богу *просто без заигрываний*) и пропадает *весь* человек. Розанова мне как-то менее жаль, но Мережковского я люблю; мне страшно хотелось бы, чтобы он *выжидал*, только *выжидал*, вот как мы с Вами. Я понимаю, что, с моей стороны, смело так «решать» судьбу Ницше и Мережковского, Розанова и Вагнера. Но ведь я не виноват, если ужас Ницше и Вагнера, когда они упражняют свои гениальные силы, поворотив спину Христу, не вызывает во мне того беспокойства, как хождение по канату между двумя безднами Мережковского... (Бенуа смешон со своим предположением о действ. «trente ans»⁴⁹⁹). Из приведенных Вами стихотворений Блок мне на этот раз меньше нравится. Ваш «Возврат» – очень хорош: Вы отлично понимаете *гнома, старинное, земное*, зеленое, из которого (зеленого) однако удалено все *змеиное*... оттого и уютность: где змея, там уж не может быть уюта... Кстати, не говорите этого, а также о бабушке и сереньком козлике Алексею Сергеевичу: он *не* одобрит этого. Я знаю...

3 марта. NB. Очень важный вопрос: (прошу продумать!): I посл. Павла Коринфянам, гл. 14. *glvttaiVlalein*⁵⁰⁰ Что это значит? И не ошибка ли переводчика вставить «незнакомый»?⁵⁰¹ Не противопоставляется ли в этом изумительном месте эзотеризм – экзотеризму? Причем экзотеризм есть пророчество (нечто бурное, фантастическое, невыяснившееся, смутное), а эзотеризм – *γλῶττα* – язык, нечто совершенно ясное, ослепительно чистое «белое» и потому непонятное обыкновенным людям. Апостол Павел, радея о церкви, т. е. обо *всем* обществе, советует не только говорить «языками», но и пророчествовать, чтобы назидать всех?⁵⁰² Что Вы на это скажете? И возможно ли понять до конца это место, принимая вставку «незнакомый»?

4 марта. Только что получил письмо от Алексея Сергеевича⁵⁰³. Скажу подробнее о нем после. А теперь, чтобы не забыть, спрашиваю Вас: что скажете о Фаусте и Маргарите Врубеля? Алексей <Сергее>вич восхищен⁵⁰⁴. Но не распространяется. Распространитесь Вы. Только, ради Бога, не спешите. Садитесь писать мне только если Вас тянет к этому «удовольствию» и если есть время... Петровский пишет, что в Москве нет настоящей весны⁵⁰⁵, но *зато* солнце

⁴⁹⁸ Неточно цитируется письмо А. Н. Бенуа, опубликованное в разделе «Из частной переписки» в № 2 «Нового Пути» за 1903 г. с обозначением: «Письмо художника А. Б. к Д. С. Мережковскому»; в оригинале: «В качестве русского, вы – человек торопливый» (С. 157).

⁴⁹⁹ Подразумевается фраза из того же письма: «Мне кажется, что *passé 30 ans* – эта мысль, вернее, нечто физиологическое, начинает подтачивать все наше существование» (С. 157).

⁵⁰⁰ *γλῶττα* (греч.) – язык, речь; *ἄλλέω* – говорить, владеть речью.

⁵⁰¹ В указанной главе отмеченное слово (в синодальном переводе Нового Завета) употребляется многократно: «Ибо кто говорит на незнакомом языке, тот говорит не людям, а Богу» (14: 2); «Кто говорит на незнакомом языке, тот назидает себя» (14: 4); «Теперь, если я приду к вам, братия, и стану говорить на незнакомых языках, то какую принесу вам пользу, когда не изъяснюсь вам или откровением, или познанием, или пророчеством, или учением?» (14: 6); «Ибо когда я молюсь на незнакомом языке, то хотя дух мой и молится, но ум мой остается без плода» (14: 14) и т. д.

⁵⁰² Ср.: «...братия, ревнуйте о том, чтобы пророчествовать; но не запрещайте говорить и языками» (1 Кор. 14: 39).

⁵⁰³ Имеется в виду письмо А. С. Петровского от 2 марта 1903 г. (РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 26).

⁵⁰⁴ Подразумевается панно Врубеля «Фауст и Маргарита в саду» (см. примеч. 14 к п. 8). В том же письме Петровский отзывался о нем: «Это поистине гениальная вещь, равную которой по силе и глубине я не припомню. Ко Врубелю трудно подойти, и я только на этой картине подошел к нему. Тут есть всё. Есть и вечная тема: Невеста Агнца (Церковь) и Христос (хотя, может быть, и поддельные). Я не могу выразить, что я (или мы) тут увидел. <...> Фауст (очень высокий) наклонился над плечом Марг<ариты>, руку которой он держит в своей. Они идут. Марг<арита> смотрит вперед, не видя (т. е. видя) широко раскрытыми глазами. Я чувствую лихорадку при одном воспоминании об этой вещи. Попросите Буг<аева> написать Вам об этой картине. Он сможет. Она мне, между прочим, открыла глаза на Гёте, к которому я всю зиму подходил, на „дух Фауста“, а следовательно, и на Вас, как на его типичного носителя» (РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 24).

⁵⁰⁵ В том же письме Петровский упоминает о необходимости готовиться к экзаменам «при отсутствии настоящей весны».

(в Нижнем, по крайней мере) – совершенно белое. Я раньше никогда не замечал такого цвета: прямо смотреть можно. И не серое, а именно белое, молочное.

Когда Вы написали мне о смерти Соловьевых, я подумал, что это описка (*их* вм<есто> а). Потом получил *Новый Путь*, где и прочел некролог...⁵⁰⁶ Что делает их бедный сын?⁵⁰⁷ – Вы пишете о биографии Ферстер-Ницше, что кто-то упрекает ее в искажении фактов. Но кому же лучше знать факты, как не сестре, всю жизнь ухаживавшей за братом?.. И затем: что такое факт и его искажение? Что Гёте был двадцать лет в связи с Христиной Вульпиус и на двадцать первом с ней обвенчался – это факт; что Гёте написал в честь ее *Римские элегии* – это тоже факт⁵⁰⁸; а вот Христина Вульпиус, будто бы, была «кухаркою» – это искажение факта; для тех же, кто последнее считает фактом, искажением одного является написание в честь ее Римских Элегий. Во всем, что пишет эта чудная женщина, столько внутренней символической правды (и притом невольной, непреднамеренной), все так гармонирует с автором *Geburt der Tragödie*⁵⁰⁹ и *Zarathustra* (каким он нам: мне, Вам – представляется из этих сочинений), кроме того, она так документально подтверждает приводимые факты, что надо задаться предвзятой (и злобной) целью, чтобы приводить какие-то контрдокументы... Вся работа Ферстер производит умиленное впечатление «жития». Как только выйдет второе отделение второго тома⁵¹⁰, я немедленно приобрету себе. Как обрашник вышеупомянутой непреднамеренной символической правды см. стр. 57 II тома, Отделение I. *Die Bergpredigt auf dem Monte-Bré...*⁵¹¹ Читали в газетах о Гарнеффере? Ученик Ницше? Он пишет, что могущественнее, прекраснее всего Ницше был в гробу; он казался погибшим богом!⁵¹² Это важно сопоставить с отсутствием всякой красоты в мертвом Вл. Соловьеве.

В девятом письме Вы пишете, что *легкое* нездоровье парализовало *всю Вашу активность* и притом настолько, что Вы не могли даже написать мне письма, а это для Вас *только удовольствие...* Это и огорчило и утешило меня. Огорчило потому, что Вы так поддаетесь (или, быть может, умышленно отдаетесь) парализующему действию недомоганий тела. Утешило, ибо

⁵⁰⁶ См. п. 18, примеч. 2.

⁵⁰⁷ Сергей Михайлович Соловьев.

⁵⁰⁸ С Кристианой Вульпиус (дочерью архивариуса, работницей на фабрике искусственных цветов) Гёте встретился в Веймаре летом 1788 г. и ввел ее в свой дом, в том же году создал цикл «Римские элегии» («Elegien. Roma»), в лирической героине которого нашел отражение ее образ. Обвенчался Гёте с Кристианой 19 октября 1806 г., на девятнадцатом году их совместной жизни, после того как она спасла его от расправы, которую готовы были учинить ворвавшиеся в их веймарский дом пьяные французские солдаты – победители в битве при Иене.

⁵⁰⁹ «Die Geburt der Tragödie aus dem Geiste der Musik» («Рождение трагедии из духа музыки», 1871) – первый философский трактат Ницше.

⁵¹⁰ См. примеч. 6 к п. 18.

⁵¹¹ «Горная проповедь на Мон-Бре» (нем.). Имеется в виду эпизод, относящийся к пребыванию Ницше вместе с сестрой в Лугано (Швейцария) весной 1871 г., – охватившие всех возвышенные переживания при созерцании весеннего горного ландшафта; некая дама воскликнула: «Этого я не забуду никогда, это действительно настоящая горная проповедь!» («Das vergesse ich nie, das war ja eine wahre Bergpredigt!») (*Förster-Nietzsche Elisabeth. Das Leben Friedrich Nietzsches. Bd. 2, Abt. 1. Leipzig: Verlag C. G. Naumann, 1897. S. 57*).

⁵¹² Речь идет о хроникальной заметке, посвященной изложению лекций о Ницше доктора Горнеффера, прочитанных в Вене; в ней, в частности, сообщалось: «...ученик покойного Ницше, известный молодой ученый, доктор Горнеффер, возбудил снова интерес всей Вены, если не к философской системе Ницше, то, во всяком случае, к нему самому. В трех обширных лекциях, собравших чуть ли не всю мыслящую и полумыслящую Вену, Горнеффер блестяще развил учение своего учителя и ловкими руками воздвиг стройное здание его миросозерцания». Далее корреспондент передавал слова лектора о больном Ницше: «...впечатление, что пред нами – не простой смертный, а пророк, великий в своем горе, красивый в своей бессилии. <...> Предо мною был не пикантный, острый в своих афоризмах Ницше. Это был другой Ницше. Это был пророк, божественной красоты и скромности. Да, это был Заратустра. Первое, что бросилось мне в глаза, это был громадный лоб. Что-то Гётевское, что-то чисто юпитерское отражалось на этом высоком лбу. Говорят, что раньше, когда Ницше был еще здоров, он не производил этого впечатления. <...> Когда Ницше стягивал лоб в широкие складки и при этом открывал ничего не говорящие глаза, – впечатление было ужасающее! И безумие чувствовалось так сильно, как никогда. Но стоило Ницше закрыть глаза, предо мною был философ, пророк, дивной, сказочной красоты. Ото всей его фигуры исходило тогда величие, способное покорить весь мир» (*Тэзи А. <Ротенштерн П. И.> Больной Ницше (От нашего венского корреспондента) // Новости Дня. 1903. № 7055, 28 января. С. 2*).

легче стало на душе при мысли, что не виноват я в слабости своей активности, раз 10 лет, 10 лучших лет моей жизни я находился почти в непрерывном удушьи. А до удушья – пребывал в гимназическом кошмаре, который, быть может, способствовал появлению этой болезни, не покидающей меня и по сию пору. Конечно, болезнь мне многое дала, на многое раскрыла мне глаза, утонила мои чувства и т. д. и т. п. Я понимаю и ценю «священное» ее значение. Но все-таки с тоской думаю об утраченных силах: болезнь слишком мало оставила мне их. Лучше бы несколько менее созерцать, зато сделать хоть что-нибудь. Когда-нибудь я при случае вспомню и вернусь к оригинально сложившейся моей судьбе. Теперь мне тяжело говорить об этом... Обращу Ваше внимание на след<ующее>: какова должна быть сила гениальности Ницше, если он, невыносимо страдавший с 25-тилетнего возраста и до самой смерти⁵¹³, мог столько сделать!? – Меняю тему: в окрестностях Н. Новгорода появились... грачи. Пахнет весною. Губернатор ездит по губернии и совершает ревизию. Вместе с ним начальник его канцелярии, который просматривает входящие и исходящие всех присутственных мест и полицейских управлений. Идут усиленные приготовления к открытию мощей преподобного Серафима...⁵¹⁴ А у нас гостит Марья Михайловна⁵¹⁵, неугомонная шалунья, сестра Анюты, та самая, которая с Алексеем Сергеевичем играла в салки во всех залах Благородного Собрания. Кстати: Ал<ексей> Серг<еевич> ничего мне не пишет.

Пользуюсь отъездом Марьи Михайловны и передаю ей это тяжеловесное в почтовом и иных отношениях письмо, которое, надеюсь, будет передано Александром Михайловичем Вашему педелю⁵¹⁶. Желаю Вам здоровья и терпения для экзаменов. Господь с Вами, дорогой мой! Ваш Э. Метнер. Анюта кланяется Вам⁵¹⁷.

⁵¹³ В сентябре 1870 г. Ницше, будучи санитаром на франко-прусской войне, заразился дизентерией и дифтеритом и в течение недели был в почти безнадежном состоянии; после этого он переживал постоянно ухудшение здоровья, периодически повторявшееся всю жизнь.

⁵¹⁴ Мощи Серафима Саровского были с великим торжеством открыты и помещены в приготовленную раку 19 июля 1903 г., в день его рождения; в этот же день в присутствии царской семьи состоялась канонизация преподобного Серафима Саровского. Об этом готовящемся событии Метнера уведомил А. С. Петровский 6 декабря 1902 г. со слов своей сестры, Е. С. Петровской – монашенки Дивеевского монастыря: «На днях получил от нее письмо, где она пишет, что открытие мощей назначено на 19 июля. У них был Ваш губернатор, все осматривал, назначал и т. д.» (РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 24).

⁵¹⁵ М. М. Братенши.

⁵¹⁶ А. М. Братенши. Педель – университетский служащий.

⁵¹⁷ Приложены гранки статьи С. Протопопова «Беглые заметки» (Нижегородский Листок. 1903. № 56, 27 февраля. С. 3), дающей критический обзор «Нового Пути»: «По двум вышедшим книжкам *Нового Пути* можно заключить, что главным заведующим чертами в новом мистическом журнале является г-н Мережковский. А помощниками его в этой страшной области выступают два совершенно новых писателя: Андрей Белый и Антон Крайний». На гранках Метнер приписал: «(кстати, скажите, дорогой Борис Николаевич! Кто такой Бухарев и Знаменский (Новый Путь, февраль, стр. 146))». Имеется в виду опубликованное в авторской рубрике В. В. Розанова «В своем углу» письмо к нему протоиерея А. Устынского (в публикации подпись: А. У – ский): «О, как горячо я благодарю вас за статьи о Бухарева („Нов. Врем.“ от 12 декабря). И книжка Знаменского, и личность Бухарева вполне стоят того, чтобы о них заговорить», и т. д. (Новый Путь. 1903. № 2. С. 145–146). К вычеркнутому красным карандашом заключительному разделу статьи Протопопова Метнер сделал приписку: «Я зачеркнул это. Но как могла случиться подобная история. Не сам же Витте прислал заметку». Протопопов (со ссылкой на корреспонденцию в «Новом Времени») сообщал, что опубликованная в «Новом Пути» (1903. № 2) статья «Наши задачи в Сибири» (подписанная криптонимом I. С.) является дословным заимствованием из доклада министра финансов (С. Ю. Витте) о поездке на Дальний Восток, обнародованного 18 февраля 1903 г.; также он приводил (по тексту «Нового Времени») разъяснения официального редактора «Нового Пути» П. П. Перцова, сообщавшего, что статья была доставлена редакции «при условиях, исключавших, как казалось, всякую возможность сомнений в чисто-литературном ее происхождении» и что редакция «тем менее имела основания предположить здесь совпадение со столь официальным источником, что в статье были «по независимым обстоятельствам выпущены два места» (т. е. не пропущены цензором). Последнее обстоятельство побудило Протопопова перейти от этого казуса к общим умозаключениям: «Инцидент с редкой рельефностью освещает чрезвычайно важный для нашей печати вопрос о цензуре. <...> Дело в том, что лучшие и опытнейшие цензора, а также лучшие и опытнейшие журналисты все согласно признают, что нет никакой возможности установить ясной и определенной нормы допустимого и недопустимого по нашему цензурному уставу». Объяснительное письмо Перцова в Главное управление по делам печати от 24 февраля 1903 г. по этому поводу приведено в кн.: Лавров А. В. Символисты и другие: Статьи. Разыскания. Публикации. М., 2015. С. 358–359.

РГБ. Ф. 167. Карт. 4. Ед. хр. 11. Фрагмент опубликован: ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 197.

Ответ на п. 18, 20.

22. Белый – Метнеру

3 марта 1903 г. Москва

Москва. 03 года. Марта 3.

Дорогой мне Эмилий Карлович,

И опять, и опять я пишу *«все о том же»*; пронеслась вторая волна недобрых вибраций, которые, однако, если держаться крепко за *белое, голубое* или *розовое*, совсем не опасны, а только разве что начнут рвать одежду – сорвут шляпу. И сейчас же мысль о Вас – как Вы? Заметили ли? Благополучно ли отнеслись?

И вот пишу...

Я не знаю, откуда берутся эти проносящиеся друг за другом астральные облака – гряды туч, гонимые бурей. Я не знаю, как Вы – я значительно окреп к перенесению всяких бурь сравнительно с прошлым годом, так что уже и надеюсь совладать, преодолеть ужас *насмешкой к нему*. Еще в прошлом году пронесившиеся бури пронизывали, могли пронизывать центр *моего главного*. А теперь они больше выются вокруг, задевая сбоку. По словам А<лексея> С<ергеевича>, теперь в Сарове тоже буря⁵¹⁸. Весна и первая половина лета будет тревожна, а осень – благодатна и мирна. Таковы слова А<лексея> С<ергеевича>, а я неоднократно убеждался в его чуткости в этом отношении.

Все чаще и чаще мне начинает казаться, что старец Серафим – единственно несокрушимо-важная и нужная для России скала в наш исторический момент. Величина его настолько крупна, что у меня неоднократно являлось, по отношению к нему, особое, неразложимое чувство – чувство Серафима – напоминающее в меньшей степени... Христово чувство, *но о другом*... Люди, знающие, что такое молитвенное созерцание Христа (наступающее после длинной молитвы обращения), или чувствующие внезапный приход, невидимое приближение Его, – до некоторой степени заговорщики... Не заговорщики ли во Христе мы? Не анархисты ли мы по отношению ко всему, что прямо вопреки Ему? (Кстати: я ужасно легко себя чувствую со всяким анархистом – мы понимаем друг друга, хотя и *о разном* – мы). Мне хочется, чтобы мы были и заговорщиками в Серафиме – анархистами во имя его. В самом деле: многое *темное*, касающееся Серафима, есть, быть может, лишь *внецветное, восьмое* – *новозаветное слишком новозаветное*⁵¹⁹. Вот пункт важный и драгоценный для психологического анализа: где историческое христианство *черно* (ужасно) и где оно *внецветно* (о восьмом, Отчее), т. е. невыносимо нежно и мило – несказанно, а внешне высказанно – кажущееся ужасным. И к чему относятся *«старушки»* – к 1-ому или к 8-му? У Исаака Сирианова (аскета) очень много *кажущегося черным внецветного*; теперь я понимаю, отчего его неофитам не рекомендуют читать (где слабым очам различать *черное* от *внецветного*?). Вот вопрос: *аскетизм* исторического христиан-

---

⁵¹⁸ Упоминается А. С. Петровский (получивший это известие, видимо, от своей сестры Е. С. Петровской из Дивеева).

⁵¹⁹ Формулировка по аналогии с названием книги Ницше «Человеческое, слишком человеческое» («Menschliches, Allzumenschliches», 1878).

ства черен или внецветен по преимуществу (по осуществлениям)? Как *ветхозаветно-пурпурное-Отчее* на плоскости воплощения легко смешать с *огненным ужасом* третьей стадии (грехи, как *багряное*) внутреннего пути (огонек *Денницы* и огонек *Отца* – раздвоение нижней бездны – срыв), так и *черное* (1-ой стадии) и *внецветное* (8-ой стадии) часто сливаются на плоскости символа для неопытных, но дерзновенных богоискателей. Тут вся неоценимая, сокровенная глубина Его слов об Отце: «*Принимающий Меня, принимает и Отца*»⁵²⁰. Везде Отец сквозь Христа в Новом Завете, и обратно: Христос сквозь Отца в *Ветхом*. Изображаю графически.

1) В Ветхом Завете всегда «а» на «с» дает «b». 2) В Новом Завете «b» на «с» дает «а». Христос в «b» занавесил нижние бездны – дал возможность не смешивать *пурпурное* с огненно-красным (желтокрасным), а познавать *внецветным* сквозь *белое* и *голубое*.

Был я у Николая Карловича⁵²¹. Слушал его исполнение бетховенской сонаты – кажется, ор. 14 (или сонаты № 14 – не знаю). Это – сплошная несказанная гениальность; действительно: выше Бетховена никогда не существовало большего гения по силе углубленных и созидающих начал (мы говорим об искусстве, конечно). Прекрасно «*Scherzo infernale*» Николая Карловича⁵²² – вот здесь сила буревых налетов – пролетов, столь характерных для современности. Как я верю в Вашего брата, как надеюсь на него!.. Ал<ексей> Сер<геевич> говорил мне, что недавно написал Вам о картине Врубеля «*Фауст и Маргарита*»⁵²³. Я уверен, что будь Вы на выставке «*Мира Искусства*», Вы заболели бы даже от силы и глубины этой картины (признаюсь – я всего два раза был на выставке, но образ *Фауста*, ведущего под руку Маргариту, которая в свою очередь длинной и бледной рукой срывает, проходя, маргаритку, врезался нестерпимой ясностью в мое сознание). Вот ходят они, кружатся – оборачиваются; уйдут из рамки картины, где останется лишь декоративный пейзаж – и опять вернуться; в это время им Кто-то аккомпанирует неизменно оборотами веретена – шубертовской музыкой к «*Песне Маргариты*»⁵²⁴. И эти обороты веретена суть обороты времени. Если я остался здоров, а я едва не занемог от этой картины, – то только потому, что Гёте мне менее известен, нежели Вам, а потому я, вероятно, и не мог до конца воспринять «*это*» идущее от Гёте и преподносимое публике в репродукции (транскрипции) Ницше – это «вечно-женственно» – жалобное и вечно-фаустовское – любопытно-мужское... Оно приходит и уходит – и приходит под звук веретена. И эти обороты веретена суть обороты времени.

Не забывайте меня, дорогой Эмилий Карлович, и простите, если редко и сравнительно мало пишу Вам – бледно пишу. Но я устаю: надвигаются государ<ственные> экзамены и все еще не поданное мною сочинение⁵²⁵. Поэтому я так бесцветно вял. Сообщите о себе. Буду ждать с нетерпением. Господь с Вами.

А пока остаюсь глубокоуважающий Вас и горячо любящий

⁵²⁰ Мф. 10: 40 («...кто принимает Меня, принимает Пославшего Меня»); Мк. 9: 37 («...кто Меня примет, тот не Меня принимает, но Пославшего Меня»).

⁵²¹ Н. К. Метнер.

⁵²² «Инфернальное скерцо» (Ор. 2. «Три импровизации» для фортепиано, № 3).

⁵²³ См. п. 21, примеч. 25.

⁵²⁴ См.: «Фауст», ч. 1, сцена 15 («Комната Гретхен»). Песня Ф. Шуберта – «Гретхен за прялкой» («Gretchen am Spinnrade», ор. 2; 1814).

⁵²⁵ Подразумевается выпускная университетская работа Белого – кандидатское сочинение «Об оврагах». Текст его не обнаружен.

Борис Бугаев.

Р. S. Мое уважение и сердечный привет Анне Михайловне⁵²⁶.

Р. Р. S. Посылаю этот маленький песенник «о прошлом».

1. Объяснение в любви

Сияет роса на листочках.
И солнце над прудом горит.
Красавица с мушкой на щечках,
Как пышная роза сидит.

Любезная сердцу картина!
Вся в белых сквозных кружевах –
Мечтает под звук клавесина...
Горит в золотистых лучах.

Под вешнюю лаской фортуны
И хмелю обвитый карниз,
И стены. Прекрасный и юный
Пред нею склонился маркиз

В привычно заученной роли,
В волнисто-седом парике,
В лазурно-атласном камзоле,
С малиновой розой в руке.

«Я вас обожаю кузина!..
Извольте цветок сей принять...»
Смеются под звук клавесина.
И хочет подругу обнять.

Целует напудренный локон
И плечи скрывающий шелк.
Глядит из отворенных окон
Подкравшийся муж, точно волк.

Уже вдоль газонов росистых
Туман бледнобелый ползет.
В волнах фиолетово-мглистых
Луна золотая плывет⁵²⁷.

---

⁵²⁶ А. М. Метнер.

⁵²⁷ Впервые опубликовано в книге Белого «Золото в лазури» (С. 66–67), с изъятием строфы VI. См.: *СП – I*. С. 106–107.

2. Встреча

Вельможа встречает гостью.
Он рад соседке.
Вертя драгоценною тростью,
Стоит у беседки.

На белом атласе – сафиры.
На дочках – кисейные шарфы.

Подули зефиры –
Воздушный аккорд
Эоловой арфы...

Любезен, но горд,
Готовит изящный сонет
Старик.
Глядит в глубь аллеи, приставив лорнет,
Надев треуголку на белый парик...

Вот... негры вдали показались – все в красном – лакеи...
Вот... блеск этих золотом шитых кафтанов.
Идут вдоль аллеи
По старому парку...
Под шепот алмазных фонтанов
Проходят сквозь арку.

Вельможа идет для встречи.
Он снял треуголку.
Готовит любезные речи.
Шуршит от шелку⁵²⁸.

3. Прощание

Красавец Огюст,
На стол уронив табакерку,
Задев этажерку,
Обнявши подругу за талью, склонился на бюст.

«Вы радости – кои
Фортуна несла – далеки»...

---

⁵²⁸ Впервые опубликовано в «Золоте в лазури» (С. 68–69) под заглавием «Менуэт»; вариант ст. 17: «Идут в глубь аллеи». См.: *СП – I*. С. 107.

На клумбах левкои.
Над ними кружат мотыльки.

«Прости мое счастье:
Уйдет твой Огюст»...

Взирает на них без участия
Холодный и мраморный бюст.
На бюсте сем глянец.

«Ах, счастье верну:
Коль будет противник, его, как гишпанец,
С отвагою шпагой проткну!..
Ответишь в день оный,
Коль, сердце, забудешь меня!»

...Сверкают попоны
Лихого коня...
Вот свистнул по воздуху хлыстик.
Помчался
И вдаль улетел.

И к листику листик
Прижался:
То хладный зефир прошумел...

«Ах, где ты, гишпанец мой храбрый?
Ах, где ты Огюст?..»

Забыта лежит табакерка.
Приходят зажечь канделябры.

В огнях этажерка
И мраморный бюст⁵²⁹.

4. Ссора

Заплели косицы змейкой

---

⁵²⁹ Впервые опубликовано в «Золоте в лазури» (С. 70–71), с посвящением Эллису. См.: *СП – I*. С. 108.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.